СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Е. Фишера.
1839.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XVI.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Е. Фишера.
1839.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2089

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ХРОНИКА РУССКАГО ВЪ ПАРИЖѢ.

$\frac{\text{28 Апрѣля}}{\text{10 Маія}}$ 1839. S-te Beuve уѣхалъ въ Неаполь къ веснѣ въ-гости. У Рекамье новаго чтенія не было; но о тебѣ справлялись. Въ камерѣ суматоха попрежнему. Въ книжныхъ лавкахъ кое-что новое, наприм: брошюра Ламене; сатира m. Barthélémy «Sur la coalition.» Это не Мери и Бартелеми, а только ихъ соименникъ. Поэтъ-хлѣбникъ Ребуль издаетъ здѣсь «Le dernier jour,» но самъ въ Нимѣ, гдѣ онъ «какъ лилія

Въ пустынѣ разцвѣтаетъ,
И въ хлѣбнѣ закисаетъ!»

29 Апрѣля. / 11 Маія. Вчера спросила меня Рекамье: «видѣли ли вы мой новый кабинетъ?» и повела меня въ ту комнату, гдѣ была нѣкогда ея спальня и ея пріемная, и гдъ въ первый разъ я видѣлъ ее. Такъ-какъ доктора запретили ей жить въ малой комнаткѣ, то она перешла въ тѣ покои, гдѣ ты бывалъ у нея, а изъ прежняго кабинета - спальни сдѣлала библіотеку и музей дружбы и лучшихъ воспоминаній жизни своей. Въ одной стѣнѣ сдѣланъ шкафъ, уставленный книгами; стѣна, которую занимала картина *Жерара* (Коринна), заставлена мебелями и на ней портреты: Шатобріана, добродѣтельнаго Комисъ-Жордана, герцога Матвѣя Монморанси; на простѣнкѣ близъ камина портретъ m-me Stahl вмѣстѣ съ портретомъ герцогини Брогліо въ дѣтскомъ возрастѣ (и генія и ангела не стало!). Другой силуэтъ матери лежалъ на столѣ: m-me Stahl, но еще въ пудрѣ. Этотъ портретъ подаренъ Рекамье герцогомъ Матвѣемъ Монморанси. Тутъ же видъ дачи, принадлежавшей Шатобріану близъ Sceaux; видъ древняго историческаго замка Chaumont, гдѣ m-me Sthal провела часть своего изгнанія изъ Парижа, во время грознаго и для нея Наполеона, съ избранными друзьями и съ m-me Récamier; видъ замка Coppet на Женевскомъ озерѣ. Хозяйка расказывала мнѣ жизнь свою и подвела къ столику, на коемъ лежала рукопись въ несшитыхъ листахъ.... Какъ прекрасно устроила она вечеръ жизни своей! Все ея житейское искуство — въ душѣ ея, въ любви къ изящному, которую она умѣла уберечь и

всѣхъ искушеніяхъ жизни — c'est le soir d'un beau jour! Эта жизнь прошла и проходитъ не въ однихъ наслажденіяхъ ума, но и сердца — въ благодѣяніяхъ. И вчера хлопотала она о бѣдныхъ затворникахъ *братства молчанія*, у коихъ отнимаютъ собственность — весь пріютъ ихъ. Давно я не былъ такъ растроганъ, какъ въ эти незабвенныя минуты: мнѣ хотѣлось удержать въ памяти эту милую улыбку, съ которой она подавала мнѣ руку свою — «ce sourir sérieux d'amour et de grace, qui exprime à la fois la confiance et la pitié pour les peines de l'épreuve, pour les ennuis d'un exil qui doit finir; présage doux et serein, où se lit dès à présent la certitude de nos ésperances infinies, la grandeur de nos destinées définitives (Баланшъ о *ней*). «И вотъ еще нѣсколько строкъ Баланша о ней же:» Cette femme, dont je veux taire ici le nom, que je veux laisser voilée comme fit le Dante, est douée de toutes les sympathies généreuses de ce tems. Elle a visité, avec le petit nombre, le lieu qu'habitent les intelligences: c'est dans ces lieux de paix immuable, d'inaltérable sécurité, qu'elle a contracté de nobles amitiés, ces amitiés qui ont rempli la vie, qui nées sous d'immortels auspices, sont également à l'abri du tems et de la mort, comme de toutes les vicissitudes humaines.» Я бы желалъ, чтобы S-te Beuve написалъ Рекамье біографію. Кстати о немъ. Я купилъ сегодня IV и V часть его: «Critiques et portraits,» первыя три давно уже въ Симбирскѣ. Въ нихъ собраны всѣ его статьи біографическія и литературныя, въ разныхъ Revues напечатанныя,

за исключеніемъ двухъ послѣднихъ: «Sur les recueil
lemens poëtiques Ламартина и о нашемъ графѣ (Ха
vier) Мейстерѣ, коего S-te Beuve узналъ здѣсь лично
Я кончилъ день вечеринкой (едва ли не послѣдней?
у Англійскаго посла. Посѣтителей было болѣе обы
кновеннаго, ибо полагаютъ, что *Гранвиль*, съ пере
мѣною Англійскаго министерства, долженъ будет
удалиться отъ дѣлъ. Тутъ былъ и богатырь коали
ціи, крошка-Тьерсъ. Меня увѣряли, что Моле
Тьерсъ болѣе получаса другъ съ другомъ бесѣдовал
въ этотъ вечеръ. Я нашелъ здѣсь и знаменитаго *Бо
вринга*, нѣкогда сближавшаго народы литературою
теперь сближающаго ихъ либеральной системой тор
говли.

Я былъ въ академіи и не зѣвалъ! Я не помню
чтобы съ тѣхъ поръ, какъ принимали въ академію
Ройе-Коляра, ротонда института когда-либо была так
наполнена, какъ сегодня: въ центрѣ и въ боковыхъ
ложахъ не оставалось ни однаго празднаго мѣста
даже и на bancs reservés, кои сберегаются обыкно
венно для семействъ членовъ института, или для ми
нистровъ. Когда всѣ мѣста на скамьяхъ были заня
ты, принуждены были прибѣгнуть къ стульямъ и к
табуретамъ, коими заставили всѣ промежутки, остав
ляемые обыкновенно для спасающихся заблаговремен
но отъ академической скуки. Я пришелъ съ моим
товарищемъ, безъ билета, полагая, что собраніе от
дѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ бу

детъ въ обыкновенной залѣ института. Къ счастію привратникъ почтилъ во мнѣ усердіе, съ коимъ я посѣщаю академическія собранія, и впустилъ насъ. Пріятели и пріятельницы оратора, сослуживцы его по министерству иностранныхъ дѣлъ, депутаты, канцлеръ Пакье, юныя отрасли фамиліи Талерана, сослуживцы и домочадцы его, между коими и безвласый *Монтеранъ*, блестящія толпы здѣшней аристократіи, и наконецъ многіе Англичане, въ безмолвіи ожидали появленія членовъ пяти академій. Старшій *Дюпень*, эксъ-президентъ камеры депутатовъ и временный предсѣдатель академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, *Росси*, вице-президентъ, и *Mignet*, безсмѣнный секретарь оной, въ шитыхъ кафтанахъ aux palmes vertes, заняли мѣста свои, и за ними высыпали въ амфитеатръ всѣ прочіе члены: изъ числа первыхъ всегда являются на мѣстахъ своихъ старшіе по лѣтамъ и въ спискѣ академическомъ: между ними графъ *Лакюе*, бывшій долго министромъ военной администраціи при Наполеонѣ и авторъ многихъ важныхъ учрежденій по части управленія воинскаго, и особенно конскрипціи, снабженія и продовольствія войскъ, *Симеонъ*, бывшій долго министромъ эфемернаго Вестфальскаго королевства, во время *Іеронима*. Обыкновенно являлся съ ними и *Маре*, герцогъ Бассано; но онъ лежитъ теперь на смертномъ одрѣ и не слышитъ, какъ товарищъ его, по академіи, осуждаетъ на безсмертіе товарища его въ ряду дѣятельныхъ сподвижниковъ Наполеона..... Немногихъ

изъ членовъ пяти академій не доставало; въ этомъ числѣ были знаменитости первокласныя: Гизо, Ройе-Коляръ, Тьерсъ, Ламартинъ. Ихъ увлекала другая обязанность — выборъ секретарей въ камеру депутатовъ. Ровно въ два часа предсѣдатель Дюпень открылъ засѣданіе *обнародованіемъ* наградъ, назначаемыхъ по программамъ, предложеннымъ академіею. Но такъ-какъ по двумъ главнымъ задачамъ, кои были предложены въ конкурсѣ къ 1839 году, изъ шести диссертацій ни одной не присуждено предположенной награды; то академія снова предлагаетъ ихъ къ разрѣшенію. Первую изъ сихъ задачъ: «Examen critique de la philosophie allemande,» трудно рѣшить ученымъ Франціи; ибо предметъ оной не обратилъ еще достаточно ихъ вниманіе — и кто изъ нихъ углублялся въ системы Германской философіи? Едва двѣ или три книги за-Рейнскихъ мыслителей переведены на Французскій: *Кантъ* невполнѣ, *Тенеманъ*, недавно *Штраусъ* — и сіи переводы не выдержатъ строгой критики по своей неточности, особенно въ философической терминологіи. Прежде *Дежерандо* и *Виллярсъ* нѣсколько познакомили соотечественниковъ съ Нѣмецкою философіею; *Порталисъ*, министръ духовныхъ дѣлъ Наполеона и отецъ нынѣшняго эксминистра и пера Франціи, воспользовался удаленіемъ своимъ изъ революціонной тогда Франціи и написалъ нѣсколько страницъ о Нѣмецкой литературѣ, тогда, когда философія занимала въ ней первое мѣсто; и потомъ *Кузенъ*, по внушенію коего академія, вѣроятно, задала

сіи вопросы, справляется иногда объ успѣхахъ Нѣмецкой философіи, заглядываетъ, надосугѣ отъ камерныхъ прѣній и отъ жаркихъ состязаній университетскаго совѣта, въ *Брукера* и *Канта*, и пишетъ предисловія для чужихъ переводовъ съ Нѣмецкаго. Но я забылъ упомянуть о лучшемъ знатокѣ Нѣмецкой философической литературы во Франціи: о *Штапферѣ*, изъ Швейцаріи. Онъ здѣсь укоренился. Его біографическія статьи о Лейбницѣ, о Кантѣ и о другихъ даютъ лучшее понятіе о сихъ корифеяхъ Германской мыслящей дѣятельности, нежели всѣ краткіе очерки различныхъ системъ въ книгѣ *Тенемана* и даже въ путевыхъ запискахъ *Кузеня* о бесѣдахъ его съ Гейдельбергскими и Берлинскими мудрецами (см. Revue Française прошедшаго года). Вотъ подробное означеніе программы: «Examen critique de la philosophie allemande. Faire connaître par des analyses étendues les principaux systèmes qui ont paru en Allemagne, depuis Kant inclusivement jusqu'à nos jours (бездѣлица!). S'attacher surtout au système de Kant qui est le principe de tous les autres. Apprécier la philosophie allemande; discuter les principes sur les quels elle repose, les méthodes qu'elle employe, les resultats aux quels elle est parvenue. Rechercher la part d'érreurs et la part de vérités qui s'y rencontrent, et ce qui, en dernière analyse, peut légitimement subsister, sous une forme ou sous une autre, du mouvement philosophique de l'Allemagne moderne.» Я вижу въ сей задачѣ, особливо въ послѣдней половинѣ оной, всего Кузеня, робко теря-

ющагося въ генерализаціяхъ, въ неопредѣлительныхъ выраженіяхъ неясной мысли, въ смутной, эклектической головѣ его образовавшейся, для которой Нѣмецкая философія болѣе нежели когда-либо «темна вода во облацѣхъ.» Упомянувъ уже особенно о Кантѣ, вопросъ обращается снова къ общей оцѣнкѣ Нѣмецкой философіи, и къ началамъ, на коихъ она основана, и къ методамъ, ею употребляемымъ, и проч. Но у каждаго оригинальнаго философа своя метода, хотя и не всегда свои начала. Кантъ и Якоби, Фихте и Шеллингъ имѣютъ, каждый, свою методу, хотя всѣ они входятъ въ историческій и логическій составъ Нѣмецкой философіи. Въ заключеніи вопросъ становится еще затруднительнѣе своею неопредѣлительностію и — должно сказать — смѣлостію требованія. «Rechercher la part d'érreurs et la part de vérités qui s'y rencontrent и проч. Но Нѣмецкая, или, если хотите, истинная философія объемлетъ весь міръ, духовный и вещественный во взаимномъ отношеніи человѣка къ тому и другому: психологія, отъ земли возносящая человѣка къ небу, и философія природы разсматривающая природу въ коренныхъ началахъ ея, коими связуетъ она человѣка съ природой, чтобы снова перваго сблизить съ первоначальнымъ его источникомъ, возвратить его къ океану жизни:

Al mar — — — —
Dove da 'lunghi errori
Spera di reposar . . .

сіи двѣ главныя части или отрасли общей философіи (не національной, т. е. не Германской, не Французской, не Шотландской) имѣли, каждая, свою методу; каждая изъ нихъ въ своихъ подраздѣленіяхъ, какъ на прим. въ философіи права и проч., имѣла свои результаты, обогатившіе область ума и вѣдѣнія; каждая слѣдовала особымъ, частнымъ законамъ, развитія умственной дѣятельности — и какой Баконъ или Аристотель новѣйшихъ временъ опредѣлитъ и взвѣситъ сущность того, что останется, уцѣлѣетъ изъ умственной лабораторіи всей Германіи, въ самую дѣятельную эпоху мыслящихъ силъ ея («ce qui pourra, en dernière analyse, légitimement subsister du mouvement philosophique de l'Allemagne moderne)? Лучшее, существеннѣйшее пріобрѣтеніе отъ сего движенія умовъ, отъ сихъ напряженій души и сердца, отъ сихъ духовныхъ возношеній къ источнику жизни и свѣта — лучшее благо заключается въ самой сей умственной, душевной и духовной дѣятельности.

Другой вопросъ, заданный академіею, по завѣщанію епископа *Грегуара* (Grégoire), былъ слѣдующій: «Les nations avancent beaucoup plus en lumières, en connaissances qu'en morale pratique: rechercher les causes et les remèdes de cette inégalité dans leurs progrès.» Вотъ задача для истинной, прагматической исторіи человѣчества; вопросъ, достойный занимать Гердеровъ и Кантовъ, Гегелей и Шелинговъ. Въ точности самаго факта сомнѣваться, по несчастію, не возможно. Науки,

уже въ самой древности, имѣли своихъ Аристотелей; но нравственная философія Аристотеля несла печать и пятно вѣка. Послѣ среднихъ вѣковъ просіялъ свѣтъ наукъ; успѣхи умственнаго просвѣщенія опередили также нравственное возрожденіе народовъ. Мы имѣли уже Баконовъ и Декартовъ, Лейбницевъ и Филанжіери; но ни общественныя установленія, ни нравственность частной жизни не отвѣчали той степени, которой достигъ геній науки во всѣхъ отрасляхъ Европейскаго просвѣщенія. Давно ли начали помышлять объ улучшеніи тюремъ, объ уничтоженіи лотерей, домовъ разврата, публичныхъ игръ и проч.? Здравыя теоріи давно были угаданы геніемъ: но давно ли начали приводить ихъ въ дѣйство? Двѣ диссертаціи были одобрены и заслужили награду, по равной части. Одна изъ нихъ написана дамой: *Bayle-Mouillard.* Она доказываетъ, что человѣкъ совершенствуется скорѣе и вѣрнѣе, безошибочнѣе въ порядкѣ *идей* (idées), нежели въ порядкѣ *нравственныхъ чувствъ* (sentimens); законы, по коимъ дѣйствуетъ умъ въ области наукъ, открываются легче, нежели законы, коими совершенствуется нравственность, общественная и частная. Для уравненія успѣховъ въ ходѣ наукъ и нравственности, г-жа Bayle-Mouillard предлагаетъ три средства: «le sentiment religieux qu'il faut développer par une éducation morale et non pas seulement par l'instruction; l'éducation des femmes, qui, en développant leur intelligence, les rend propres à concourir à l'oeuvre de la civilisation;

enfin elle demande que le grand principe du respect de la vie humaine cesse de n'avoir que des applications imparfaites.» Состязатель сей дамы въ разрѣшеніи вопроса, m-r Rapet полагаетъ также въ воспитаніи, и особенно въ нравственномъ улучшеніи нисшихъ классовъ — главное средство уравненія успѣховъ ума съ успѣхами нравственнаго просвѣщенія.

Дюпень, желая, чтобы отчетъ его не имѣлъ всей сухости программы (la sécheresse du programme) обратилъ особенное вниманіе на вопросы, на которые получила академія наиболѣе диссертацій.

Послѣ Дюпеня сошелъ на каѳедру Mignet, безсмѣнный секретарь академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, директоръ архива иностранныхъ дѣлъ, другъ Тьерса и вмѣстѣ съ нимъ нѣкогда послѣдователь политическихъ доктринъ *Манюэля*, изгнаннаго изъ камеры депутатовъ во время реставраціи, историкъ Французской революціи и войны за Испанское наслѣдство, обработывающій свое сочиненіе по оригинальнымъ актамъ дипломатическаго архива; онъ пишетъ теперь исторію реформаціи, для коей собираетъ матеріалы изъ архивовъ, не исключая и Ватиканскаго, еще болѣе, нежели изъ библіотекъ: жаль, что языкъ *Лютера* и *Меланхтона «не данъ ему»*.

Наружность Mignet привлекательная; въ чертахъ лица примѣтны слѣды размышленія; глаза выража-

ютъ умъ и проницательность; открытый, большой лобъ и кудреватые длинные волосы; въ самомъ академическомъ костюмѣ можно было узнать щеголя *хорошаго общества* — un fashionable. Всѣ устремили вниманіе на оратора. Онъ читалъ голосомъ яснымъ и внятнымъ; изрѣдка оживлялся жаромъ истиннаго краснорѣчія. Чтеніе продолжалось два часа, но не утомило нимало слушателей; оно не разъ прерываемо было рукоплесканіями, но не довольно громкими: казалось, что одобреніе было не единодушное, и что не всѣ раздѣляли съ ораторомъ главныя мнѣнія его о Талеранѣ; ироническая улыбка лежитимиста *Брифо* могла ли отразиться на смугло-мрачномъ лицѣ *Лаканаля*, его товарища по институту? На другихъ лицахъ выражалась какая-то недовѣрчивость къ искренности убѣжденія самаго панегириста. Иные, можетъ быть, не безъ досады, такъ какъ другіе съ явнымъ удовольствіемъ слушали забавно-легкія слова оратора о знаменитомъ дипломатѣ. Однимъ не нравилась хула его на Талерана за возстаніе противъ Наполеона, на Вѣнскомъ конгрессѣ, послѣ торжественнаго побѣга его съ Эльбы. Энтузіасты Наполеона, какъ на прим. *Биньонъ*, не раздѣляли, казалось, мнѣнія Mignet о вліяніи совѣтовъ Талерана на его политическія предначертанія. Поспѣшаю сообщить вамъ нѣсколько строкъ изъ панегирика, кои болѣе другихъ поразили меня. Отрывки оной прочтете вы въ журналахъ, а вполнѣ въ Revue des deux mondes и, вѣроятно, въ Монитерѣ. Mignet назвалъ Талерана «le dernier grand représentant du

XVIII siècle, l'homme d'esprit qui s'était entretenu avec Voltaire, le constituant célèbre qui avait pris une part si considérable aux actes de la première révolution, l'ami de Sieyès, l'exécuteur testamentaire de Mirabeau, le conseiller de Napoléon pendant les huit premières années de sa puissance, le diplomate consommé qui avait participé si souvent à la distribution des états.» Умершій за годъ предъ симъ, 84 лѣтъ, Талеранъ, отрасль однаго изъ знатнѣйшихъ родовъ Франціи, старшій сынъ въ семействѣ «fut abandonné dans un des faubourgs de Paris à la négligence d'une nourrice». Хромая нога его привела его къ церкви. Онъ воспитанъ и обучался въ духовномъ училищѣ св. Сульпиція и въ Сорбоннѣ, «sans avoir couché une seule fois depuis sa naissance sous le toit paternel.» Сиротство его и одиночество, при многочисленной и знатной фамиліи, рѣшили участь его на всю жизнь, образовали его характеръ: «il se forma seul. Il réfléchit de bonne heure et apprit à concentrer ses sentimens qu'il ne pouvait pas exprimer et répandre. Il était intelligent, il devint instruit; il était hardi, il devint réservé; il était ardent, il devint contenu; il était fort, il devint adroit. Въ большомъ свѣтѣ Талеранъ «obtint, dès l'abord, la réputation d'un homme, avec le quel il fallait compter, et qui, ayant un beau nom, un grand calme, infiniment d'esprit, quelquechose de gracieux qui captivait, de malicieux qui effrayait; beaucoup d'ardeur contenue par une prudence suffisante et conduite par une extrême adresse, devait nécessairement réussir. «Кто знавалъ Та-

лерана, кто видалъ его и въ дипломатическомъ кругу, и въ избранномъ обществѣ короткихъ пріятелей, тотъ узнаетъ его въ семъ портретѣ. Его можно дополнить характеристикой времени и самаго Талерана, начертанной Mignet въ заключеніи его историческаго панегирика.» Avec lui disparut une intélligence forte, l'un des restes les plus brillans de l'ancien esprit français, la dernière grande renommée. Mr de Talleyrand devait quelquechose à son origine, mais encore plus à lui même. Introduit de bonne heure dans la carrière des honneurs par le crédit de sa famille, il ne put s'y maintenir longtems que par sa propre habileté; car, dans notre époque d'extrême agitation et de vaste concurrence, ce n'était pas à l'aide des souvenirs et des ancêtres qu'on s'élevait, se soutenait, se relevait, après avoir été renversé. Dès sa jeunesse, l'ambition lui ayant été offerte comme perspective et laissée comme ressource, il s'habitua à subordonner la regle morale à l'utilité politique. (Приговоръ, или только эпиграмма? Но конечно не похвала). Il se dirigea surtout d'après les calculs de son esprit. Il devint accommodant à l'égard des désirs dominants, facile envers les circonstances impérieuses. Il aima la force, non par le besoin qu'en a la faiblesse, mais par le gout qu'elle inspire à l'habileté qui sait la comprendre et s'en servir. Il s'associa aux divers pouvoirs; mais il ne s'attacha point à eux; les servit, mais sans se dévouer. Se met-

tant alors à l'écart, son grand mérite fut de prévoir un peu plus tôt ce que tout le monde devait vouloir un peu plus tard, et d'agir avec résolution après avoir attendu avec patience. Comme il se possédait entièrement, et qu'il était sûr de se résoudre à propos, il aimait à perdre du tems pour mieux saisir les occasions, croyant que le cours naturel des choses en offre de meilleurs que l'esprit n'en saurait trouver, ni la volonté faire naître. Il avait dans ces moments l'activité et l'ascendant des hommes supérieurs, et il retombait ensuite dans la nonchalance des hommes ordinaires. Pendant le cours de si nombreuses révolutions et de prospérités si diverses, il ne fit de mal à personne. Il ne sévit contre ses adversaires que par de bons mots. Il éprouva et il inspira de longues amitiés, et tous ceux, qui l'entouraient, étaient attirés par sa grâce, attachés par sa bonté. Il jugeait tout avec un sens exquis; il aimait à raconter, et ses recits avaient autant d'agréments que ses mots ont eu de célébrité. Ce visage que les événements n'avaient pas ému, ce regard que la fortune n'avait pas troublé, s'animaient lorsqu'il parlait des beaux jours du XVIII siècle. Mr de Talleyrand aimait sincèrement sa patrie, et a toujours conservé de l'attachement pour les idées de sa jeunesse («Respect vor den Träumen deiner Jugend!» Шиллеръ) et ses principes, qui ont survécu chez lui à toutes les vicissitudes des événements et de la fortune.»

Эту характеристику заключилъ Mignet чѣмъ-то похожимъ на собственное мнѣніе. «Telle était l'explication qu'il donnait à ses changements. Toutefois, quelque soient les services qu'on puisse rendre à son pays en conformant toujours sa conduite aux circonstances, il vaut mieux n'avoir qu'une seule cause et un seul rôle noblement rempli dans l'histoire.»

Прибавлю нѣсколько строкъ изъ Mignet о Талеранѣ и его времени. Разсказывая, что въ Американскую войну *аббатъ* Талеранъ вооружилъ на свой счетъ *корсара*, противъ Англичанъ, Mignet характеризуетъ духъ времени. «L'armement d'un corsaire par un abbé peint ce tems singulier où la cour allait applaudir aux saillies de Beaumarchais contre la noblesse.» Мнѣ очень понравилось то, что Mignet сказалъ о той эпохѣ, къ которой принадлежалъ Талеранъ, «où l'enthousiasme de ce qu'on ésperait ne permet pas de regretter ce qu'on perdait.» «C'est au milieu de ce temps et de ce monde que vécut mr de Talleyrand, appartenant à l'école qui avait Voltaire pour maître.» Талеранъ-епископъ, (d'Autuen 1788) «entra dans les états généraux.» «Il mit au service de la révolution son habileté, comme Siéyes y mit sa pensée, Mirabeau son éloquence, Bailly sa vertu, la Fayette son caractère chevaleresque, etc.» Онъ представилъ à l'assemblée constituante примѣчательный рапортъ о народномъ воспитаніи, коего недостатки, неразлучные съ духомъ того времени, слегка выставлены Mignet, проектъ объ установленіи

единства въ вѣсѣ и въ мѣрѣ; возставалъ противъ лотерей и содѣйствовалъ къ приведенію въ дѣйство многихъ правительственныхъ мѣръ, особливо по части финансовъ: для сего подружился онъ съ *Panchaud*, l'un des profonds financier du temps, «*le seul homme en France*, по словамъ Мирабо, *qui sut faire pondre la poule aux oeufs d'or sans l'évantrer.*» Епископъ Талеранъ предложилъ продажу духовныхъ имѣній — и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшеніе участи бѣднаго, нисшаго класса духовенства.

Талеранъ, дипломатъ въ Англіи, изгнанъ оттуда Роберспьеромъ и Питтомъ; Талеранъ въ Америкѣ— откуда снова, усиліями поэта Chénier, призванъ во Францію, въ институтъ и къ новому блестящему поприщу: Талеранъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Скоро новый метеоръ на горизонтѣ Италіи привлекъ его вниманіе. «A un peuple qui ne veut pas rester dans l'indifférence, il faut la foi en quelquechose ou en quelqu'un. Comme on ne croyait plus aux idées, mr de Talleyrand comprit, qu'on allait croire aux personnes. Il reconnut l'objet du culte nouveau dans ce jeune général, déjà tout environné de l'auréole du feu de batailles, formé,» и проч. Скоро Талеранъ представилъ *юнаго героя* директоріи, и въ предчувствіи его могущества, сказалъ о немъ: «Loin de redouter ce qu'on voudrait appeler son ambition, je sens qu'il nous faudra peut-être un jour la solliciter.» Талеранъ участвуетъ въ заключеніи *конкордата* съ

папою, и за то получаетъ отъ него «l'autorisation, qu'il s'était donné tout seul dix années auparavant, de rentrer dans la vie civile.» Я уже упомянулъ о степени участія Талерана въ *ошибкѣ* Наполеона касательно герцога д'Энгіенскаго: степень сію опредѣлить трудно. Mignet осуждаетъ въ немъ министра иностранныхъ дѣлъ, согласившагося нарушить народное право на счетъ слабаго. Наполеонъ императоръ. Наполеонъ громитъ Австрійскую имперію. «C'est alors que, regardant le succès comme infaillible, Talleyrand adressa à l'empereur un plan de traité avec l'Autriche, et lui proposa un vaste arrangement de l'Europe. Ce plan est jusqu'à présent inconnu. Талеранъ принималъ тогда только четыре главныя государства въ уваженіе: Францію, Австрію, Англію и Россію. Пруссію, по его мнѣнію, только на минуту геній великаго Фредерика воззвалъ на туже степень. Талеранъ желалъ разорвать союзъ Австріи съ Россіею, Россіи съ Англіей, и сіе политическое междоусобіе первыхъ государствъ Европейскихъ основать на политическомъ интересѣ, на противоположныхъ выгодахъ, на разможеваніи владѣній каждаго. Подробности сего плана прочтете въ Mignet: само собою разумѣется, что Русскіе, «comprimés dans leurs déserts, porteraient leur inquiétude et leurs éfforts vers le midi de l'Asie.» Можетъ быть, приведеніе въ дѣйство сего плана основало бы на нѣкоторое время на иныхъ началахъ владычество Наполеона въ Европѣ; но устоялъ ли бы Наполеонъ и въ союзѣ съ Австріей противъ духа вре-

мени, сокрушающаго и зданія вѣковъ и Наполеоновъ, какъ дуновеніе легкаго вѣтра — карточные домики! Наполеонъ не принялъ сего проекта и продолжалъ тѣшиться надъ Франціей и надъ Европою — по-своему. Онъ сокрушилъ Римскую имперію, создалъ *Рейнскую конфедерацію*. «Il ne fit que créer des mécontents.» Талеранъ остался министромъ недолго послѣ Тильзитскаго мира, и добровольно отказался отъ портфеля въ 1807 г.

Въ слѣдующей паралели, казалось, не соглашались съ Mignet приверженцы или энтузіасты Наполеона: «Le grand esprit de Napoléon et le bon sens de mr de Talleyrand semblaient faits l'un pour l'autre. Ce qu'il y avait d'inventif, de fécond, de hardi, d'impétueux, dans le premier, avait besoin de ce qu'il y avait de net, de froid, d'avisé, de sûr, dans le second. L'un avait le génie de l'action, l'autre celui du conseil. L'un projettait tout ce qu'il y avait de grand, l'autre évitait tout ce qu'il y avait de dangereux, et la fougue créatrice de l'un pouvait être heureusement tempérée par la lenteur circonspecte de l'autre. Mr de Talleyrand savait faire perdre du tems à l'empereur lorsque sa colère où sa passion l'auraient poussé à des mesures précipitées, et lui donnait le moyen de se montrer plus habile en devenant plus calme. Aussi disait-il avec une exagération spirituelle dans la forme, mais non sans vérité: «l'empereur a été compromis le jour où il a pû faire un quart d'heure plutôt ce que j'obtenais qu'il fit

un quart d'heure plus tard.» La perte d'un pareil conseiller dut être un malheur pour lui, en attendant qu'elle devint un danger.»

Въ Эрфуртѣ, все еще Талеранъ, но уже въ качествѣ оберъ-каммергера, «fit les honneurs de la cour impériale. Въ Эрфуртѣ Наполеонъ изъявилъ Талерану сожалѣніе о томъ, что они разстались, фразою: «Nous n'aurions pas dû nous quitter.» За Гишпанію Наполеонъ разгнѣвался на своего оберъ-каммергера и лишилъ его сего званія. «Talleyrand devint plus frondeur.» Въ нашествіи на Россію Талеранъ предвидѣлъ и расчислилъ послѣдствія... Mignet показываетъ, какимъ образомъ Талеранъ приведенъ былъ къ необходимости принять на себя роль, игранную имъ въ 1814 г. Ораторъ увлекается дѣйствіями Наполеона, славнымъ его паденіемъ: «l'astre, avant de disparaitre, jeta de magnifiques lueurs. Napoléon abdiqua.» Здѣсь начинается для Талерана новое поприще. Національная гвардія не выпустила его изъ Парижа; волею или неволею, онъ остался въ столицѣ: «Il y était le plus important personnage et le seul grand fonctionnaire au moment où le sort des armes y fit entrer les étrangers victorieux.. «Talleyrand n'a jamais été l'homme d'une seule cause»..

Талеранъ снова министръ иностранныхъ дѣлъ, на конгрессѣ Вѣнскомъ. «Il faisait une théorie pour chaque circonstance. Cette théorie lui servait de direction.» Mignet осуждаетъ Талерана за то, что онъ

предпочелъ удержать короля Саксоніи въ его уменьшенномъ государствѣ — составленію для него новаго государства на лѣвомъ берегу Рейна. Не лучше ли было бы, говоритъ Mignet, «placer entre la Sarre et le Rhin, à quelques marches de notre capitale, un petit état qu'un grand?» Явленіе Наполеона во Франціи снова соединило единодушіемъ, одною, всѣмъ общею мыслію — снова возстановить Европу противъ честолюбиваго завоевателя: «Napoléon fut mis au ban de l'Europe.» Бурбоны опять на тронѣ праотцевъ. Талеранъ снова совѣтникъ ихъ, но ненадолго. Онъ возставалъ сильно противъ нашествія на Гишпанію въ 1823 г.» «Mr de Talleyrand s'associa au régime nouveau de 1830.» Nommé ambassadeur en Angleterre, il alla reprendre, pour ainsi dire, les grands desseins, qui l'y avaient conduit en 1792. Онъ содѣйствовалъ сближенію Франціи и Англіи, и заключилъ дипломатическое свое поприще трактатомъ *четвернаго союза* (quadruple alliance). «Il mit un intervalle entre les affaires et la mort. Le seul événement qui marqua cette dernière période de sa vie fut l'éloge historique du comte Reinhard. Il mit du prix à finir dans le paisible sanctuaire de la science une existence remplie d'événements et agitée pas les révolutions.» Я вамъ описывалъ прошлаго года это собраніе академіи въ самый день ораторства Талерана. Два мѣсяца спустя, Талеранъ угасъ, наполнивъ болѣе полувѣка — «non segnibus annis, sed actis,» не смотря на природную лѣнь свою.

По окончаніи засѣданія, Mignet прочелъ въ академической библіотекѣ нѣкоторые любопытные акты, коихъ я на нашелъ въ печатномъ панегирикѣ, въ числѣ оныхъ и письмо Наполеона, послѣ Шатильонскаго конгресса.

Я былъ еще въ частномъ засѣданіи академіи наукъ и слышалъ жаркій споръ академиковъ о высшихъ и важнѣйшихъ вопросахъ государственнаго хозяйства; два раза посѣтилъ выставку произведеній Французской промышленности; но скажемъ еще слова два о книжной промышленности. Завтра выйдутъ въ свѣтъ двѣ примѣчательныя книги; одна въ прозѣ: *Ирландія*, соч. *Бомона*, друга и спутника *Токевиля*; другая въ стихахъ: поэма *Le dernier homme*, соч. хлѣбника *Ребуля*, коей небольшой отрывокъ напечатанъ сегодня въ *Quotidienne*. Токевиль приготовилъ также къ печати новое произведеніе; но, опасаясь, чтобы книга его не повредила дѣйствію, которое должно произвести сочиненіе друга его, и не отвлекла отъ него вниманіе публики и журналистовъ, онъ остановилъ обнародованіе собственнаго произведенія. Я бы могъ разсказать вамъ прекрасную черту *Ребуля*, и не одну, а двѣ, но боюсь оскорбить смиреніе поэта. По сію пору публика знаетъ Ребуля только по его собранію мелкихъ стихотвореній: Poësies par Jean Reboul, 1836, по письму *Ламартина* о стихахъ его, и по предисловію къ онымъ *Александра Дюма*: «Une visite à Nismes.» Всѣ читали съ восхищеніемъ:

«L'ange et l'enfant» и повѣрили похваламъ Ламартина. Ангелъ призываетъ младенца отъ земли въ свое небо:

«La terre est indigne de toi.
Là, jamais entière allégresse;
L'âme y souffre de ses plaisirs;
Les cris de joie ont leur tristesse,
Et les voluptés leurs soupirs.»

Но въ пьесѣ, посвященной Шатобріану: «Sainte-Hélène, ou anathème et gloire», еще болѣе поэзіи; вдохновеніе сильнѣе и возвышеннѣе: одинъ голосъ славитъ, другой караетъ Наполеона.

$^{12}/_{24}$ Маія, 1839. Третьяго дня спасся отъ Итальянской поэмы импровизатора Редальди, читанной въ салонѣ нашей милой соотечественницы, а вчера выслушалъ цѣлую трагедію у Рекамье, читанную авторомъ, маркизомъ *Кюстиномъ*. Сюжетъ изъ исторіи Итальянской: отцеубійца *Ченчи*. Трагедія сія уже играна à la porte de St. Martin; но авторъ нѣсколько передѣлалъ ее, въ четыре акта, и, по возвращеніи своемъ изъ Россіи, куда скоро сбирается, намѣренъ представить ее на собственномъ театрѣ, и *Рахель* берется играть главную роль: *Ченчи*; но нѣтъ *Тальмы* для отца ея. Трагедія писана хорошими, иногда сильными стихами. Четвертый или послѣдній актъ наполненъ трагическими сценами, и въ первый разъ на сце-

нѣ Французской является папа: желая спасти душу, а, можетъ быть, и жизнь дочери-отцеубійцы, онъ даетъ ей аудіенцію въ саду Ватикана. Разговоръ ихъ наполненъ превосходными сентенціями и des vers à retenir. По окончаніи чтенія, Шатобріанъ совѣтовалъ автору скрыть отъ папы истинную причину отцеубійства, не заставлять дочь оправдывать себя виною отца, и тѣмъ еще болѣе возвысить характеръ ея. *Амперъ* соглашался съ Шатобріаномъ. Но какъ согласить сію перемѣну съ участіемъ, которое принимаетъ кардиналъ, дядя *Ченчи*, знающій объ ужасномъ преступленіи отца ея и умоляющій папу простить невольное преступленіе? Молчаніе Кардинала было бы противно всякому правдоподобію.

Въ числѣ слушателей была и Delphine Girardin, урожденная Gay, поэтъ-красавица, теперь супруга изключеннаго изъ камеры депутатовъ журналиста. Несчастіе мужа послужило ей вдохновеніемъ: мы читали въ журналахъ стихи ея, если не въ честь, то *за честь* мужа. Я простился съ Рекамье, исполненный нѣжнѣйшихъ чувствъ благодарности за лучшія минуты Парижской жизни моей, за эту улыбку, которую выразить умѣлъ только Канова и Баланшъ.

Сію минуту приносятъ ко мнѣ «Le dernier jour« poëme en 10 chants, par J. Reboul, accompagné de notes et suivi d'une lamentation à la ville de Nismes. Читаю предисловіе автора; въ послѣднихъ строкахъ его выражена главная мысль поэмы: «Nous ne sommes

ni prophète, ni inspiré du ciel: seulement, le soir, nous avons vû l'horison en feu, et nous avons dit que la journée du lendemain serait brulante.» Въ *прологѣ* два голоса перекликаются, голосъ неба и поэта, ему повинующагося:

«Sinistre précurseur d'immenses funérailles,
Vous voulez que je crie autour de nos murailles:
Jerusalem, malheur à toi!
Malheur à toi, malheur, ô cité de scandale!
Je redirai malheur! jusqn'à l'heure fatale
Où je dirai malheur à moi!«

Въ первой пѣсни призваніе къ ангелу разрушенія:

Toi qui fis un appel aux vastes océans
Afin d'ensevelir la terre des géans,
Et sur les plus hauts monts, balançant les abymes,
Trouvas des chatimens à la taille des crimes!

$^{15}/_{28}$ Маія. Такъ-какъ я успѣлъ послать экземпляръ «*Послѣдняго дня*», то болѣе и не выписываю. Читайте сами.

Второй часъ по-полуночи того жъ дня. Сейчасъ возвратился съ блестящаго Англійскаго бала: празднованъ день рожденія королевы. Всѣ посѣтители и посѣтительницы были съ букетомъ розовымъ, по желанію посольши. Никогда такаго многолюднаго съѣзда

не бывало. Средній дворикъ съ садикомъ былъ устроенъ палаткой, меблированъ, освѣщенъ и усаженъ цвѣтниками благоухающими. Музыка въ двухъ мѣстахъ гремѣла. Дамы сіяли бриліантами; принцесса *Дорія* унизана была нитями и филограммами изъ крупныхъ бриліантовъ: одинъ Мальтійскій кавалеръ не уступалъ ей въ сіяніи алмазномъ. Грекъ-красавецъ, съ Іонійскихъ острововъ, облитый серебромъ, вальсировалъ неудачно, но плѣнялъ всѣхъ блѣдностію и красотою. *Моле* опять болѣе получаса шептался съ Тьерсомъ: увѣряютъ, что послѣдній отказывается навремя отъ политики и возвращается въ храмъ исторіи — писать дѣянія Наполеона за 500 т. франковъ, кои предлагаетъ ему книгопродавецъ.

На балѣ опять всѣхъ занимала телеграфическая вѣсть о возгорѣвшейся войнѣ между Турціей и Египтомъ: завтра министерство будетъ просить усиленія бюджета, или суммъ, назначаемыхъ на морскія силы. Жуанвильскій принцъ просится на войну. Надѣются утушить пламя.

Э. А.

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

Давно литература наша не обогащалась такимъ множествомъ разнородныхъ сочиненій, какъ въ послѣдніе три мѣсяца. По всѣмъ отраслямъ наукъ и словесности сколько-нибудь издано книгъ, и нѣкоторыя изъ нихъ останутся въ числѣ замѣчательныхъ памятниковъ современной умственной дѣятельности. Отдѣленіе *романовъ* и *повѣстей*, какъ и всегда, превосходитъ прочія многочисленностію сочиненій. Это явленіе доказываетъ, что чтеніемъ покамѣстъ избавляются только отъ скуки, а нѣтъ въ немъ, какъ въ духовной пищѣ, потребности ума.

Учебныя книги, по многочисленности своей, составляютъ второе отдѣленіе. Можно подумать, что зрѣющее

поколѣніе степеннѣе и дѣльнѣе совершеннолѣтняго. Его умъ работаетъ, а не дремлетъ. Несовсѣмъ утѣшительно бываетъ видѣть только то, что немногіе, при переходѣ въ другой возрастъ, удерживаютъ привычку къ труду полезному.

Желая доставить читателямъ нашимъ, для собственнаго ихъ наблюденія, полный обзоръ современной литературы обѣихъ частей, мы приводимъ напередъ всѣ сочиненія, вышедшія по той и другой отрасли.

1. Гудишки. *Сочиненіе* Александрова. *Четыре части. Въ* 12; *стран.* 223, 217, 348 *и* 216.

2. Разсказы на станціи. *Сочиненіе* В. Олина. *Два тома. Въ* 12; *стран.* 168 *и* 201.

3. Какъ любятъ женщины? *Три части. Въ* 16; *стран.* 192, 205 *и* 166.

4. Воспоминанія и Очерки жизни. *Разсказы Леопольда Бранта. Двѣ части. Въ* 12; *стран.* 291 *и* 290.

5. Жена и любовница. *Романъ въ трехъ частяхъ. Въ* 12; *стран.* 116, 104 *и* 94.

6. Иванъ Сусанинъ, *или смерть за Царя. Историческій романъ. Сочиненіе* Михаила Дмитревскаго. *Двѣ части. Въ* 12; 227 *стран.*

7. Талисманъ, *или Заклинатель Духовъ. Фантастическій романъ. Въ* 12; 23 *стран.*

8. Соперники въ любви, *или неразгаданная тайна красавицы. Повѣсть. Въ* 12; 144 *стран.*

9. *Дмитрій Іоанновичь Донской, или* Ужасное Мамаевское побоище. *Повѣсть XIV столѣтія.* Сочиненіе И. Г. *Въ* 12; 141 *стран.*

10. *Путешествіе въ Смоленскъ, или* Воспоминаніе 1812 года. *Сочиненіе* Никифора Бороградскаго. *Въ* 12; 239 *стран.*

11. Рыцарство XIX вѣка, *современный разсказъ съ лѣтописью нравовъ. Въ родѣ были. Сочиненіе* Гіероглифа. *Четыре части. Въ* 12; *стран.* 170, 206, 174 *и* 179.

12. Картины Бородинской битвы. *Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. *Въ* 12; 52 *стран.*

13. Дочь разбойника, *или любовникъ въ бочкѣ. Народное преданіе временъ Бориса Годунова. Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. *Въ* 12; 89 *стран.*

14. Графиня Евгенія. *Сочиненіе* Петра Евпсихіева. *Въ* 12; 168 *стран.*

15. Бородинское поле, *или* смерть за честь. *Историческій романъ. Три части. Въ* 12; *стран.* 115, 95 *и* 96.

16. Дешевый Стряпчій, *или Обнаруженное плутовство. Сочиненіе* М...а Т..с..а. *Въ* 12; 80 *стран.*

17. Несчастная. *Романъ изъ начала царствованія Им*
ператрицы Екатерины Алексѣевны II, XVIII вѣка
Въ двухъ частяхъ. Въ 12; *стран.* 225 *и* 203.

18. Колдунъ, *или приворотный корень. Быль XIX вѣка*
Сочиненіе М. Т. *Въ* 12; 78 *стран.*

19. Ротмистръ Чернокнижникъ, *или Москва в*
1812 *году. Романъ изъ походныхъ записокъ артилле*
рійскаго полковника. Три части. Въ 12; *стран.* 76
50 *и* 66.

20. *Повѣсть о томъ, какимъ образомъ* пріѣзжіе купц
познакомились съ приказнымъ *и какъ он*
ихъ обманулъ. *Въ* 12; 87 *стран.*

*

21. *Начертаніе* Русской Исторіи *для учебныхъ заведе*
ній. Сочиненіе Н. Устрялова. *Въ* 12; *стран, XXI*
362, *съ родослови. табл. и картою.*

22. *Краткая* Исторія и Географія Сербіи. Д. М
мировича. *Въ* 8; *стран.* 133, *съ карт. Сербіи.*

23. *Рунная табличка* Россійской Исторіи *для дѣт*
отъ Рюрика до ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I
64 *портретами Великихъ Князей, Царей и Импер*
торовъ, съ краткимъ жизнеописаніемъ и достопамят

ными ихъ дѣяніями. Составлены, гравированы и изданы А. Осиповымъ.

24. *Теорія* Статистики *въ настоящемъ состояніи, съ присовокупленіемъ краткой* исторіи статистики. *Сочиненіе* Александра Ободовскаго, *ординарнаго профессора статистики при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Въ* 8; *стран. V и* 122.

25. *Правила* Русскаго правописанія, *составленныя* О. К. *Въ* 8; *стран. VII и* 46.

26. *Учебная книга* Латинскаго языка. *Отдѣленіе I. По руководству* Зейденштюккера. *Въ* 8; *стран.* 21 *и* 170.

27. *Нѣмецко-Русскій Словарь техническихъ терминовъ, названій и выраженій, употребляемыхъ въ* минералогіи, кристаллографіи, географіи, геогнозіи, петроматогнозіи, конхиліологіи, горномъ искусствѣ, горной механикѣ, монетномъ дѣлѣ, пробирномъ искусствѣ, химіи и физикѣ, *составленный, по новѣйшимъ номенклатурамъ,* В. Еремѣевымъ. *Въ* 8; 486 *стран.*

28. *Руководство къ преподаванію* Ариѳметики *малолѣтнымъ дѣтямъ. Составлено* Петромъ Гурьевымъ. *Часть I. Въ* 8; *стран. XIV и* 222, *съ* 3 *чертеж.*

29. *Практическая* Перспектива *съ чертежами для живописи. Сочинена* Александромъ Ястребиловымъ. *Часть I. Въ* 8; 124 *стран.*

30. *Таблицы для* обученія чтенію, *въ школѣ малолѣтныхъ, изданныя* А. Твелькмейеромъ. *Въ* 16; 16 *стран.*

*

Простонародная литература и книги по части *хозяйства* непосредственно идутъ за вышеозначенными отдѣленіями. Не смотря на то, что сочиненія въ каждомъ изъ сихъ родовъ рѣдко обработываются у насъ надлежащимъ образомъ, а чаще приводятъ въ изумленіе своимъ безвкусіемъ, ихъ безпрестанно прибавляется — доказательство, что погребность въ тѣхъ и другихъ книгахъ въ высшей степени ощутительна. Человѣкъ съ талантомъ и съ образованностію здѣсь можетъ явиться блистательно. Исчислимъ, что прибавлено современными писателями въ каждый изъ сихъ разрядовъ.

31. Сказка *о славномъ и храбромъ богатырѣ Бовѣ королевичѣ и о прекрасной королевнѣ Дружневнѣ и о смерти отца его Гвидона. Въ* 8; 93 *стран.*

32. Сказка *о Марьѣ Маревнѣ, Кипрской царевнѣ, и Иванушкѣ дурачкѣ, Русскомъ мужичкѣ. Въ* 18; 39 *стр.*

33. Искатель невѣсты *по сердцу, или свахины предложенія. Сочиненіе* Александра Орлова, *Въ* 16; 33 *стр.*

34. *Новѣйшій и самый полный* Астрономическій телескопъ, *самовѣрнѣйшій, общій и подробный астрономическій, астрологическій, физическій, діетическій и экономическій* наставникъ для городскихъ и сельскихъ жителей, съ предсказательнымъ календаремъ *на* 336 *лѣтъ. Раздѣленный на* 10 *частей. Часть первая. Со многими гравированными рисунками. Въ* 12; 482 *стран.*

35. *Сивилла, или* утренняя разкащица сновъ, *выбранная изъ сочиненій многихъ иностранныхъ и въ сногадательной наукѣ искусныхъ мужей, какъ-то:* Платона, Птоломея, Алія, Албумазара, Артемидора, Варлаама и Іоанна Кенигсбергера. *Въ двухъ частяхъ. Въ* 16; *стран.* 110 *и* 47.

36. Гадательная книжка. *Въ* 4; 8 *стран.*

(Въ дополненіе этаго собранія надобно взглянуть на книги, *новыми изданіями* въ нынѣшнее же время напечатанныя для простаго народа).

*

37. Садовникъ, цвѣтоводецъ и огородникъ, *заключающійся въ осьмидесяти простѣйшихъ наставленіяхъ о разведеніи разнаго рода растеній, какъ садовыхъ, такъ и огородныхъ. Въ* 8; 64 *стран.*

38. *Русское практическое* ПЧЕЛОВОДСТВО *съ изложеніемъ новѣйшаго способа содержанія пчелъ въ Англіи. Соч.* Оед. Сухомлинина. *Въ* 8; *стран. VIII и* 168, *съ листомъ рисунковъ.*

39. Земледѣліе и земледѣлецъ *въ Россіи. Отрывокъ изъ записокъ деревенскаго жителя. Въ* 8; 16 *стр.*

40. *Практическое наставленіе, какъ приготовлять лучшій* ВИННЫЙ УКСУСЪ *въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, способомъ самымъ дешевымъ. Составлено* Орестомъ Шуманомъ. *Въ* 8; 38 *стран.*

41. О ФАБРИКАЦІИ МЫЛА *изъ такъ называемой искуственной соды въ Санктпетербургѣ. Издано проф.* Маббу, *химикомъ мануфактурнаго совѣта, членомъ разныхъ ученыхъ обществъ наукъ. Въ* 8; 8 *стран.*

42. *Записки шестаго комитета* Сахаровъ, *составленнаго при* Императорскомъ *Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Въ* 8; *стран. IV и* 187.

43. *Практическій* КОНСКІЙ И СКОТСКІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ *для учащихся ветеринарной медицины и ветеринарныхъ врачей, сельскихъ хозяевъ, экономовъ и владѣльцевъ, занимающихся скотоводствомъ. Сочиненный ординарнымъ профессоромъ ветеринарныхъ наукъ* Петромъ Лукинымъ. *Въ* 8; *стран. IV и* 412, *съ таблицею.*

*

Въ равномъ почти количествѣ явились сочиненія, еще болѣе между собою разнородныя: произведенія *стихотворства*, *медицины*, *академическаго краснорѣчія* и *статистики*. Положительное и фактивное уравновѣшивается съ идеальнымъ и теоретическимъ — явленіе замѣчательное, если оно не игра случая.

44. Стихотворенія Владислава Горчакова. *Въ* 8; 42 *стран.*

45. Стихотворенія Алексѣя Леонова. *Въ* 8; 111 *стран.*

46. Опыты въ стихахъ Николая Мягкова. *Въ* 16; 54 *стран.*

47. Анна Дорзе. *Сочиненіе* Александра Волкова. *Въ* 12; 61 *стран.*

48. Деньги, *комическая поэма*. *Сочиненіе* Семена Дьячкова. *Въ* 12; 23 *стран.*

49. Досужные вечера. *Сочиненіе* Ивана Раевича.

50. Карманный пѣсенникъ. *Сочиненіе* А. П. *Въ* 16; 64 *стран.*

51. Горка подъ каретой. *Сочиненіе въ стихахъ.* Владиміра Севастьянова. *Въ* 12; 15 *стран.*

*

52. Памятная судебно-медицинская книж-
ка, *сочиненіе* Марка Магазинера. *Въ* 12; *стран. XII*
и 299.

53. *О вторичномъ прививаніи* предохранительной
оспы. *Въ* 8; 74 *стран.*

54. *Монографія* Глазной болѣзни, *господствовавшей*
въ 1835, 6, 7 *и* 8 *годахъ въ гвардейскомъ корпусѣ и*
въ другихъ командахъ, въ Санктпетербургѣ распо-
ложенныхъ, содержащая историческое и практиче-
ское объ ней изложеніе, Петра Флоріо. *Въ* 8; *стран.*
XX и 251, *съ V раскраш. рисунками.*

55. О патогеніи сердца и артерій, *сочиненіе*
штабъ-лекаря Павла Шюца. *Въ* 8; 24 *стран.*

56. *Разсужденіе* о металлической коликѣ
штабъ-лекаря Павла Шюца. *Въ* 8; 40 *стран.*

*

57. Рѣчи, *произнесенныя въ торжественномъ собраніи*
ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета
10 *Іюня* 1839. *Въ* 4; 87 *стран.*

58. Рѣчи, *произнесенныя въ торжественномъ собраніи*
Ришельёвскаго лицея 20 *Іюня* 1839. *Въ* 4; 84 *стран.*

59. *О главнѣйшихъ трудахъ по части* критической
Русской исторіи. *Разсужденіе, написанное для*

полученія степени магистра философіи, Алексѣемъ Ѳедотовымъ. *Въ* 12; 108 *стран.*

60. *О сущности* ЦИВИЛИЗАЦІИ *и значеніи ея элементовъ. Разсужденіе кандидата* А. Метлинскаго, *написанное съ цѣлію полученія степени магистра политическихъ наукъ. Въ* 8; 122 *стран.*

61. *Рѣшеніе вопроса: въ чемъ состоитъ истинное* ЗНАЧЕНІЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ, *и какова должна быть ея обработка? Разсужденіе, написанное кандидатомъ* Александромъ Рославскимъ-Петровскимъ, *для полученія степени магистра историческихъ наукъ. Въ* 8; *стран.* 111 *и* 50.

62. *Опытъ о предметѣ и элементахъ* Статистики и Политической Экономіи *сравнительно. Сочиненіе* И. Срезневскаго. *Въ* 8; 124 *стран.*

63. Памятникъ отцу моему. *Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. *Въ* 12; 33 *стран.*

*

64. *Отчетъ* по Министерству Удѣловъ *за* 1838 *г. Въ* 8; 36 *стран.*

65. *Указатель* выставки Россійскихъ мануфактурныхъ произведеній, *бывшей въ Санктпетербургѣ въ* 1839 *г. Въ* 8; *стран. IV и* 198.

66. *Полныя свѣдѣнія* о конскихъ заводахъ въ Россіи, *доставленныя комитету о коннозаводствѣ Россійскомъ отъ мѣстныхъ начальствъ и частныхъ владѣльцевъ. Въ* 4; *стран. XLV и* 651.

67. *Историческое и статистическое описаніе* города Воронежа *съ присовокупленіемъ описанія находящейся въ ономъ первокласной обители во имя св. угодника Митрофанія. Въ* 8; 46 *стран.*

68. Книга адресовъ столицы Москвы, *составленная изъ документовъ и свѣдѣній правительственныхъ и присутственныхъ мѣстъ, изданная* Фонъ-Метелеркампомъ и К. Нистремомъ. *Двѣ части. Въ* 8; *стран.* 323 *и* 282.

*

Книгъ, предназначенныхъ собственно для *дѣтскаго чтенія*, столько же явилось, какъ и сочиненій *историческихъ*.

69. *Библіотека* нравственно-религіознаго чтенія для дѣтей. *Стихотворенія, повѣсти и разсказы. Иждивеніемъ книгопродавца* Ѳедора Павлова. *Часть первая. Въ* 16; 183 *стран.*

70. Букетъ цвѣтовъ, *составленный изъ прозаическихъ сочиненій лучшихъ Русскихъ писателей. Золотой подарокъ для юныхъ читателей. Въ* 8; 176 *стран. съ XXVIII картинками.*

71. Новѣйшій дѣтскій Робинзонъ, *или любопытнѣйшія приключенія Робинзона Крюзое. Разсказъ отца дѣтямъ. Въ* 16; 71 *стран., съ* 8-ю *литогр. карт.*

72. *Напутствіе благородному юношѣ, или собраніе* полезныхъ наставленій и назидательныхъ мыслей, *во сто краткихъ статьяхъ. Въ* 12, 32 *стран.*

*

73. *Описаніе* отечественной войны 1812 *года, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію сочиненное Генералъ-Лейтенантомъ* Михайловскимъ-Данилевскимъ. *Четыре части. Въ* 8; *стран: X и* 480, 449, 48 *и* 397, *съ девяноста шестью картами и планами.*

74. Царствованіе Петра втораго. *Сочин.* Константина Арсеньева, *читанное съ собранія ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи* 2 *Іюля* 1838. *Въ* 8; 150 *стран.*

75. Анекдоты о Императрицѣ Екатеринѣ Великой, *собранные* П. Ш. *Въ* 12; 145 *стран.*

76. *Опытъ описанія* Бородинскаго сраженія. *Состоящаго при штабѣ* 6 *пѣхотнаго корпуса, генеральнаго штаба поручика* Нѣелова. *Въ* 12; 131 *стран.*

*

Равное число издано новыхъ книгъ *богословскаго* содержанія и касающихся до *счетоводства.*

77. Собраніе словъ и бесѣдъ, *произнесенныхъ къ Курской паствѣ* Иліодоромъ, *епископомъ Курскимъ и Бѣлоградскимъ. Въ* 8; 317 *стран.*

78. *Письма* о спасеніи міра сыномъ Божіимъ. *Въ* 8; 168 *стран.*

79. О молитвѣ. *Нѣкоторые изъ уроковъ, читанныхъ въ воскресные дни предъ литургіею въ назиданіе дѣтямъ учебныхъ заведеній, состоящихъ при ИМПЕРАТОРСКОЙ Александровской мануфактурѣ, законоучителемъ, священникомъ* Петромъ Цвѣтковымъ. *Въ* 16; 212 *стран.*

❋

80. Коммерческая Бухгалтерія *для разничной и мелочной торговли, составленная, на основаніи положенія о купеческихъ книгахъ,* Д. Персіяниновымъ. *Въ* 8; *стран. V и* 203.

81. *Новый способъ* учитывать проценты *сокращенно. Сочиненіе* Ивана Буттера. *Въ* 32; 16 *стран.*

82. *Денежныя таблицы для* расчета серебра на ассигнаціи и ассигнацій на серебро, *также для* расчета по курсамъ *на иностранныя вексельныя деньги. Составлены* Карломъ Кларкомъ. *Въ* 16; *стран. X и* 72.

❋

Сочиненій по части *художествъ, педагогіи* и для *театра* явилось въ это время очень мало.

83. Очерки *съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества, съ краткимъ описаніемъ и біографіями художниковъ. Изданіе* Корнилія Як. Тромонина *Т. I.*

84. Чертежи *къ практической перспективѣ для живописи. Соч.* А. Я. *Пять литогр. рис. въ листъ и одинъ въ полулиста.*

*

85. Мысли о воспитаніи, *или семейная школа. Въ* 8; 236 *стран.*

86. *Мать семейства, или главнѣйшія* правила, *которыми должна руководствоваться мать* при воспитаніи дѣтей.

*

87. Нашла коса на камень. *Фарсъ въ пяти дѣйствіяхъ. Въ* 12; 126 *стран.*

88. Сей и Оный. *Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Въ* 12; 35 *стран.*

*

Наконецъ *письмоводство и антропологія, геогнозія и химія, географіи и полиграфія*—каждая изъ сихъ отраслей литературы не болѣе получила вновь на свою долю въ прошедшіе три мѣсяца, какъ по одному только сочиненію.

89. *Основаніе письмоводства, или общее изложеніе* теоріи и практики канцелярскаго дѣла. *В*ъ 8; 262 *стран.*

*

90. Характеристика человѣка, *или самый легкій способъ узнавать характеръ человѣка и отчасти наклонности души его, начиная отъ трехлѣтняго возраста до глубокой старости. В*ъ 12; 119 *стран., со* 2-*мя литогр. рисунк.*

*

91. *Курсъ* Геогнозіи, *составленный Корпуса горныхъ инженеровъ полковникомъ* Д. Соколовымъ. *Три части. В*ъ 8; *стран:* 292, 496 *и* 320.

*

92. Пробирное искуство, *содержащее въ себѣ правила къ химическому испытанію металлическихъ издѣлій и къ узнанію настоящей ихъ пробы, съ описаніемъ всѣхъ инструментовъ и операцій, при этомъ случаѣ употребляемыхъ. В*ъ 8; 65 *стран.*

*

93. *Взглядъ на* Армянскую область. *Изъ путевыхъ записокъ* Н. Нефедьева. *Въ* 8; *стран.* 74, *съ картою Армян. Области.*

*

94. Опыты въ Русской словесности *воспитанниковъ гимназій Бѣлорусскаго округа. Напеч. по приказанію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Въ* 8; *стран. VIII и* 523.

II.

Изъ числа книгъ, которыхъ первыя части вышли прежде, появилось продолженіе слѣдующихъ:

95. *Хронологическое обозрѣніе исторіи* Новороссійскаго края. 1730 — 1823. *Часть II, съ* 1796 *по* 1823 *г. Составлено* Аполлономъ Скальковскимъ. *Въ* 8; *стран:* IV *и* 349, *съ портр., загл. грав. листомъ и картою.*

96. *Пантеонъ знаменитыхъ* Современниковъ послѣдняго шестидесятилѣтія, *съ ихъ портретами, издаваемый* Ѳ. Веймаромъ. X, XI и XII. *Въ* 4; *стран:* 29.

97. *Извлеченіе изъ* Рукописныхъ лекцій, *преподаваемыхъ воспитанникамъ ИМПЕРАТОРСКАГО Царскосельскаго лицея заслуженнымъ профессоромъ* И. Кайдановымъ. *Книжка вторая, Въ* 8; 122 *стран.*

*

98. *Государственная* Внѣшняя Торговля 1838 года *въ разныхъ ея видахъ. Въ 4;* 125 *стран.*

*

99. Невскій Альбомъ. *Литературный сборникъ, издаваемый* Николаемъ Бобылевымъ. Въ 8; 363 *стран.*

*

100. Энциклопедія *молодой Русской хозяйки. Часть II.* Въ 8; *стран.* XVI *и* 454.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

Переводчики наибольшимъ числомъ новыхъ книгъ обогатили въ послѣднее время два разряда Русской словесности: отдѣленіе *романовъ и повѣстей и медицинскую литературу*. Другія отрасли скудное представляютъ приращеніе.

1. *Новыя* повѣсти *Александра Дюма. Перевелъ съ Французскаго* Ѳедоръ Суровцовъ. *Въ* 12; 135 *стр.*

2. Эдмондъ и Констанція. *Сочиненіе Поль-де-Кока. Часть I и II. Въ* 16; *стран.* 110 *и* 86.

3. Невѣста изгнанника. *Сочиненіе г-жи Евгеніи Фоа. Переводъ съ Французскаго* Парасковіи Лещ . . . кой. *Въ* 12; 452 *стр.*

4. Тайна. *Сочиненіе Поль-де-Кока. Въ* 12; 71 *стр.*

5. Полина. *Сочиненіе Александра Дюма. Перевелъ съ Французскаго* Александръ Шубяковъ. *Въ 12; 334 стран.*

6. *О причинахъ большой* смертности дѣтей на первомъ году *жизни и мѣрахъ къ ея отвращенію. Сочиненіе доктора Лихтенштедта. Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ 8; стран. XXXI и* 117.

7. *Таблица для распознаванія* болѣзней легкихъ, *составленная Ричардомъ Тоунзиндомъ. Въ Русскомъ переводѣ издана* Иваномъ Кёниг...омъ. *Въ 12; VIII стран.*

8. *Полное свѣдѣніе о* пользованіи холодною водою. *Издано докторомъ Фабриціемъ. Съ Нѣмецкаго втораго изданія переведено докторомъ* Михайломъ Ламовскимъ. *Въ 8; стран. II и* 460.

9. *Руководство къ* практической медицинѣ *(Enchiridion medicum). Достояніе пятидесятилѣтней опытности Х. В. Гуфеланда. Съ Нѣмецкаго перевелъ и со многими поясненіями въ пользу Русскихъ врачей издалъ* Григорій Сокольскій. *Въ 8; стран. VIII и* 650.

10. Общая терапія. *Ф. Карла Гартмана. Изданная практическимъ врачемъ съ публичныхъ лекцій. Переводъ. Въ* 16; 144 *стран.*

11. *Другъ дѣтей, книга для* первоначальнаго чтенія. *Въ* 8; 345 *стран.*

*

12. Басни, *сочиненія Додстлея. Переложенныя съ Англійскаго* И. В. *Въ* 16; 138 *стран.*

*

13. Всемірная Галлерея. *Въ* 8. *Три тетради; по четыре политипажныя изображенія въ каждой съ объясненіями картинокъ.*

*

14. Путеводитель по Ревелю *и его окрестностямъ. Съ Французскаго. Издалъ съ дополненіями и измѣненіями* Н. Р. *Въ* 12; *стран. XIII и* 201, *съ двумя видами Ревеля.*

*

15. Духъ Законовъ, *твореніе знаменитаго Французскаго писателя Де-Монтескю, въ трехъ частяхъ. Переводъ* Е. Карнеева. *Въ* 8; *стран. VIII, VIII и* 363; 376 *и IX;* 384 *и VIII.*

*

16. О вѣчномъ покоѣ праведниковъ. *Сочинен. Ричарда Бакстера. Переводъ съ Нѣмецкаго. Ч. I. Въ* 24; 153 *стран.*

*

17. Простонародный сказочникъ, *или шесть сказокъ и повѣстей о мертвецахъ, привидѣніяхъ, и колдунахъ. Переводъ съ Нѣмецкаго,* Иваномъ Гурьяновымъ. *Въ* 16; *77 стран.*

*

18. Химія для всѣхъ сословій, *примѣненная къ ремесламъ и искусствамъ, сообразно понятіямъ всякаго, незнакомаго съ ея основаніями, и содержащая въ себѣ руководство къ устроенію небольшой и недорогой лабораторіи, въ которой однако жъ желающій заниматься этой наукой можетъ производить всѣ извѣстные доселѣ химическіе опыты. Сочиненіе профессора химіи* Демаре. *Въ* 8; *стран.* 124 *и* 166.

II.

19. Кондитеръ, *или нянька, защитница невинности. Романъ въ четырехъ частяхъ. Сочиненіе Поль-де-Кока. Переводъ съ Французскаго Ч. III и IV. Въ* 12; *стран.* 78 *и* 64.

*

20. *Живописное* путешествіе по Азіи, *составленное на французскомъ языкѣ подъ руководствомъ Эйріе, и украшенное гравюрами. Переводъ* Е. Корша. *Томъ второй. Въ* 8; 271 *стр.*

*

21. Военная Библіотека. *Томъ IV. Въ* 8; 472 *стран.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Многочисленность и здѣсь съ одной стороны осталась въ разрядѣ книгъ, составляющихъ *учебныя пособія*, а съ другой являются изданія для *простаго народа*. По другимъ частямъ очень немногое вновь издано.

1. *Драгоцѣнный подарокъ дѣтямъ, или новѣйшая Россійская азбука съ XXXII искусно выгравированными и раскрашенными картинками. Съ пріобщеніемъ нравоученій, молитвъ, священной исторіи, басенъ и повѣстей, также понятія о грамматикѣ и описанія фигуръ.* П. Шараповымъ. Новое *изданіе. Въ* 8; 80 *стран.*

2. Ариѳметика *въ вопросахъ и отвѣтахъ, расположенная по новѣйшему методу. Въ двухъ частяхъ. Для легчайшаго обученія дѣтей составленная* Меморскимъ. *Въ* 12; 162 *стран.*

3. *Курсъ чистой математики, составленный по порученію Беллявена, профессорами математики: Аллезомъ, Билли, Пюиссаномъ и Бурдо. Съ Французскаго, со многими перемѣнами и дополненіями перевелъ* П. Погорѣльскій. *Изданіе* третіе. Основанія Геометріи. *Въ* 8; *стран.* 162 *съ чертежами.*

4. *Физическое обозрѣніе глобуса, или* начальная Географія. *Изданіе* второе. *Въ* 18: 58 *ст.*

5. Русская Исторія. Н. Устрялова. *Изданіе* второе, *исправленное. Три части. Въ* 12; *стр.* 349, 364 *и* 301, *съ родословной таблицей и семью картами.*

6. Французскій учитель, *или руководство для перевода съ Русскаго на Французскій, въ пользу Россійскаго юношества, изданное братьями* Куртенеръ. *Двѣ части.* Четвертое *изданіе, исправленное и дополненное. Въ* 8; *стран.* 150 *и* 75.

*

7. Чудесный гадатель *узнаетъ задуманныя помышленія. Изданіе* четвертое. *Въ* 16; 39 *стр.*

8. Таинственная Цыганка, *предсказывающая судьбу женихамъ и невѣстамъ. Изданіе* четвертое. *Въ* 8; 16 *стран.*

9. *Жаръ-птица и сильный могучій богатырь Иванъ Царевичь, побѣдитель ЗмѣяГорынича и братьевъ его.* РУССКАЯ СКАЗКА. *Изданіе* ВТОРОЕ. *Въ* 12; 31 *стран.*

10. *Исторія о храбромъ рыцарѣ Францылѣ* ВЕНЦЫАНѢ *и о прекрасной королевѣ* РЕНЦЫВЕНѢ. *Въ* 12; 216 *стран.*

11. *Повѣсть о приключеніи* АНГЛІЙСКАГО МИЛОРДА *Георга и о* БРАНДЕНБУРГСКОЙ МАРКГРАФИНѢ *Фридерикѣ Луизѣ. Изданіе* ДЕВЯТОЕ. *Три части. Въ* 8; *стран.* 105. 68 *и* 128.

12. *Полные и вновь избранные анекдоты о* БАЛАКИРЕВѢ, *знаменитомъ шутѣ и любимцѣ Петра Великаго. Двѣ части. Изданіе* ВТОРОЕ. *Въ* 12; *стран.* 39 *и* 45.

13. Этой же книги изданіе ЧЕТВЕРТОЕ, также въ двухъ частяхъ, въ 12, стран. 38 и 45.

*

14. ГОРЕ ОТЪ УМА. *Комедія въ четырехъ дѣйств. въ стихахъ. Сочиненіе* А. С. Грибоѣдова. ВТОРОЕ *изданіе. Въ* 64; *С и* 202 *стран.*

15. *Три водевиля:* I. ХОРОША И ДУРНА, И ГЛУПА И УМНА, Ленскаго; II. КРЕСТНЫЙ ОТЕЦЪ *(слу-*

жащій продолженіемъ предидущ. вод.), Ѳедорова; III. Стряпчій подъ столомъ, Ленскаго, *Въ* 12; *стран.* 128, 93, 134.

16. Купеческая дочка и чиновникъ 14-го класса. *Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе* Н. Соколова. *Изданіе* второе. *Въ* 12; 96 *стран.*

*

17. *Чижикъ.* Повѣсть для дѣтей. *Переводъ съ Франц. Изданіе* второе. *Въ* 18; 92 *стран.*

*

18. Потерянный Рай, *поэма Іоанна Мильтона, съ пріобщеніемъ поэмы* Возвращенный Рай. *Новый переводъ съ Англійскаго подлинника, въ четырехъ частяхъ, съ* 13 *картинками и портретомъ автора. Изданіе* третіе. *Въ* 8; *стран. XIII и* 207, 178 224 *и* 165.

*

19. *Изъясненіе къ прожектированному* плану столичнаго города Москвы, *показывающее состоящіе въ оном соборы, монастыри, приходскія церкви, казенныя, общественныя зданія и прочія заведенія по* 1824 *годъ, изданному и съ натураль-*

нымъ положеніемъ свѣренному Е. Челіевымъ. Четвертымъ *тисненіемъ. Въ* 8; 34 *стран.*

*

20. *Введеніе къ* изученію ботаники. *Сочиненіе профессора Женевской академіи Альфонса Декандоля. Переводъ съ Французскаго. Издалъ съ собственными замѣчаніями* И. Шиховскій. *Томъ I. Изданіе* второе. *Въ* 8; *стран. XXIII и* 541, *съ рисунками.*

*

21. *Вспомогательная* книга для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ. *Соч. В. А. Крейсига. Перевелъ съ Нѣмецкаго и пополнилъ примѣчаніями* С. Усовъ. *Изданіе* второе, *съ прибавленіемъ правилъ сельскаго счетоводства. Въ* 8; *стран. XX и* 470.

POST-SCRIPTUM.

Читатели Современника лишились бы большаго удовольствія, если бы Редакція сего журнала отложила до слѣдующей книжки познакомить ихъ съ прекраснымъ произведеніемъ Русской литературы, *только-что* появившимся въ печати — говоримъ о новомъ сочиненіи *Ѳ. Н. Глинки*: Очерки Бородинскаго сраженія (*Воспоминанія о* 1812 *годѣ*). Въ немъ «авторъ *Писемъ Русскаго Офицера*» откликнулся на призывъ къ торжеству, единственному въ военныхъ лѣтописяхъ, голосомъ умилительно-вдохновеннымъ и радостно-знакомымъ. Сочиненіе раздѣлено на двѣ части (стран. VI и 69; 116 и IV, въ 8 д. л.). Первая часть начинается обращеніемъ автора къ людямъ XII года. «Сколько «храбрыхъ (говоритъ онъ), красовавшихся ранами «XII года, перешли на ту сторону жизни! И Тебя «не стало, нашъ Государь XII и XIV годовъ — эпохъ «сожженія *Москвы* и площади *Парижа*! И Ты, отслужа «вѣрно и праведно своей Россіи 25 лѣтъ (урочный «срокъ простаго воина) со скипетромъ и шпагою, и «Ты отошелъ къ вѣнценоснымъ Отцамъ Своимъ. Мужественный, твердый, Ты былъ неподвижнымъ столпомъ, на который оперлась уязвленная Россія. Помазаніе горѣло на главѣ Твоей, Судьбы Вышняго почивали надъ Нею. И Тебя не стало!« Воспоминанія

тѣснятся къ душѣ сочинителя. Во многихъ мѣстахъ не только день за днемъ, онъ воскрешаетъ передъ вами часъ за часомъ. Въ первой части четырнадцать отдѣленій или главъ; въ второй осьмнадцать. Чувство и воображеніе ярко свѣтятся на каждой страницѣ увлекательнаго, разнообразнаго и въ полномъ смыслѣ краснорѣчиваго его разсказа. Онъ художнически, во всемъ блескѣ и самобытности, вызываетъ передъ читателя каждое изъ тѣхъ знаменитыхъ лицъ, которыя живутъ въ памяти народа съ воспоминаніями о великомъ и славномъ событіи.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПАРТИЗАНОВЪ ПИРЕНЕЙСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

I.

АРАБЫ И МАВРЫ.

Полунагой Арабъ въ своемъ бурну, бѣломъ кукѣ шерстяной матеріи, развѣвающемся за спиной, оспламененный знойнымъ дыханіемъ степей, торопитъ въ ихъ глубину своего бѣгуна и выражаетъ свое нетерпѣніе восклицаніями, всегда прерывистыми и однообразными, догоняетъ ли онъ спасающійся караванъ,

спѣшитъ ли къ красавицѣ, обѣщавшей поднять для него свое покрывало, ищетъ ли мѣста для засады, чтобъ убить личнаго врага. Кривая сабля стучитъ объ высокое сѣдло; конецъ пики свѣтится отъ солнца; разметанная грива бѣгуна посѣрѣла отъ пыли. Кругомъ океанъ изъ песку, небо изъ огня; изрѣдка только крыса попадается подъ копыто, испуганная серна взбѣгаетъ на утесъ; надъ головой вьется саранча—живая туча, задѣваемая концемъ пики и полами бурну, поднятыми вѣтромъ; вдали черныя точки означаютъ кочевье Арабовъ — палатки изъ козьей шерсти чернаго цвѣта. Тысячелѣтія прошли надъ песками Аравіи и надъ головой Араба; попрежнему пески встаютъ отъ бури, раскаляются отъ солнца; попрежнему Арабъ во всю прыть своего бѣгуна спасается отъ осѣдлой жизни; попрежнему, бросивши поводья невольнику, говоритъ молодымъ женамъ: стелите постель, достаетъ горькой воды изъ колодца, крадется кустарникомъ, чтобъ схоронить добычу, садится къ товарищамъ передъ кучей зазженнаго навоза послушать расказа о старой обидѣ и недавнемъ отмщеніи. Добро путешественниковъ — его наслѣдство; погти любимой невольницы, выкрашенные золотой краской, а хвостъ бѣгуна пурпуровой — его роскошь; неизмѣримость степей замѣняетъ для него хартіи новѣйшихъ народовъ; боевыя тревоги очаровываютъ безконечную скуку жизни въ степяхъ, тоже безконечныхъ. До могилы, на конѣ и во снѣ, тревожатъ Араба тѣ наслѣдственныя жажды: крови враждебнаго племени

встрѣчь съ богатымъ караваномъ и длинныхъ ночей сладострастія. Вѣчный партизанъ и часто поэтъ; его воображеніе, дитя солнца, создаетъ картины странныя, какъ узоры, вышиваемые женщинами востока на концахъ покрывалъ; постоянно любитъ представлять то коня съ копытомъ на головѣ врага, и женщинъ враждебнаго племени отъ печали набросившихъ на глаза свои длинные волосы; то длинный караванъ съ вьюками, опорожненными разбоемъ, и отчаяніе гефровъ, злыхъ духовъ, ненавидящихъ счастіе Арабовъ; то невольницу, прямую какъ пика, съ глазами серны и съ влажными поцалуями, и войлокъ, посланный для нея на зелени оазиса, столь прохладнаго, что подъ его пальмы жители Генистана * слетаются совершать свадебные обряды и плясать въ честь новобрачныхъ.

Племена Арабовъ, безпрестанно враждуя другъ съ другомъ, знали до Магомета одну партизанскую войну, на которой лучшимъ помощникомъ Арабу служилъ не конь, а верблюдъ. Онъ на дальнемъ разстояніи опережаетъ лошадей; его копыто, мягкое и легкое, не углубляется въ пески, не издаетъ звука, ступая по звонкому утесу, и топчетъ поморье, не тревожа отзывчатыхъ пещеръ въ прибрежныхъ горахъ. Враги скорѣе увидятъ тѣнь верблюда, далеко брошенную солнцемъ, нежели услышатъ топотъ верблюда, бѣгущаго изъ глубины степей, чтобъ стать на колѣ-

* Генистанъ — область духовъ.

на передъ врагами своего всадника, спѣшащаго соскочить для нападенія. За-то Арабъ украшаетъ верблюда разноцвѣтными бантами и шелковыми кистями; сравниваетъ красоту женщинъ съ бѣлыми пятнами на черной кожѣ верблюда, и славитъ его въ стихахъ, написанныхъ на листѣ пальмы, или на кости изъ бараньяго плеча.

Магометъ, по своемъ бѣгствѣ изъ Мекки, то обороняя или захватывая караваны, то набѣгая на непріятельскую землю или въ засадѣ поджидая набѣжавшихъ непріятелей, былъ не что иное, какъ партизанъ, которому Медина служила убѣжищемъ. Успѣхами партизанской войны Магометъ привлекъ къ своимъ бѣлымъ знаменамъ Арабскія племена, добычу новой вѣры, и среди партизанской войны образовалъ народъ для молитвъ, гаремовъ и завоеваній. Составляя новую вѣру, Магометъ-завоеватель не забылъ предопредѣленія, какъ любимаго вѣрованія завоевателей, потому-что они чаще черни полагаются на счастіе, и лучше философовъ знаютъ, какъ много зависитъ отъ счастія. Магометъ-партизанъ учредилъ порядокъ въ дѣлежахъ добычи, безъ чего партизаны, особлпво народные, рѣдко избѣгаютъ раздоровъ. Магометъ-поэтъ, страстный къ женщинамъ, до того воспламенилъ легковѣрныхъ Арабовъ своимъ чувственнымъ раемъ, что они, прежде только недорожившіе жизнію, стали искать смерти на войнѣ, чтобы тамъ, откуда солнце кажется золотой песчинкой, брошенной

на зеленый изумрудъ, скорѣе насладиться ласками дѣвъ, вѣчно столь прекрасныхъ, что если бы одна изъ нихъ сошла на землю, то всѣ мужчины умерли бы отъ любви къ ней. Напрасно сравниваютъ Арабовъ съ Норманами. Бѣдность сѣвера и привычка помогать нуждѣ разбоями приневоливали Норманов къ ежегоднымъ набѣгамъ. Но Арабы, подобно сѣвернымъ варварамъ, оставили свое отечество для завоеванія новаго отечества; слѣдовали съ постоянствомъ Римлянъ обдуманной системѣ завоеваній политическихъ и религіозныхъ, состоявшей въ томъ, что каждый народъ, едва покоренный и обращенный въ Магометанство, Арабы, силой и обѣщаніями богатствъ и плѣнницъ, увлекали за собою на совершеніе новыхъ завоеваній и новыхъ обращеній въ Магометанство. Неотразимые какъ ихъ ангелъ Азраилъ, быстрые какъ ихъ кобылица Боракъ, они обрызгали розы Бенареса кровью поклонниковъ Брамы, одѣли, по выраженію Византійцевъ, ходячимъ лѣсомъ Мраморное море; проникли черезъ Атласъ, чтобъ *расширить рукавъ калифовой одежды* *; поили коней изъ Тибра, ругаясь, плевали на ту *великую степь соленыхъ водъ, которую поклонники Иссы называютъ Атлантическимъ океаномъ*, плевали за то, что залила ихъ западный путь къ завоеваніямъ. Арабы, привыкшіе не менѣе мореходцевъ къ товариществу со звѣздами, думали, что еще не кончилась Ара-

* Полосу земли, лежащую между Средиземнымъ моремъ и Атласскими горами, Арабы называли рукавомъ калифовой одежды.

вія, пока Арабамъ-завоевателямъ свѣтили звѣзды, свѣтившія Арабамъ-пàртизанамъ. Проникнувши въ страны, лежащія подъ другими звѣздами, они утѣшались мыслію, что, продолжая завоеванія, увидятся съ прежними, и дряхлѣя въ походахъ, ждали этаго свиданія, съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ сѣверный мореходецъ, возвращаясь изъ южнаго полушарія, ждетъ появленія полярной звѣзды.

Римляне, вылитые изъ однаго металла съ тѣми досками, на которыхъ были вырѣзаны ихъ законы, смотрѣли съ равнодушіемъ потомковъ Ромуловой кормилицы на гибель городовъ; щадили плѣнниковъ, чтобъ было кому ходить за Римскимъ плугомъ и умирать въ циркѣ для удовольствія Римлянъ. Сѣверные варвары не знали другихъ удовольствій, кромѣ добытыхъ мечами, разоряли города какъ убѣжища малодушныхъ, и послѣ, испуганные развалинами, походили на дикарей, пытающихся сложить куски разбитаго ими хрусталя. Арабы, по завоеваніи каждаго города, заводили въ немъ училища безъ платы, и на кругъ своихъ завоеваній бросили изъ Багдада лучи просвѣщенія, длинные и благодѣтельные, какъ тѣ Римскія дороги, по которымъ доходила до концевъ имперіи образованность столицы.

Кратко-временно было столкновеніе Франковъ и Арабовъ-Франковъ, привязанныхъ къ своей землѣ узами почти столь же крѣпкими, какъ узы, привязываю-

щія къ жизни—Арабовъ, походившихъ на дѣтей, съ жадностію слушающихъ полупонятные для нихъ разсказы, о землѣ отдаленной, и готовыхъ для нея оставить родину, какъ бросить старыя игрушки для новыхъ. По войнѣ съ Франками Арабы вспомнили свое раздѣленіе на племена—и каждое племя въ свой участокъ Испанской земли принесло ненависть къ тѣмъ племенамъ, съ которыми враждовало въ Аравіи, и тщательно припомнило всѣ обиды, оставшіяся безъ отмщенія. Арабы образовали аристократію, Христіане и Евреи низшее сословіе, а среднее — Береберы, потомки Нумидійцевъ, смѣшавшихся съ Карѳагенцами, Римлянами и Арабами, и доселѣ живущихъ, отъ Марокскихъ степей до Гидракскаго залива, въ хижинахъ, построенныхъ изъ земли и соломы, или въ палаткахъ изъ козьей шерсти—Береберы, высокаго роста, нерѣдко съ Римскими лицами, но съ кровью Югуртина народа, который любилъ лошадей, ненавидѣлъ города и не ставилъ знаковъ для показанія дороги путешественникамъ. При разсказѣ Христіанскаго плѣнника о городахъ Испаніи и Аквитаніи, при видѣ добычи, принесенной соотечественникомъ, возвратившимся изъ-за Гибралтарскаго пролива, Береберы, тревожимые завистію, концами пикъ указывали своимъ шепкамъ на путь въ Испанію, и чѣмъ многочисленнѣе они становились въ Испаніи, тѣмъ рѣшительнѣе вмѣшивались въ междоусобія Арабскихъ племенъ. Это вмѣшательство было началомъ революціи, похожей на Французскую тѣмъ, что она была слѣд-

ствіемъ зависти средняго состоянія (Береберовъ) къ аристократіи (Арабамъ). Шеики Береберовъ завладѣли дворцами Омміадовъ. Арабы пали подобно Французской аристократіи, и какъ она, гонимые безъ сострадания, обижаемые безъ пощады, разучились гордиться воспоминаніемъ о томъ, что въ ихъ палаткахъ качалась колыбель пророка; забывши обратный путь въ Аравію, изгнанниками скитались по землѣ, ими завоеванной, и тщательно скрывали свое происхожденіе, пока не смѣшались съ новымъ народомъ — Маврами — народомъ безъ собственнаго имени, жильцомъ чужаго отечества, но занимающимъ такое мѣсто въ исторіи, какое эпизодъ объ Армидѣ занимаетъ въ Тассовой поэмѣ. Мавры, съ кровью, улучшенной смѣшеніемъ поколѣній, съ крѣпостію силъ молодаго народа, съ воображеніемъ фантастическимъ, оплодотвореннымъ лучами Африканскаго солнца, достигли до такаго благосостоянія, что расказъ объ ономъ, не будучи увеличеннымъ, кажется отрывкомъ изъ Арабскихъ сказокъ: такъ, замысловатые въ наслажденіяхъ, такъ, страстные ко всему, что украшаетъ жизнь, хотѣли осуществить все, чего только можетъ просить юноша съ головой, больной желаніями. Слишкомъ нетерпѣливые и не могши подчиниться правиламъ, слѣдуя однимъ вдохновеніямъ, они создали образованность бывшую безъ образца и оставшуюся безъ подражанія; но часто догадками и вымыслами замѣняли въ области наукъ наблюденія и опыты, какъ ихъ отцы (Арабы) волшебными сказками замѣнили ученіе Грековъ. Они любили

тѣшить турнирами гостей изъ Византіи, родныхъ изъ Африки; гостепріимство, какъ святыню, перенесли изъ палатокъ кочевья подъ куполы, перенятые у Византійцевъ, поставленные на ряды колоннъ, перенятыхъ у древнихъ Грековъ и связанныхъ арками Римлянъ. На берегахъ Балтійскаго моря, бароны, своимъ вазаламъ, ставили Мавровъ въ примѣръ мужества; въ долгіе зимніе вечера капелланъ замка оставлялъ чтеніе легендъ, потому-что дочери бароновъ хотѣли послушать расказовъ пилигрима, возвратившагося изъ Компостелы, о пышныхъ турнирахъ Мавровъ, о ихъ женщинахъ съ нанизанными червонцами на головныхъ уборахъ, съ Арабскими стихами на широкихъ браслетахъ. По книгамъ Мавровъ, Европейцы учились именамъ созвѣздій и Греческихъ мудрецовъ; съ книгами Мавровъ совѣтовались герольды въ день рыцарскихъ игръ, придворные въ болѣзни своихъ государей; къ Маврамъ пріѣзжали рыцари изъ-за Пиренеи, изъ-за Средиземнаго моря, просить поля для поединка и свидѣтелей.

Мавры сохранили тактику Арабовъ. Главная сила арміи заключалась въ конницѣ, управлявшей лошадьми нехуже Нумидійцевъ, а второстепенная — въ стрѣлкахъ, не уступавшихъ Англійскимъ стрѣлкамъ среднихъ вѣковъ. Мавръ, почитавшій почетнѣйшимъ мѣстомъ въ мірѣ сѣдло на рѣзвомъ конѣ, не любилъ сражаться пѣшкомъ, находилъ это приличнымъ однимъ рабамъ, поссорившимся за пастбище господъ.

Обезлошадѣвшій Мавръ утѣшался мыслію, что смиренный пѣшеходъ будетъ въ раю разъѣзжать на бѣгунѣ лучшей крови. Отъ такихъ причинъ Мавританскіе стрѣлки недолго сохранили свою значительность, пополняясь Христіанскими перебѣжчиками, Евреями, еще воинственными въ то время, большею же частію Неграми, добровольно приставшими, или купленными у Африканскихъ владѣльцевъ, которые уже торговали подданными и плѣнниками. Впослѣдствіи, нерѣдко, арміи Мавровъ состояли изъ одной конницы. Большее или меньшее число верблюдовъ, обложенныхъ латами, замѣняло тяжелую кавалерію; но Мавры вскорѣ перестали употреблять верблюдовъ, потому-что они не умѣютъ пробираться горами, на грязной дорогѣ безпрестанно готовы поскользнуться, и могутъ пробѣгать великія пространства только по землѣ ровной и пещаной. Кривая сабля, дубина, обитая мѣдью и привязанная къ сѣдельной лукѣ, длинная пика, украшенная значкомъ яркаго цвѣта, колчанъ и лукъ, висящіе за спиной, составляли наступательное оружіе Мавровъ. Латы охраняли грудь, а толстая чалма— кусокъ полотна, много разъ обернутый вокругъ головы — нескоро уступала непріятельскому мечу. Арабы не знали щитовъ. «Чего бояться невѣрныхъ? смо«трите, у нихъ нѣтъ щитовъ!» говорилъ Карлъ Мартель, ободряя свое войско. Но Мавры переняли у Христіанъ щиты и, по увѣренію хроникъ, сражались съ одинаковымъ искуствомъ какъ à la geneta — въ рыцарскихъ доспѣхахъ, такъ и a la guisa — безъ до-

спѣховъ. Вмѣсто обозовъ длинные ряды лошаковъ и муловъ тянулись за войскомъ Мавровъ; каждый Мавръ возилъ мѣхъ съ водою, мѣшокъ съ сарачинскимъ пшеномъ или поджареннымъ ячменемъ, и деревянную ложку. Расположившись станомъ, Мавры не наблюдали воинскихъ предосторожностей, и нерѣдко собаки замѣняли часовыхъ; за то окружали станъ веревками своихъ палатокъ, привязанными къ кольямъ или деревьямъ; когда же опасались непріятеля, то обводили свои станы рвомъ, всегда глубокимъ, если позволяло время, и наполняли ровъ до половины фашинникомъ, который зажигали въ случаѣ непріятельскаго нападенія; при осадахъ рѣдко употребляли стѣнобитныя орудія; охотнѣе брали города нечаяннымъ нападеніемъ или приступомъ; чаще же, окружа городъ, довольствовались отраженіемъ вылазокъ и недопущеніемъ помощи, а между-тѣмъ лучшіе изъ ихъ наѣздниковъ, подскакавши къ укрѣпленіямъ, вонзали въ стѣну или перебрасывали черезъ ровъ свои пики съ кусками кожи, привязанными къ концамъ; на каждомъ кускѣ былъ написанъ вызовъ на поединокъ въ выраженіяхъ больше или меньше обидныхъ. Если осажденные медлили отвѣтомъ, Мавръ, отрубивши голову знатнѣйшему изъ плѣнниковъ и воткнувши ее на пику, или привязавши къ хвосту своей лошади Испанскій гербъ, разъѣзжалъ передъ городскими стѣнами, вызывая храбрѣйшаго изъ осажденныхъ отомстить за смерть соотечественника, за поруганіе герба или вѣры. Испанцы рѣдко

отказывались отъ вызова: оба войска, какъ при осадѣ Трои, сбѣгались смотрѣть на сражающихся, которые, подобно Гомеровымъ героямъ, послѣ дружескаго разговора, или взаимныхъ ругательствъ, начинали поединокъ.

Обыкновеніе, отдавать честь преклоненіемъ оружія, единственный символъ рыцарства, сохраненный нами, принадлежитъ Маврамъ, которые на турнирахъ, на смотрахъ, три раза преклоняли свои сабли — во славу Аллы, и толпы правовѣрныхъ говорили Алла Экбаръ — въ честь государя, и съ звуками литавръ мѣшались народныя восклицанія — и въ честь женщинъ, женщины наклоняли головы. Мавръ, покидавшій свои водометы и свой гаремъ для пустынной жизни сантона *, произнесши обѣтъ, обнажалъ саблю и опускалъ ее. Это было нѣмое прощаніе съ любимымъ конемъ и съ любимой невольницей, съ воспоминаніями о лучшихъ дняхъ и съ земными надеждами.

Мавры строились въ двѣ линіи, или, лучше сказать, въ двѣ растянутыя толпы, съ промежутками или безъ промежутковъ, смотря по мѣстности; стрѣлки составляли переднюю линію, а конница заднюю; обыкновенно задняя линія была длиннѣе передней. Войско, назначенное для обороны какаго-нибудь пункта,

* Сантонъ — Магометанскій отшельникъ.

тили войско, на храбрость котораго полководецъ не на-
дѣялся, раздѣлялось на нѣсколько массъ, сжатыхъ
цѣпями, протянутыми съ четырехъ сторонъ; посре-
ди такаго четвероугольника, эмиръ, окруженный дво-
ромъ, держа пику, украшенную золотомъ и дра-
гоцѣнными каменьями, сидѣлъ на своемъ *престолѣ*—
такъ Мавры называли высокія сѣдла своихъ эмировъ,
посыпанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.
Когда Мавры не надѣялись сломить непріятеля однимъ
ударомъ, то старались утомить его сшибками, трево-
гами, притворнымъ бѣгствомъ, отъ чего одно сраже-
ніе, то прерываемое, то возобновляемое, иногда дли-
лось нѣсколько дней. Вообще Мавры не прежде на-
чинали рѣшительное нападеніе, какъ уже примѣтя
усталость непріятеля: тогда, при звукахъ трубъ и ба-
рабановъ, подававшихъ знакъ нападенія, иманы и ал-
факи, столпясь на ближнемъ возвышеніи, возглашали
Атакебиру — призываніе Бога на помощь правовѣр-
нымъ; Мавры, восклицая Алла Экбаръ (Богъ побѣди-
тель!), укрывая головы за шеями лошадей, и бросив-
ши поводья, силились пиками пробить отверстіе въ
желѣзной стѣнѣ Христіанъ; острымъ желѣзомъ ши-
рокихъ стременъ разрѣзывали ноги непріятельскихъ
лошадей. Лошади переднихъ рядовъ, припираемыя
задними рядами къ пикамъ христіанъ, съ разбѣга по-
давались на желѣзо, входившее въ ихъ грудь; потомъ,
становясь на дыбы отъ боли, передними копытами за-
мѣвали Христіанскихъ всадниковъ, и падая срывали ихъ
съ сѣделъ. Отъ эмировъ зависѣло ускорить или замед-

лить знакомъ нападеніе; но какъ скоро этотъ знакъ былъ поданъ, повиновеніе исчезало, и эмиры, на своихъ *престолахъ*, вмѣсто распоряженій, повторяли громкимъ голосомъ Магометовы обѣщанія: «Впередъ, пра«вовѣрные! Гуріи уже приготовили для васъ чалмы «съ драгоцѣнными каменьями, какихъ не было на чал«мѣ царя Сулеймана! подаютъ вамъ знаки платками «изъ зеленаго шелку!... черноглазыя, полногрудыя «говорятъ вамъ: скорѣе къ намъ, на груди! мы уми«раемъ отъ желанія...» Алла и Гуріи, Алла и Гуріи! восклицали Мавры вмѣсто Алла Экбаръ — и ихъ пики глубже входили въ Христіанъ, и ихъ дубины чаще стучали объ латы. Раненный Мавръ сбиралъ послѣднія силы, чтобы достигнуть ближняго потока: смерть при его прохладѣ казалась Мавру меньше мучительною; умирая просилъ товарищей оборотить его голову въ ту сторону, гдѣ лежитъ Мекка — и ему начинали чудиться очи Аллы и груди прелестной дѣвы; въ предсмертныя судороги поднималъ онъ ногу, чтобъ переступить черезъ порогъ райскихъ воротъ; шевелилъ губами, чтобы сказать саламъ-алекамъ пророку, и простиралъ руки, чтобъ сжать дѣву вѣчныхъ наслажденій.

Почти всегда сраженіе рѣшилось однимъ ударомъ; въ спину бѣгущихъ Мавры бросали свои пики, не смотря на ихъ длину; возвратясь изъ погони, складывали огромные костры, зажигали ихъ нефтію, и въ ея голубое трескучее пламя бросали убитыхъ товари-

щей. Но погда рѣшительный ударъ Мавровъ былъ отраженъ непріятелемъ, они, поворотя лошадей, пускались на уходъ мимо своихъ эмировъ, повторявшихъ громче прежняго Магометовы обѣщанія; тщетно эмиры, взамѣнъ потерянныхъ знаменъ, привязывали къ концамъ пикъ развернутыя чалмы: Мавры не умѣли сталпливаться, чтобъ возобновить сраженіе; *такъ написано*: говорили они въ оправданіе своего бѣгства. Мавры, говоритъ Маріана, были весьма способны къ партизанской войнѣ, по своему проворству, по быстротѣ, съ которой внезапно ускользали отъ непріятеля и еще внезапнѣе появлялись для нападенія.

II.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА ИСПАНЦЕВЪ СЪ МАВРАМИ.

Въ глуши Астурійскихъ Пиреней лежитъ узкая долина, обставленная отвѣсными утесами, отдѣленная горами Вердоянтой и Ансеной отъ дороги, ведущей изъ Овіедо въ Сант-Андеръ. Оконечность долины, прилегающая къ Ансенѣ, загромождена великимъ утесомъ, какъ будто нарочно для того поставленнымъ природой, чтобъ его широкій хребетъ за-

городилъ входъ въ пещеру Ансены, пещеру, безъ которой не было бы ни императора Карла V, ни партизана Мины. Слѣды звѣря попадаются чаще слѣдовъ человѣка на дорогѣ, которая между Ансеной и утесомъ пробирается къ пещерѣ. Мелкій ручей, выбѣгающій изъ пещеры, обгибаетъ утесъ и по узкой долинѣ уходитъ въ горы. Кругомъ дикіе виды напоминаютъ картины Сальватора-Розы съ шайкою разбойниковъ между утесами, съ зарѣзанными путешественниками на дорогѣ. Пещера можетъ вмѣстить въ себѣ нѣсколько тысячь человѣкъ. Въ ея глубинѣ устроенъ алтарь передъ образомъ Мадоны; небогата утварь на алтарѣ, небогатъ вѣнецъ Мадоны, и ex-votos, висящіе по бокамъ образа, показываютъ, что одни бѣдные приходятъ молиться ему. Много разъ эта пещера служила убѣжищемъ партизанамъ, назывались ли они Кантабрами, непокорными Цезарю, или Астурійцами, непокорными Наполеону. Здѣсь все свято для Испанскаго католика: нѣкогда сто тысячь Арабовъ приступило къ пещерѣ; но слетѣло небесное воинство—и ста тысячь Арабовъ нестало. Больше ста тысячь Арабовъ пустило стрѣлы и каменья изъ балистъ, чтобъ пробить ворота, непускавшія въ пещеру; но Богъ приказалъ стрѣламъ повернуться назадъ и вонзиться въ груди Арабовъ, а каменьямъ подняться и удариться объ головы Арабовъ. Въ пещерѣ были укрыты отъ поруганія невѣрныхъ тѣла угодниковъ и ковчегъ, сдѣ-

данный въ Іерусалимѣ учениками апостоловъ; многіе изъ монаховъ среднихъ вѣковъ спаслись молитвами предъ Мадоной Ансенской пещеры; многіе изъ королей Испанскаго сѣвера приходили въ пещеру благодарить Мадону за побѣды надъ невѣрными.

Какъ великій человѣкъ освящаетъ мѣсто своихъ страданій; какъ побѣда, спасшая независимость народа, освящаетъ мѣсто сраженія: такъ чудное воспоминаніе о толпѣ партизановъ, основавшихъ великую монархію, освятило узкую долину, мелкій ручей и пещеру съ образомъ Мадоны, сохранило имена, данныя имъ еще Кантабрами или Готѳами: долинѣ имя Конги, ручью — Деви, а пещерѣ — Кавадунги.

Готѳы, убѣжавшіе отъ Арабовъ къ Баскамъ, уникеніемъ купили гостепріимство: должны были въ храмахъ становиться позади Басковъ, носить на плечахъ изображеніе гусиныхъ лапъ — какъ въ странахъ, подвластныхъ Арабамъ, Евреи носили на шеѣ колокольчики, а Христіане деревянный крестъ, покрытый бѣлой краской. Но толпа Готѳовъ, убѣжавшая въ Кавадунгскую пещеру, укрѣпленная горнымъ воздухомъ, трудами партизанской жизни одолѣла нѣгу, погубившую Готѳское королевство. Хроники, полныя патріотическихъ лжей, служащихъ утѣшеніемъ народу, обикаемому исторіей, назвали тотъ уголъ Астуріи, въ которомъ партизанила толпа Готѳовъ, сперва Брозербскимъ, потомъ Астуріійскимъ королевствомъ, а началь-

ника этой толпы — королемъ домомъ Пелаіо; и его
забытаго единственнымъ Готѳскимъ историкомъ того
времени, хроники произвели по прямой линіи отъ
Готѳскихъ королей, окружили дворомъ епископовъ
и рыцарей, заслонили полками воиновъ отъ Араб-
скихъ стрѣлъ и сабель, и—чтобъ ничего не недоста-
вало этой Испанской Иліадѣ — надѣлили дона Пе-
лаіо сестрой-красавицей, которая не побѣдила своей
страсти къ Арабскому королю. Но какъ бы то ни было,
въ восточномъ углу Астуріи, между Овіедомъ и Сантан-
деромъ, былъ начальникъ партизановъ, котораго мечъ
обратился въ скипетръ королей *всѣхъ Испаній** и объ-
ихъ Индій. Ни одинъ изъ Испанскихъ Габсбурговъ
и Бурбоновъ не заходилъ въ Кавадунгскую пещеру,
первоначальную столицу Испанской монархіи, какъ
будто подъ сводами этой пещеры хранились архивы
королевства Арагонскаго и княжества Каталонскаго.

Бѣдны были короли Астурійскіе съ столицей въ
пещерѣ, съ областями изъ нѣсколькихъ долинъ, съ войс-
комъ, живущимъ набѣгами, и съ властію, не превос-
ходившей власть начальника народныхъ партизановъ.
Но съ первой схватки, въ которой Астурійцы сразив-
лись не за добычу, не за личную свободу, а за нѣчто
больше благородное, нежели добыча, даже личная сво-
бода, съ первой схватки, въ которую Астурійцы сра-

* Испанцы нерѣдко слово Испанія употребляютъ во множе-
ственномъ числѣ.

зились за свою народность, началась осьмивѣковая борьба двухъ вѣръ и двухъ народовъ, не имѣвшихъ ничего общаго ни на землѣ, ни на небѣ — борьба бѣдности съ богатствомъ, питаемая мучительнымъ сравненіемъ своихъ нуждъ съ роскошью сосѣда и не меньше мучительнымъ желаніемъ перейти отъ нужды къ избытку; борьба, усиленная ненавистью вѣры къ вѣрѣ, аристократовъ къ аристократамъ, народа къ народу, длившаяся до тѣхъ поръ, пока на полуостровѣ не осталось ни однаго храма, въ который сзывалъ бы на молитву голосъ человѣка, ни однаго человѣка, который говорилъ бы: *нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его.*

Это былъ крестовый походъ, предпринятый для завоеванія отечества, походъ, отъ котораго не избавляли ни королевскіе скипетры, ни папскія буллы. Младенецъ съ водой крещенія принималъ знакъ крестоносца; отецъ семейства былъ гостемъ дома: знамена креста вѣяли надъ цѣлыми поколѣніями. И знамена и поколѣнія, ветшая въ походахъ, смѣнялись новыми какъ часовые. Каждое поколѣніе видало въ сраженіяхъ св. Іакова Компостельскаго на бѣломъ конѣ, съ мечемъ, бросающимъ пламя. Умирающіе отъ ранъ, вѣря преданіямъ, вглядывались въ облака, вслушивались въ звуки вѣтра, и спрашивали: что же не слетаются ангелы на облака? что же не начинаютъ они похоронной пѣсни по убитымъ Христіанамъ? Испанецъ,

одряхлѣвшій въ своемъ крестовомъ походѣ, приносилъ домой вмѣсто вѣтви Іудейскихъ пальмъ чалму Мавра, ушитую золотомъ, его полукафтанье изъ атласа, а вмѣсто папскихъ благословеній—надежду, что, можетъ быть, архіепископъ Толедскій, на роковомъ берегу Гвадалеты, благословитъ его сыновей за завоеваніе отечества. Во всѣ восемь вѣковъ крестоваго похода Испанцевъ не прекращалась партизанская война. Она имѣла неодолимую прелесть для жителей Испанскаго сѣвера, воинственныхъ и хищныхъ; нравилась Маврамъ, потому-что позволяла имъ вполнѣ выказывать свое молодечество. При-томъ Испанцы видѣли въ ней единственное средство перейти отъ нужды къ избытку, а Мавры часто, кромѣ партизанской войны, не находили другаго средства отомстить Испанцамъ за ихъ набѣги. Военная слава храбрѣйшихъ королей Христіанской и Магометанской Испаніи заключается въ ихъ партизанскихъ подвигахъ. Въ мраморномъ Бургосскомъ соборѣ лежитъ цѣлый рядъ партизановъ; у каждаго на камнѣ Кастильская башня съ графской короной, и золотая лампада надъ камнемъ. Многіе изъ грандовъ перваго класса обязаны своими титулами и маіоратствами предкамъ-партизанамъ. Еще существуютъ монастыри, основанные на память партизанскихъ удачъ. Мадона, св. Іаковъ Компостельскій еще сохранили приношенія партизановъ: ризы съ драгоцѣнными каменьями, сіявшими на чалмахъ эмировъ, пояса изъ Венеціанскихъ цехиновъ и золотыхъ рукоятокъ Мусульманскихъ сабель. Еще и

сравнялось съ землею множество замковъ и одинокихъ башень, захваченныхъ и разоренныхъ партизанами Испанцевъ и Мавровъ. Эта осьмивѣковая партизанская война наполняетъ великолѣпные періоды Маріаны, сказанія легковѣрнаго Ферерры, украшена легендами, которыя чѣмъ чудеснѣе, тѣмъ вѣроятнѣе кажутся народу, и въ которыхъ полки невѣрныхъ, всегда такъ многочисленные, что пыль, поднятая ими, заслоняетъ солнце, всегда вступаютъ на Христіанскую землю единственно для того, чтобъ отъ ихъ крови покраснѣли концы Христіанскихъ пикъ. «Такъ слабый комаръ ужалилъ могучаго льва! Одинъ математикъ можетъ счесть добычу,» говорятъ Арабскіе историки, описывая удачный поискъ своего партизана. «Такъ леопардъ преслѣдуетъ серну!» говорятъ они, описывая погоню за Испанскимъ партизаномъ. Эта война живетъ въ преданіяхъ Испанцевъ вмѣстѣ съ вѣрованіемъ въ чудеса, совершившіяся для избавленія Испаніи отъ невѣрныхъ. Эта война поется Испанцами въ народныхъ стихотвореніяхъ, внезапныхъ, пламенныхъ переложеніяхъ въ стихи мыслей и чувствъ народа при радостномъ или горестномъ событіи; и до сего времени еще тревожитъ Испанокъ старинный романсъ, въ которомъ описывается прощаніе Сида съ его Хименой; и въ церковныхъ ходахъ, учрежденныхъ на память побѣдъ, Испанцы еще носятъ знамена, отбитыя у Мавровъ предками-партизанами.

Позади обѣихъ Испаній, Магометанской и Христіанской, простирались земли, постоянно вскармливавшія воиновъ для обоихъ народовъ. Африка присылала Маврамъ своихъ—Береберовъ съ Африканской кровью, долго не прохлаждавшейся отъ воздуха Андалузіи, Негровъ, бывшихъ въ одно время рабами и воинами; Атласкихъ полудикарей, еще такъ жившихъ и такъ сражавшихся, какъ жили и сражались ихъ предки Нумидійцы. Франція, для Христіанской Испаніи, замѣняла Африку. Въ XVII столѣтіи Французское дворянство оставляло удовольствія столицы и двора, чтобъ заставить о себѣ говорить въ залахъ Лувра и Версаліи, чтобъ заслужить на Мальтійскихъ галерахъ, съ помощію придворныхъ связей, богатое командорство. Такъ Аквитанскіе бароны приходили на помощь къ Испанскимъ горцамъ, чтобъ прибавить новый знакъ воинской славы къ своему гербу, новое помѣстье къ доставшимся отъ предковъ, или чтобъ загладить войной съ невѣрными то время буйной молодости, когда пускали пастись коней на монастырскихъ лугахъ, и безъ спроса опоражнивали погреба аббатовъ. Немногіе изъ Аквитанскихъ бароновъ перенесли въ замки, отнятые ими у Мавровъ, свои архивы и портреты своихъ предковъ. Аквитанскимъ баронамъ, приносившимъ въ станъ горцевъ всю роскошь феодальныхъ замковъ, казались скучными и трудными жизнь и война въ странѣ гористой и бѣдной, жизнь, безъ рыцарскихъ игръ, далече отъ благородныхъ дамъ, война,

съ походами пѣшкомъ, съ сраженіями безъ рыцарскихъ доспѣховъ. За то съ каждымъ годомъ увеличивалось число вазаловъ и бѣдныхъ рыцарей изъ Аквитаніи. Это время походило на времена крестовыхъ походовъ и Наполеоновой имперіи, когда всѣ земныя блага были доступны мужеству и воинскому счастію, какъ небо было доступно Гомеровымъ героямъ. Не одинъ Французскій вазалъ, которому подъ страхомъ жестокаго наказанія было запрещено носить шпоры, переѣхалъ чрезъ Пиренеи, ведя чужаго коня подъ попоной, воротился на родину въ казакинѣ изъ краснаго камлота, съ шелковымъ шарфомъ пурпуроваго цвѣта, въ сапогахъ съ золотыми шпорами, знакомъ рыцарства, и съ длинными носками, согнутыми какъ бараній рогъ. Не одинъ бѣдный рыцарь, у котораго во Франціи, по выраженію хроникъ, не было ни коня ни кровли, становился въ Испаніи могущественнымъ барономъ, наводившимъ страхъ на нѣсколько миль кругомъ своего замка, и родоначальникомъ свѣтлѣйшаго дома грандовъ, съ титуломъ длиннымъ, какъ титулъ императора Карла V, съ маіоратствами во *всѣхъ Испаніяхъ*, въ обѣихъ Сициліяхъ и обѣихъ Индіяхъ. Другіе Французскіе пришельцы, еще больше счастливые, достигли королевскихъ престоловъ, какъ паладины-крестоносцы, какъ солдаты Наполеона.

Арабы хотѣли навсегда *обратиться спиной* къ Испанскому сѣверу, увидѣвши съ Пиреней Аквитанію

съ деревнями, населенными какъ города, съ плодо-
носными берегами Гароны и Адуры, съ женщинами,
которыхъ русые волоса, бѣлыя лица прелестію но-
вости плѣняли Арабовъ, впервые повѣрившихъ, что
гуріи не всѣ будутъ смуглы и черноглазы. Араб-
скій полководецъ сошелъ съ Пиреней, *возвышая до об-
лаковъ башню своего честолюбія.* Цезарь замышлялъ по-
корить востокъ и сѣверомъ возвратиться въ Римъ.
Наполеонъ — обратить Средиземное море во Француз-
ское озеро, а Арабскій полководецъ — покорить Гал-
лію и Германію до Дуная, поучить единству Божію
подъ куполами Ватикана и Св. Софіи, и черезъ Малую
Азію пойти на поклоненіе гробу пророка. Среди та-
кихъ замысловъ было ли время Арабскому полковод-
цу вспомнить о горахъ Испанскаго сѣвера! Между-
тѣмъ независимые горцы, сперва забытые, потомъ
не возбуждавшіе опасенія по своей малочисленности,
не стоившіе зависти по своей бѣдности, спокойно рас-
пространялись по долинамъ Испанскаго сѣвера, куда
роскошные обладатели Испанскаго юга и запада лѣ-
нились ходить за добычей и никогда не думали пе-
ренести своихъ гаремовъ. Они много расказывали объ
огромныхъ гадахъ, выползающихъ изъ Астурійскихъ
пещеръ, о медвѣдяхъ, протягивающихъ лапы съ Ас-
турійскихъ утесовъ, чтобы поднять къ себѣ неосто-
рожнаго путника; считали независимыхъ горцевъ раз-
бойниками, не стоящими ни стрѣлъ, ни конскаго пота,
неспособными познать истины корана — и уже тогда

Мусульмане раскаялись въ томъ, что изъ Кавадунгской пещеры не выбросили колыбели Испанской монархіи, когда независимые горцы стали частыми набѣгами тревожить ближнія селенія и города. Эти набѣги, совершаемые съ мужествомъ и смѣтливостію людей, не знающихъ другаго ремесла, кромѣ партизанской войны, до половины IX столѣтія предпринимаемы были не для завладѣнія землей, занятой Мусульманами, но единственно для грабежа, для удовлетворенія ненависти, превосходившей жажду мщенія, той ненависти, которую чувствуетъ ограбленный при торжествѣ грабителя. Горцы уводили Мусульманъ въ свои горы для работъ неволи, Христіанъ для заселенія горныхъ долинъ, а добыча, принесенная партизанами, была единственнымъ доходомъ государства. Это исторія начинающагося Рима. Мусульмане ограничивались оборонительной войной. Огни, разведенные на высотахъ, извѣщали жителей деревень о непріятельскомъ вторженіи. Алкаиды * затворялись въ замкахъ, загораживали воротами улицы неукрѣпленныхъ городовъ и высылали отряды для прогнанія горцевъ, которые, при первомъ наступательномъ движеніи Мусульманъ, удалялись съ добычей въ свои недоступныя конницѣ горы, *какъ орелъ въ свои облака, недоступныя стрѣлѣ*. Но едва Мусульманскіе отряды оставляли погоню, горцы снова являлись на равнинахъ. Это походило на войну съ морскими разбой-

* Алкаидъ — начальникъ.

никами, выходящими на берегъ грабить и спѣшащими на свои корабли при появленіи береговой стражи. По удачномъ набѣгѣ короли-партизаны нѣсколькими мѣрами ржи или ячменя спѣшили заплатить Св. Іакову Компостельскому за его покровительство. Въ случаѣ неудачи головы горцевъ торчали на минаретахъ и унизывали стѣны замковъ. Тѣ изъ Испанцевъ, у которыхъ доставало мужества предпочесть опасную свободу спокойному рабству, приходили со всѣхъ концевъ рабствующей Испаніи въ Астурійскія горы, какъ въ такое мѣсто, гдѣ еще сражались за Христа и за Испанію.

Съ половины IX столѣтія горцы стали углублять свои набѣги, отстаивать города и замки, захваченные въ набѣгъ, и уже не уводили Христіанъ въ свои горы; но по-прежнему рабство было на равнинахъ, независимость въ горахъ—и до соединенія Леонскаго королевства съ Астурійскимъ власть королей внѣ горъ походила на хищническую власть Шотландскихъ кланновъ надъ жителями Ловеланда. Въ началѣ X столѣтія Мавры перешли къ наступательной войнѣ, потомучто горцы распространились по мѣстамъ, доступнымъ конницѣ, и рѣшались на сраженія внѣ своихъ горъ.

Наступательныя дѣйствія Мавровъ, а потомъ и Испанцевъ, заключались въ *алгорадахъ*.

Восточные народы предпринимаютъ войну или для завоеванія себѣ новаго отечества, или, когда не

думаютъ перемѣнить мѣста жительства, то для грабежа, разоренія укрѣпленныхъ мѣстъ, наложенія дани: это называютъ Арабы *алгорадой* — набѣгомъ. Многіе писатели смѣшиваютъ *алгораду* съ обыкновеннымъ партизанскимъ набѣгомъ; но для алгорады собирается не горсть партизановъ, а цѣлая армія, съ осадными орудіями, нерѣдко съ обозами съѣстныхъ припасовъ. Приготовленія къ алгорадѣ, а иногда и время, въ которое она начнется, бываютъ извѣстны непріятелю, между-тѣмъ какъ тайна составляетъ главное условіе партизанскаго набѣга.

Рѣдко осенью, за-то въ началѣ каждой весны, какъ скоро спадали рѣки и появлялся подножный кормъ, Мавры, и Испанцы попеременно, или въ одно время, начинали алгораду по пути, указанному аталидами. Аталиды — вожатые — выбирались изъ лучшихъ воиновъ, неразъ обходившихъ непріятельскую землю, чтобъ познакомиться съ направленіями дорогъ на равнинахъ, съ мѣстами, удобными для переправъ, съ тропинками, по которымъ можно перебраться черезъ горы. Писатели обоихъ народовъ превозносятъ смѣтливость своихъ аталидовъ, которые умѣли на зелени равнинъ и на прахѣ дорогъ отличать слѣды своего войска отъ непріятельскаго. Хотя бы непріятельскій замокъ стоялъ на высотѣ, недоступной *и птицѣ и облаку*, хотя бы часовые *были одарены неусыпающимъ слухомъ*, аталиды подкрадывались къ замку, и, приложивши уши къ его стѣнамъ, вслушиваясь въ размѣ-

ренные шаги часовыхъ, въ голоса начальниковъ, повѣряющихъ стражу, узнавали, хорошо ли непріятели оберегаютъ замокъ. Находясь впереди войска, аталиды извѣщали о появленіи непріятеля, о встрѣчѣ непредвидимаго препятствія. Ихъ надзору ввѣрялись добровольные и насильно взятые проводники, чтобъ по ошибкѣ или съ умыслу не завели войска въ засаду. Повелѣнія и извѣщенія отдаленнымъ отрядамъ сообщались или посредствомъ огней, которымъ Арабы съ незапамятныхъ временъ умѣли давать значенія; или посредствомъ людей, поставленныхъ на такомъ разстояніи другъ отъ друга, на которомъ они могли сообщаться крикомъ и условленными знаками. Полководецъ, углубляясь въ незнакомыя степи, строилъ башни, ставилъ по своему пути столбы съ фонарями, чтобъ отсталые, и войска, шедшія на помощь, не сбивались въ сторону, и чтобъ въ случаѣ пораженія легко было найти выходъ изъ незнакомой степи.

Алгорада позволяла все, что только могутъ внушить человѣку фанатизмъ, ненависть и любостяжаніе. Эти три ненасытныя страсти увеличивались съ успѣхомъ алгорады, потому-что съ ея успѣхомъ увеличивалось число ихъ жертвъ. При звукахъ военной музыки, при восклицаніяхъ, выражающихъ разгулъ страстей, алгорода — армія, вышедшая на разбой — углублялась въ непріятельскія земли; забрызганная кровью, посыпанная пепломъ, не оставляла, по свидѣтельству хроникъ, позади себя ничего *зеленѣющаго*

и ничего дышущаго. Жители съ своими стадами и имуществами уходили въ горы или въ укрѣпленныя мѣста, и часто однѣ птицы видѣли походъ алгорады. За нею слѣдовали купцы съ золотомъ въ длинныхъ кожаныхъ мѣшкахъ, привязанныхъ къ поясамъ, чтобъ послѣ грабежей покупать у воиновъ драгоцѣнныя каменья и шелковыя матеріи. Партизаны безпрерывно то отдѣлялись отъ алгорады, то возвращались къ ней; по-временамъ отсылались назадъ плѣнники и обозы или караваны съ добычей. Оставались неприкосновенными одни замки и укрѣпленные города, если не было надежды взять ихъ приступами и если недоставало времени взять ихъ осадами, для которыхъ при алгорадѣ находился особый отрядъ воиновъ, называвшихся escaladeros, носившихъ лѣстницы для приступовъ и mantas — ручные парапеты изъ досокъ для защиты во время приступа. Полководцы того времени не умѣли истощать богатыхъ городовъ контрибуціями, не умѣли бросать къ облакамъ крѣпостей, чтобъ онѣ дождемъ изъ кирпичей и труповъ упали на остатки укрѣпленій и жилищъ. По взятіи города алгорадой, жилища предавались огню, жители цѣпямъ, а укрѣпленія молоту и лому. Иногда жителямъ позволялось взносить за себя *выкупъ крови* — такъ называлась та сумма денегъ, которою жители откупались отъ грабежа и плѣна. Только въ такомъ случаѣ укрѣпленія не подвергались разрушенію, когда алгорада нуждалась въ убѣжищѣ для обозовъ, больныхъ и раненыхъ. При дальнѣйшемъ ея углубленіи пѣхота

оставалась назади для охраненія укрѣпленій, проходовъ чрезъ горы, нужнѣйшихъ мостовъ, и уже одна конница, дѣйствуя, то массами, то отрядами, бросалась на богатѣйшіе города, проникала къ жилищамъ государей, и прежде-нежели непріятель успѣвалъ собрать значительныя силы, спѣшила въ обратный путь. Посреди алгорады тянулись толпы плѣнныхъ обоего пола, бѣжали захваченныя стада, и на лошакахъ везлись трупы начальниковъ ея и непріятельскихъ: тѣ ждали погребенія въ родной землѣ, а непріятельскіе выкупа. Въ случаѣ сраженія, побѣда обыкновенно принадлежала тому народу, который расказывалъ о сраженіи; и во дворцахъ калифовъ, и въ башняхъ королей, одна добыча служила доказательствомъ побѣдъ.

Не смотря на безчисленныя арміи, которыми Испанскія хроники такъ щедро надѣляли своихъ королей, немного тысячь конницы могли выставлять бѣдныя горныя королевства, и безъ помощи Мозарабовъ *, какъ шпіоновъ, проводниковъ и воиновъ, короли Испанскаго сѣвера никогда бы не посмѣли своихъ партизанскихъ набѣговъ замѣнить алгорадами. Главная сила Испанской алгорады заключалась въ пѣхотѣ, вооруженной, по обыкновенію пѣхоты среднихъ вѣковъ, пикою, топоромъ и ломомъ, для проламыванія воротъ у замковъ и домовъ, и часто одни

* Мозарабами назывались Христіане, жившіе въ областяхъ Мавровъ.

начальники съ ихъ свитами составляли всю конницу. Успѣшно было каждое усиліе Мусульманъ освободиться отъ непріятеля, не дававшаго имъ покою; почти въ каждую Мусульманскую алгораду становилось сомнительнымъ существованіе горныхъ королевствъ. Феодальный рабъ, засѣвая поле, думалъ, что завтра же непріятельская конница потопчетъ сѣмена. Король, умножая свою ночную стражу, не былъ увѣренъ, что она въ силахъ отстоять королевскій замокъ отъ набѣжавшихъ Мавровъ. Но Мавры въ гористой Испаніи постоянно слѣдовали тактикѣ Арабовъ, выгодной на однѣхъ пещаныхъ степяхъ Гедзы, и потому многія побѣды, Маврами одержанныя на равнинахъ, остались безъ послѣдствій, многія попытки Мавровъ углубиться въ горы Испанскаго сѣвера были безуспѣшны; притомъ приближеніе зимы каждый разъ прогоняло Мавровъ на югъ изъ земель, завоеванныхъ на сѣверѣ. Оставя гарнизоны только въ тѣхъ замкахъ и городахъ, которыхъ удержаніе могло облегчить новую алгораду, Мавры расходились по домамъ, чтобъ весной слѣдующаго года повторить завоеваніе и снова оставить его передъ наступленіемъ зимы. А Испанцы каждую зиму постоянно заглаживали свои потери.

Отъ начала X столѣтія до покоренія Гренады, партизанская война, независимо отъ алгорадъ, производилась двумя способами. Партизаны бродили кругомъ непріятельскихъ арміи, захватывая обозы, гоняясь за мародерами и притаиваясь въ засадахъ, или

бросались на непріятельскую землю, грабили, опустошали до тѣхъ поръ, пока непріятель не собралъ достаточныхъ силъ для отраженія и погони. До царствованія св. Фердинанда горцы, оставлявшіе свою родину для равнинъ, отнятыхъ у Мавровъ, большею частію селились въ городахъ, какъ въ лучшихъ убѣжищахъ отъ Мусульманскихъ алгорадъ и партизановъ. То были постоянные лагери, разбитые въ виду непріятеля и занятые военными колоніями. Остальное народонаселеніе сжалось въ землянкахъ и въ дымныхъ хижинахъ кругомъ феодальныхъ и монастырскихъ бойницъ. То были передовые посты, оставленные въ непріятельской землѣ для наблюденія за непріятелемъ. Жители городовъ и деревень добывали партизанскою войной все, чего не давала имъ бѣдная промышленность и земля — ладонъ для храмовъ, украшенія для женщинъ, невольниковъ и лучшее оружіе.

Границы обоихъ народовъ охраняло особое войско, то кочевавшее, то составлявшее родъ военнаго поселенія, жившаго въ пограничныхъ земляхъ или въ домахъ, нарочно для него построенныхъ, съ бойницами и палисадами. Люди, составлявшіе это войско, у Испанцевъ назывались fronteros, у Мавровъ рабій; они были тоже, что borderers, такъ часто упоминаемые въ длинныхъ, печальныхъ балладахъ Англичанъ и Шотландцевъ. Прославляя то стараго барона, то молодаго разбойника, баллады не забыли сказать, что borderer носилъ на груди металлическую бляху

съ гербомъ, а вмѣсто латъ стеганый, подбитый шерстью, казакинъ. При послѣднемъ Омміадѣ — когда калифатство видимо слабѣло, и отъ того усилились алгорады и партизанскіе поиски Испанцевъ — многія тысячи ревностныхъ Мусульманъ произнесли обѣтъ посвятить себя на защиту границъ и ни подъ какимъ предлогомъ не оставлять своихъ знаменъ. Они, исполняя обязанности рабій, вели суровую жизнь сантоновъ. Видимая польза, приносимая ими, побудила Христіанъ завести подобныя сотоварищества въ-замѣнъ силы и единства, недостававшихъ королямъ Испанскаго сѣвера. Эти сотоварищества послужили началами знаменитымъ въ исторіи полуострова орденамъ Калатравы, Алкатары, св. Іакова и Эворы, которыхъ главная обязанность, въ первое столѣтіе ихъ учрежденія, заключалась въ оборонѣ границъ.

Между жилищами враждующихъ народовъ, отъ Бургоса до Сіерра-Морены, простиралась голая степь со множествомъ небольшихъ оазисовъ, укрѣпленныхъ замковъ, и съ немногими городами. Алгорады, шедши впередъ и возвращаясь оттуда, спѣшили миновать эту степь. Жители ея находили безопасность только за стѣнами укрѣпленій; потому-что партизаны обоихъ народовъ, не зная ни мира, ни перемирія, безпрестанно перебѣгали степь по всѣмъ направленіямъ, исключая жаркое время года, въ которое наступалъ родъ сіесты, прекращавшей поиски. Это были большею частію независимые партизаны, кондотіерри, бра-

бансоны полуострова, названные Испанцами campeadores. Они за деньги помогали Христіанамъ отнять у Мавровъ мощи угодника, Маврамъ похитить молодую Христіанку; даромъ помогали тѣмъ и другимъ набѣжать на ярмарку, захватить свадебный поѣздъ — одинаково отдѣляли св. Іакову Компостельскому часть изъ боевой добычи, была ли она отнята у Мусульманъ, или у Христіанъ. Измѣня Христіанской Испаніи, они не измѣняли Мадонѣ, и на походѣ подъ знаменами корана, останавливались передъ ея статуями, чтобъ прошептать ave-maria. Услыша о приближеніи кампеадоровъ, major-domus рѣже поднималъ свою плеть надъ феодальнымъ рабомъ, опасаясь, что онъ отъ его ударовъ не побѣжитъ прижаться къ алтарю ближней церкви, какъ Римскіе невольники къ статуямъ императоровъ, но убѣжитъ къ кампеадорамъ. Когда было нѣкому купить ихъ помощи, когда не находили ничего стоящаго поисковъ, они гонялись за козами и оленями въ Сіерра-Моренѣ, били медвѣдей и кабановъ въ Астуріи. Бароны и эмиры не смѣли запретить своихъ лѣсовъ охотившимся кампеадорамъ; но послыша ихъ охоту, спѣшили спустить свои подъемные мосты и наполнить стрѣлками свои башни. Кампеадоры, силой или обманомъ захвативши какой-нибудь замокъ, поднимали надъ нимъ знамя съ гербомъ собственнаго изобрѣтенія, заводили гаремы, и грабили прохожихъ. Иногда становились они независимыми владѣльцами; но чаще ближніе бароны или эмиры отнимали у нихъ замокъ. Поперемѣнно или въ одно

и то же время разбойники, партизаны, завоеватели, они переходили безъ промежутковъ отъ богатства къ бѣдности, отъ почестей къ изгнанію. То славимые, то проклинаемые народомъ въ его пѣсняхъ, то званые гости королей, то бѣглецы, ищущіе спасенія своимъ головамъ, они, какъ любимыя игрушки счастія, по нѣскольку разъ въ немного лѣтъ теряли, находили свои войска, сокровища, титулы. Ихъ знамена то развѣвались надъ замками, то заплеванный палачами сгорали на кострахъ. Кампеадоры умирали запертые въ желѣзныхъ клѣткахъ, закладенные кирпичами во впадинахъ тюремныхъ стѣнъ, или въ собственныхъ дворцахъ, и трупы были обмыты восточными благовоніями, какъ трупъ Сида благовоніями, подаренными царемъ Персидскимъ. Въ склепахъ надъ ихъ гробами теплились золотыя лампады и чередовались монахи.

Альманзоръ, одаренный лучшими изъ тѣхъ качествъ, которыми историки и путешественники надѣляютъ Арабовъ, великій человѣкъ даже въ исторіи Мавровъ написанной Езуитами, былъ послѣднимъ Мусульманиномъ, замышлявшимъ повторить завоеваніе Испаніи. Въ теченіе двадцати лѣтъ уничтожая крѣпости и селенія, проникая въ пещеры, укрывавшія бѣглецовъ, онъ порывался взять приступомъ Пиренеи, послѣднее убѣжище Испанской независимости, чтобъ все Готѳское народонаселеніе выбросить изъ-за Пиренеевъ въ Галлію, его прежнее отечество, или угнать

въ неволю за Сіерра-Морену и за Гибралтарскій про-
ливъ. Христіане, прислонясь къ Бискайскому заливу,
за его утесами отдохнули отъ погони, сдвинули всѣ
свои боевыя силы — и при Каталаньязорѣ, передъ пи-
ками ихъ сжавшейся пѣхоты, полегла Альманзорова
конница. Онъ сорвалъ повязки съ своихъ свѣжихъ
ранъ, и упалъ на ея трупы; съ нимъ пало калифат-
ство, жившее его жизнію. Одинъ изъ калифовъ со-
знался, что въ современномъ ему поколѣніи нѣтъ Му-
сульмана, который бы умѣлъ повелѣвать, и нѣтъ Му-
сульмана, который бы умѣлъ повиноваться; другой
калифъ два года скитался съ рабіями на границѣ, не
находя безопасности въ своемъ Кордубскомъ дворцѣ,
среди гвардіи буйной и вѣроломной, какъ та гвардія,
которая продавала съ-молотка санъ Римскаго импе-
ратора. Безначаліе заразило народные нравы, унизило
правительство до повиновенія войску и черни, и по
волѣ этихъ двухъ властелиновъ, всегда прихотливыхъ
и своенравныхъ, въ каждомъ изъ городовъ калифат-
ства возвышались и падали эмиры.

Мавры были бы покорены въ первыя десятилѣ-
тія по смерти Альманзора, если бы государи Христі-
анской Испаніи, переставшіе бояться Мавровъ, не на-
ходили частныхъ выгодъ въ поддержаніи ихъ неза-
висимости. Въ послѣдствіи, полюбя войну на Француз-
скомъ югѣ, они предоставляли партизанамъ расхи-
щать окровавленныя развалины калифатства. Объ
Испаніи, раздѣленныя на небольшія королевства, на-

поминали Аріостова великана, у котораго каждый отрубленный членъ жилъ особой жизнію, и главный признакъ особой жизни каждаго королевства заключался въ безпрерывной враждѣ съ сосѣдями, какъ будто отъ постоянства этой вражды зависѣла его самобытность. Въ тоже время множество эмировъ, бароновъ не знало другаго ремесла, кромѣ бунтовъ, и всѣ эти независимые владѣльцы, почти всегда слишкомъ слабые для совершенія или удержанія завоеваній, довольствовались партизанской войной. Подданные и вазалы, одинаково угнетаемые, оставались ли повелители ихъ побѣдителями или побѣжденными, только въ добровольномъ изгнаніи находили облегченіе и, въ этомъ изгнаніи, они, отвыкшіе на походахъ отъ домашнихъ работъ, искали пропитанія подъ знаменами независимыхъ партизановъ. И такъ партизаны были одними изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ той трагедіи, которую государи обѣихъ Испаній, эмиры и бароны, вазалы и рабы разыгрывали на сценѣ, поминутно освѣщаемой пожарами — въ трагедіи, наслѣдственной, безпрестанно возобновлявшейся съ убійствами на пирахъ, съ предательствами въ сраженіяхъ, украшенной Гомеровскими поединками, чарами волшебницъ, влюблявшихся въ рыцарей; растянутой монологами, то барона, оплакивающаго въ плѣну свои турниры, свою даму, то принцессы, приневоленной отдать свою руку побѣдителю, погубившему ея отечество и ея семейство — случай обыкновенный въ Испанской исторіи.

Испанское духовенство, бѣдное, но уже сильное, нуждалось въ боевыхъ добычахъ для украшенія алтарей и для своихъ прихотей; но совѣстилось украшать алтари и роскошничать на отнятое у Христіанъ. Дворянство находило больше выгодъ въ войнахъ съ Маврами, нежели въ войнахъ междоусобныхъ и за Пиренейскихъ. Короли, своими престолами большею частію обязанные волѣ дворянства, а не правамъ наслѣдства, по своемъ вѣнчаніи на царство, должны были вѣнчаться на то же царство въ другой разъ, но по другому обряду, внѣ соборовъ, среди Магометанскихъ копій, чтобъ заслужить свои шпоры на такой войнѣ, которая приносила больше выгодъ дворянству. Государи и народы Христіанской Испаніи, враждебные другъ другу одинаково томились нетерпѣніемъ завоевать Толедо святой городъ, столицу Готфовъ, вѣчный предметъ сожалѣнія для ихъ потомковъ, одинаково увлекались неодолимой страстію воевать съ Маврами, или, лучше сказать, обогащаться отнятымъ у Мавровъ. Если къ этимъ причинамъ, по которымъ Испанцы переходили отъ партизанской войны къ завоеваніямъ, присовокупить стремленіе на югъ, свойственное всѣмъ сѣвернымъ народамъ, и котораго они не могутъ одолѣть когда имъ туда открыта дорога; то не покажется удивительнымъ, что храбрѣйшіе изъ эмировъ, въ знакъ подданства, повергали свои знамена и сабли къ ногамъ такихъ Испанскихъ государей, которыхъ правленіе нрибавило нѣсколько страницъ къ исторіи, но ничего не прибавило къ благосостоянію государства.

Мавры полюбили отдыхать въ померанцовыхъ и лимонныхъ рощахъ, на берегахъ потоковъ, пѣть романсы у ногъ женщинъ, и въ залахъ, увѣшенныхъ штофомъ или обложенныхъ мраморомъ, ступать по Персидскимъ коврамъ, по мозаикамъ изъ дорогихъ камней; они привыкли теряться между колоннами, полированными въ Византіи и частыми какъ деревья въ лѣсу, такъ-что служили замѣною древесной тѣни подъ знойнымъ небомъ; они хотѣли, чтобъ ихъ, молящихся въ мечетяхъ, водометы нѣжили прохладой, цвѣты востока поили дыханіемъ — и что такъ шло къ храмамъ вѣры, которая обѣщаетъ въ вѣчности чувственныя удовольствія! Они приносили на войну то утонченное кокетство, съ которымъ выходили на поединки придворные Лудовика XIV, выбиравшіе для скрещенія шпагъ съ золотой насѣчкой такое мѣсто, гдѣ бы грязь не замарала красныхъ каблуковъ, гдѣ бы ноги, въ жару поединка, не подняли пыли, пятнающей манжеты. Мавры сдѣлались такъ счастливы, такъ великолѣпны, что имъ нельзя было не бояться смерти, и потому они были покорены, не смотря на свидѣтельство исторіи, что одинъ взглядъ любимой женщины бросалъ Мавра на Христіанскія копья.

При всемъ томъ, у нихъ такъ было много воинственнаго духа, что, уже оглядываясь на Африканскій берегъ, чтобъ узнать, не пришелъ ли часъ обратной переправы чрезъ Гибралтарскій проливъ, еще два столѣтія отставили они Гренадскую долину. За-

пертая съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой высокими мысами, далеко уходящими въ море, она была уставлена замками и одинокими башнями, служившими убѣжищемъ партизанамъ, и до сего времени удивляетъ своимъ плодородіемъ отъ множества коней и всадниковъ, принятыхъ ею. Эта двухъ-вѣковая война на Гренадской долинѣ заключалась въ безпрерывныхъ переходахъ отъ партизанскихъ дѣйствій къ войнѣ наступательной или оборонительной. Завоеваніе каждаго клочка земли стоило трудовъ и крови; новыхъ трудовъ и новой крови стоило удержаніе этаго клочка. Въ теченіе осмивѣковой партизанской войны оба народа такъ пристрастились къ ней, что переміріемъ, заключеннымъ передъ паденіемъ Гренады, были позволены партизанскіе поиски, съ тѣмъ только, чтобъ они производились украдкой съ помощію *воинскихъ хитростей* безъ приготовленія къ осадамъ, безъ военной музыки и развернутыхъ знаменъ, и чтобъ каждый поискъ продолжался не больше трехъ дней.

Глубокая привязанность Мавровъ къ родинѣ, такъ сильно выраженная современниками въ хроникахъ, въ преданіяхъ и романсахъ, придаетъ столько занимательности расказу о ихъ паденіи и изгнаніи, что вы, отдѣленные отъ нихъ нѣсколькими столѣтіями, читаете этотъ расказъ съ живымъ участіемъ, какъ будто дѣло идетъ о народѣ современномъ. Съ бѣшенымъ мужествомъ Мавры выходили изъ осажденной Гренады биться съ Христіанами; но

каждый разъ, отброшенные къ стѣнамъ, опускали оружіе, не отъ малодушія, а отъ мысли потерять Гренаду, отъ мысли, казавшейся имъ такъ удивительною, какъ факиру мысль о томъ, что на небѣ поклонникъ Иссы можетъ сравниться съ правовѣрнымъ. Утомленные голодомъ и битвами, Мавры повергались на помосты мечетей, прося у Аллы новой силы для битвъ за Гренаду — а такъ недавно въ тѣхъ же мечетяхъ они просили у Аллы новой силы для наслажденій въ гаремахъ! Съ прощальными поцалуями надъ могилами предковъ, они склоняли головы къ каменнымъ чалмамъ, недавно расколотымъ междоусобной войной. Указывая на свое изломанное, притупленное оружіе, они клялись женщинамъ, что не щадили себя, чтобъ защитить ихъ покрывала; смертельно раненые холодѣли съ горячими слезами о Гренадѣ.

Читали ли вы о жертвахъ инквизиціи Венеціанскаго сената, приговоренныхъ къ смерти, но къ смерти не на кострѣ въ поученіе еретикамъ, не на эшафотѣ въ поученіе нобиліямъ Терра-Фирмы, а къ смерти въ углу темницы? Читали ли вы, какъ у этихъ жертвъ въ послѣдній разъ новыми пытками вымучивали новыя признанія? Чего было бояться, чего стыдиться инквизиторамъ, сенаторамъ, когда только они да палачи могли слышать стоны мучимаго, видѣть растерзанное тѣло, переломанныя кости; когда знали, что и тѣло и кости, тайно брошенныя

въ землю, уже истлѣютъ въ ней, а ближніе замученнаго еще будутъ спрашивать, гдѣ онъ? Такъ Испанцы, не боясь и не стыдясь ни современниковъ, ни исторіи, поступали съ побѣжденными Маврами. Отняли у минаретовъ голоса, сзывающіе на молитву, покрывала у женщинъ, чалмы у мужчинъ; сожгли Арабскія книги; разрушили башни; запретили языкъ предковъ, народныя пѣсни и народныя увеселенія; словомъ, отняли все, къ чему пріучила мать, что оставилъ предокъ, что даромъ даетъ любовь, что съ трудомъ даютъ заботы; все, что у невиннаго отнимаетъ клевета, у преступника политическая смерть. У немногихъ Мавровъ достало душевной силы для добровольнаго изгнанія, послѣдняго печальнаго отвѣта побѣжденныхъ народовъ на повелѣнія завоевателей. Просвѣщеніе Мавровъ погибло, какъ Аризафа, городъ, воздвигнутый Кордубскимъ калифомъ въ честь любимой одалиски, городъ, чудесный какъ ея красота, въ немного лѣтъ погибшій невозвратно отъ огня и меча, какъ красота одалиски отъ скуки гарема и отъ ночей принужденной любви.

Сто лѣтъ прошло по паденіи Гренады. Испанцы думали, что оружіе Мавровъ съѣдено ржавчиной въ Испанскихъ арсеналахъ, что на кострахъ инквизиціи погибло вѣрованіе въ Магометовы обѣщанія, — какъ вдругъ къ Гренадскимъ воротамъ подскакали воины въ чалмахъ, съ полумѣсяцами на знаменахъ. Удивленные Испанцы подумали, не потомки ли изгнан-

ныхъ Мавровъ приплыли изъ Африки за своей Гренадой; чернь вообразила, что это Мавры, пришедшіе съ другаго свѣта за своими сокровищами, зарытыми въ землю. Такъ внезапно Алпухарахскіе Мавры перешли отъ столѣтней покорности къ отплатѣ за обиды. Они вспомнили Магометовы обѣщанія; при свѣтѣ зажженныхъ церквей, нашли оружіе и одежду предковъ и потомка Омміадовъ для царствованія, и смѣлымъ партизанскимъ набѣгомъ едва-было не захватили Гренады. Эта послѣдняя борьба отчаянныхъ съ могуществомъ заключалась въ двойной партизанской войнѣ, производившейся среди Алпухарахскихъ горъ и на равнинахъ Андалузіи. Испанцы, раздѣленные на отряды, проникая въ горы, брали приступомъ укрѣпленныя мѣста; Алпухарахцы прятались за утесы, уходили въ пещеры; застигнутые въ этихъ убѣжищахъ разсыпались, чтобъ собраться въ другомъ мѣстѣ — и ежедневно находили способы, не подвергая себя опасности, разбивать, уничтожать непріятельскіе отряды, завлеченные въ засаду, и между-тѣмъ безпрерывно бросали партизановъ на Андалузскія равнины. Каждую ночь, кострами, зажженными на приморскихъ утесахъ, Алпухарахцы просили помощи у Африканскихъ соотечественниковъ; но Африканцы знали, что эти костры призываютъ въ сраженіе безъ добычь. Каждый день Алпухарахцы, толпясь на берегу Средиземнаго моря, смотрѣли въ ту сторону, гдѣ Стамбулъ; но къ нимъ на помощь не приплывали галеры съ широкими боками, низкими мачтами и мраморными ядрами — и вско-

рѣ голову послѣдняго калифа, запертую въ желѣзной клѣткѣ, Испанцы прибили къ воротамъ Гренады.

Просить помилованія Испанцы и времени не дали Маврамъ, въ изгнаніе толкаемымъ пиками воиновъ и палками черни, Маврамъ, вѣровавшимъ, что въ мірѣ нѣтъ земли плодоноснѣе Испанской, воздуха благовоннѣе Испанскаго, и что рай находится въ той части неба, которая лежитъ надъ Испанскимъ югомъ. Капитаны кораблей, чтобъ завладѣть имуществомъ изгнанниковъ, сбрасывали ихъ въ море. Береберы встрѣчали ихъ грабежемъ и цѣпями, какъ встрѣчаютъ Христіанъ, брошенныхъ бурею на Африканскій берегъ. Европейскія правительства не пускали ихъ въ свои пристани, какъ корабль съ зараженными чумой, обреченный скитаться по морямъ, пока ни однаго человѣка не останется на немъ. Изгнанники толпами возвращались въ Испанію, и поклявшись Аллой, что они отреклись отъ его пророка, просили работъ неволи подъ Испанскимъ небомъ, становились на колѣна предъ окнами Ватикана, и стихами корана, учащими милосердію, просили папу о заступленіи. Изъ милліона пятисотъ тысячъ Мавровъ только четвертая часть перенесла изгнаніе; остатки народа, погибшаго подъ ударами двойной ненависти — крови и вѣры — потерялись между варварскими племенами Африки; тщательно скрывая свое происхожденіе, разсѣялись по всѣмъ частямъ міра. Путешественникъ еще отличаетъ Мавра отъ Береберовъ, по его высокому челу, по его

большимъ глазамъ, всегда влажнымъ; и смотря, какъ Мавръ, безграмотный наслѣдникъ ученой славы калифатства, ставитъ свою палатку въ кочевьѣ Беребе-ровъ, путешественникъ думаетъ, что видитъ мореплавателя, потерявшаго путеводную звѣзду.

Не унизительно ли для народной гордости Испанцевъ, что путешественникъ пробѣгаетъ Эскуріалъ, лучшій памятникъ ихъ могущества, съ холоднымъ любопытствомъ, какъ холоденъ былъ король, построившій его, но приближается ко дворцу калифовъ съ чувствомъ Мавра, возвратившагося изъ изгнанія? Не унизительно ли для народной гордости Испанцевъ, что въ лучшей части ихъ королевства останавливаютъ путешественника одни памятники народа, побѣжденнаго Испанцами, ненавидимаго ими; заповѣди его вѣры, повѣсть его страстей, вырѣзанныя на мраморѣ колоннъ, на плитахъ колодцевъ, какъ на страницахъ изъ гранита вырѣзана полузасыпанная пескомъ исторія Египтянъ? По преданіямъ Испанскаго народа, Мавры были въ одно и тоже время воинами и волшебниками, совершали таинственные обряды надъ жабами и ящерицами, умерщвляли плѣнниковъ для того, чтобъ ихъ души поставить на стражу къ зарытымъ сокровищамъ, распоряжались фантастическими созданіями скальдовъ и трубадуровъ: львомъ съ орлиными крыльями, заложеннымъ въ колесницу, огромной жабой съ человѣческимъ лицомъ, приставленной къ гарему, и отъ которыхъ, вмѣстѣ съ Маврами, заступле-

ніе св. Іакова Компостельскаго избавило Испанію. Звуки ночнаго вѣтра, расходившагося между колоннами Алгамбы, суевѣрный Испанецъ принимаетъ за голоса Мавровъ, и прислушиваясь ждетъ, не промолвится ли хоть одинъ изъ нихъ о томъ, гдѣ зарыто его сокровище.

Н. Неѣдомскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ СОВРЕМЕННИКА.

Въ 1840 году *Современникъ* будетъ издаваться на прежнемъ основаніи нынѣшнею же Редакціею, которая такъ благосклонно поддерживается сотрудничествомъ опытныхъ и уважаемыхъ Публикою литераторовъ.

Прошло четыре года съ тѣхъ поръ, какъ явился въ первый разъ *Современникъ*, основанный великимъ Поэтомъ нашего вѣка. Редакція ни въ чемъ не отступила отъ направленія, даннаго журналу Пушкинымъ. Она неизмѣнно будетъ сохранять въ немъ этотъ характеръ, по которому Современникъ, удовлетворяя условіямъ *журнала*, удерживаетъ за собою достоинство *книги*.

Подписка на Современникъ принимается, какъ и въ прошедшіе годы во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, въ Газетной Экспедиціи С. П. бургскаго Почтамта, и у самаго издателя Дѣй. Ст. Сов. Петра Александровича Плетнева у Обухова моста въ домѣ Сухаревой.

Цѣна за годовое изданіе 25 р., а съ доставкою на домъ, или съ пересылкою въ другіе города 30 р. ассигнаціями.

ПОВѢСТИ.

ВОТЪ ЛЮБОВЬ!

Елисаветѣ Николаевнѣ Смирнитской.

Что̀ есть любовь? Много про нее и въ книгахъ пишутъ и разсказываютъ, да все, мнѣ кажется, не такъ. Послушать только молодчиковъ, что они разсказываютъ и про какую любовь говорятъ. Вотъ-такъ, лишь бы только! Поговорилъ съ дѣвушкою, уже и увѣряетъ, что любитъ ее, а очень часто не знаетъ, каково у дѣвушки сердце, какова душа. А безъ того не можно никого любить. Когда бъ же поговорилъ, такъ бы еще и сякъ и такъ; а то только замѣтилъ, что на головѣ у нея положены красивыя ленты, шолковая запа̀сочка (передникъ) и сама вся ловкенькая и приглянулась изо всѣхъ, вотъ и говоритъ, что полю-

билъ и убивается за нею.... А какъ еще у нея н
шеѣ нитокъ десять намиста, да три-четыре крест
серебренныхъ и между намистомъ привѣшены Голланд
скіе червонцы — явный признакъ, что она дочь бо
гатаго отца — такъ тутъ уже совсѣмъ умираетъ!..
Какъ же на другой день увидѣлъ — не то, чтоб
красивѣйшую — а только другую, уже любитъ эту
а про вчерашнюю и не вспоминаетъ!... Это ли лю
бовь?

Иной, да печего правды таить, таки-прямо скаж
и иная, слушая, что въ глаза его или ее хвалятъ
«какая славная дѣвушка! какая ловкая, проворная
или: «какой красивый молодецъ! какой статный
бойкій!» вотъ сердечко отъ похвалы заиграло, и п
кажется, что полюбилъ того, кто хвалитъ. А это он
или она, не кого любитъ, какъ себя, и думаетъ, чт
вотъ это правду такъ въ глаза и говорятъ; такъ эт
уже не любовь, а нѣчто въ родѣ благодарности, чт
меня хвалятъ, и чувствуется какое-то удовольствіе, сл
шая похвалы. Вотъ-же, божусь, что это не любов
а такъ, игрушка, забава, вѣтеръ. Вѣтромъ нанесл
вѣтромъ и выгонитъ.

И мало ли что людьми принимается за любов
У нихъ любовь и отъ черныхъ глазъ, отъ долг
косы, отъ румяныхъ щокъ, отъ нарядной плахты
отъ вышитыхъ рукавовъ, отъ танцовъ, проворства
да я же говорю, что и чрезъ намисто и чрезъ всяк

богатство, все у нихъ любовь! И тамъ говорятъ любовь, гдѣ ее и капельки нѣтъ.

Послушайте меня; я-таки пожилъ на свѣтѣ, видѣлъ въ свой вѣкъ много кое-чего, а кое-что и слыхалъ отъ стариковъ. Видѣлъ и добро и худо, разберу по немногу что черно, а что бѣло. Видѣлъ я, живши столько на свѣтѣ, всякую любовь, и какое отъ нихъ послѣдствіе, такъ могу прямо сказать: «вотъ любовь!»

Истинная любовь не присматривается, черные или каріе глаза, съ горбикомъ ли носъ, бѣлая ли шея, долгая ли коса; ей до этаго вовсе нѣтъ дѣла. Часто бываетъ, что одинъ другаго не очень и разсмотрѣли; не проговорили между собою ни словечка; не знаютъ, кто и откуда, а уже одинъ однаго знаетъ, одинъ однаго хоть гдѣ такъ узнаетъ, одинъ на другаго смотритъ, одинъ безъ другаго скучаетъ, и какъ бы могли, оба бросились бы одинъ къ другому, сцѣпилися руками и не разлучались бы ввѣкъ.

Когда такъ душа нашла другую, что какъ сестры-себѣ родныя, сердце съ сердцемъ сдружилось, то уже имъ и не можно розно жить, надобно имъ сойтись, надобно имъ, одному для другаго, утѣхою и отрадою быть. Такіе не долго станутъ медлить, скоро сойдутся, словно давнишніе пріятели, будто были когда-то вмѣстѣ, но разлучились, а теперь вновь

сошлись. Станутъ между собою говорить, мысль у нихъ одна, рѣчи знакомы, оба одинаково обо всемъ разсуждаютъ, оба обо всемъ одно знаютъ, однаго желаютъ, одно любятъ, однаго не хотятъ, однаго удаляются.

Такъ бываетъ между людьми, все равно, мужчины ли они, или мужчина съ дѣвушкою, или женщины между собою. Тутъ знаютъ себя только души, а до прочаго нѣтъ дѣла. Лишь бы они были вдвоемъ, то имъ ничтò не нужно: имъ и сквозь тучи солнце сіяетъ, имъ и подъ дождемъ сухо, на морозѣ тепло, въ пустынѣ весело. Молчатъ, а одинъ другаго мысль знаетъ; одному горе, другой точно также страждетъ; одному весело, другой забываетъ свою скуку. Одному нужно ниточку, другой радъ все имущество отдать ему; одинъ ищетъ получить чтò, другой хлопочетъ, ничего не жалѣетъ, все оставляетъ, лишь бы его успокоить. Одному придется слёзку пролить, другой всю кровь свою радъ отдать, чтобъ утѣшить его; однаго притѣсняютъ, обижаютъ, другой за него и на муку, и на смерть готовъ. Когда одному изъ нихъ приходится пострадать, вѣкъ жить въ бѣдѣ, другой, не думая долго, самъ кидается въ бѣду, лишь бы другу его было хорошо. «Пострадаю, говоритъ; если и не вытерплю, умру? нужды нѣтъ, но кого люблю, защищу отъ бѣды, избавлю отъ горя.»

Вотъ сама истинная любовь, хоть между мужчинами или и между женщинами. Нѣтъ моего ниче-

го, все пріятелево. Не для себя живу, для друга, какъ и онъ для меня.

А когда такая любовь родится между молодымъ мужчиною и дѣвушкою, и они соединятся бракомъ, такъ вотъ благодать Господня!... Живутъ какъ въ раю: не только ссоръ и споровъ нѣтъ между ними, но и мысли противной одинъ противъ другаго не имѣютъ; одинъ другому смотритъ въ глаза, какъ бы угодить, какъ бы развеселить....

Когда же такіе любящіеся видятъ, что имъ не возможно соединиться, иначе одинъ чрезъ другаго будетъ страдать, бѣды терпѣть; такъ онъ охотнѣе на всякое горе самъ пойдетъ, самъ вѣкъ счастья не узнаетъ, уѣдетъ, чтобъ и слуха о немъ не было, лишь бы друга избавить отъ бѣды, удалить всякое горе!...

Знаю, что вы скажете: «это между мужчинами такъ бываетъ; а у молодаго мужчины съ дѣвушкою совсѣмъ не такъ. Имъ лишь бы вмѣстѣ жить, то они не думаютъ ни о какой бѣдѣ. На все пойдутъ, лишь бы имъ не разлучаться. Хотя бы вѣкъ терпѣть горе, но жить вмѣстѣ....

Такъ, да не такъ поступаетъ самая истинная любовь. У ней нѣтъ своей воли, своего желанія, своего счастья. Она живетъ другимъ и для другаго.... Да вотъ, всего лучше, я вамъ разскажу самую су-

щую правду, что не далеко было, а въ нашемъ Харьковѣ. Правда, было это не теперь; не знаю, водится ли еще гдѣ истинная любовь? а это происходило въ старину, да именно было это. Можетъ, есть еще старые люди, что подтвердятъ мои слова.

Хорошъ городъ Харьковъ: обширный, веселый, что церквей Божьихъ, что господскихъ палатъ, что казенныхъ домовъ! Судебныя мѣста, школы всякія, и для мущинъ и для барышенъ; домъ владыки, почта, тюремный замокъ.... батюшки! какихъ-то домовъ въ немъ нѣтъ? Хорошіе, да огромные, да все каменные и крыши зеленою краскою выкрашены.... или колокольня середи города, какова? Когда хочешь ея верхъ увидѣть, то прежде крѣпко надвинь шапку на голову, да тогда и поднимай голову, ищи—гдѣ увидишь верхъ съ святымъ крестомъ; да и то смотри, что хоть шапка и не слетитъ, такъ самъ чтобъ не упалъ черезъ спину.... такая-то высокая наша колокольня! А сколько же въ Харьковѣ улицъ, такъ батюшки мои! Длинныя, прямыя, есть и вымощеныя; хоть въ самую великую грязь—не опасно, не увязнешь, хоть и слабые быки будутъ. Такъ вотъ такой-то нашъ городъ!... Я же говорю, что какъ бы всталъ кто-нибудь изъ дѣдовъ нашихъ, что лѣтъ семдесятъ какъ умеръ, такъ онъ и не узналъ бы, что это такое и есть; не нашелъ бы, гдѣ самый городъ, и гдѣ слободы, что при немъ были гораздо за городомъ, какъ-то: Дмитровка, Гончаровка, Панасовка и прочія—онѣ

бы удивился, увидѣвъ, что тѣ слободы стали въ самомъ городѣ. При немъ, вотъ только и города было, гдѣ соборъ, а противъ собора, гдѣ теперь суды и палаты, стоялъ домъ полковника Квитки, у коего, въ славномъ Полтавскомъ году, на праздникъ Вознесенія, обѣдалъ Царь Петръ. Лавокъ, и то деревянныхъ, было ли всего съ десятокъ, и наибогатѣйшій купецъ былъ Мóренко—и чего-то въ его лавкахъ не было! Былъ всякій товаръ купеческій, былъ и господскій и для женъ ихъ; было кое-что и для простаго народа. Полнымъ именемъ былъ купецъ. За лавками тотчасъ городской валъ и мимо сапожнаго ряду кругомъ къ Лопани. Въ этой небольшой крѣпости было трое воротъ: за лавками «Деркачевская башта,» въ теперешнемъ сапожномъ ряду «Протопопская,» а третья тотчасъ спустясь отъ университета. Вотъ и весь городъ; а вездѣ, гдѣ двориковъ нѣсколько, и церковь; вотъ какъ на Подолѣ у Троицы, за Харьковомъ, за Лóпанью. Тотчасъ за тою рѣкою, гдѣ теперь огромные и хорошіе домы, тамъ были озера, камышомъ поросшія, а туда далѣе вверхъ по рѣкѣ стоялъ тогда господскій домъ, большой и красивый по тогдашнему. То былъ домъ пана Дунина.... Гай, гай! Какая въ томъ домѣ жила праведная душа, пани Дунинова! старосвѣтская барыня! Какъ Богъ не далъ ей дѣточекъ, такъ она благодѣтельствовала чужимъ, да какимъ? Гдѣ прослышитъ самыхъ бѣднѣйшихъ сироточекъ, возьметъ, какъ родная мать заботится о нихъ, присматриваетъ, ласкаетъ, нѣжитъ, научитъ

всему; мальчиковъ, по возрастѣ, отдастъ въ службу —смотри, щеголяетъ офицеромъ; дѣвушекъ же отдастъ за мужъ и все за хорошихъ людей. А когда умирала, такъ имъ и деревни свои отказала.... Вотъ такая она была — царство ей небесное! Вотъ ея-то домъ былъ красою не только за Лопанью, но и на весь городъ. Недавно еще сняли его. Тамъ теперь новый базаръ.

А туда-туда подалѣе, къ холодной горѣ, слободы: Панасовка, Гончаровка, а потомъ и на бывшемъ тогда городскомъ кладбищѣ у церкви Димитрія начали селиться, и была Дмитровка.

Первый на Гончаровкѣ поселился — какъ разсказывала мнѣ очень древняя старушка; я-было къ ней захожу разспрашивать про старину, такъ говорила, что первый поселился какой-то Козьма гончаръ (горшечникъ); такъ вотъ отъ него, сынокъ (такъ она мнѣ говорила), и прозвалася Гончаровка. А у него было три сына женатыхъ и три невѣстки, да четыре дочери. Да что же то за дѣвки красивыя были! такъ и сказать не можно! Таки точнёхонько какъ картинки. А невѣстки, гдѣ-то ихъ отецъ подбиралъ! Таки вотъ какъ одна: чернобровыя, румяныя, бѣлолицыя, словно цвѣточки. Отъ нихъ-то, сынокъ, и пошла Гончаровка и дѣвки красивыя на славу. Не было ни въ самомъ городѣ, ни въ сёлахъ нигдѣ, ни между господами, ни между поповнами, такихъ вид-

ныхъ и красивыхъ дѣвокъ, какъ у насъ, на Гончаровкѣ. И бывало, когда какую дѣвку захотятъ похвалить, то и говорятъ: «какая красивая дѣвка, словно съ Гончаровки.»

«Вотъ же и я, сынокъ, сама съ Гончаровки — говоритъ-было старушка, и станетъ выправляться и губы облизывать, а уже было ей такъ-что лѣтъ девяносто — и я когда-то была дѣвка не послѣдняя по Гончаровкѣ. Теперь только такъ что-то, послѣ лихорадки ли или что, а то и за мною бѣгали офицеры, какъ еще стоялъ здѣсь графъ Панинъ и шелъ съ войскомъ отбивать Бендеры отъ Турокъ.»

Вотъ въ ту-то пору, какъ Панинъ стоялъ въ Харьковѣ, то въ самомъ городѣ не было достаточно квартиръ, и только помѣщены были необходимые чиновники, и то не изъ высшихъ: генералы не могли имѣть хорошихъ квартиръ, и Голенищевъ-Кутузовъ, отецъ прогнавшаго изъ Россіи Французовъ, квартировалъ на Основѣ, въ домѣ вдовы полковницы Квитки, въ двухъ верстахъ отъ города.

Пришла весна. Около дня Евдокіи (1-го марта) бугорки начали очищаться отъ снѣга, солнце стопяло его, и днемъ было тепло. Въ праздничные дни весь народъ изъ города выходилъ на Гончаровку. И какъ еще: сидѣльцы запрутъ лавки, приказные оставятъ свою губернскую канцелярію и коммисарство, порт-

ные, сапожники, свитники, студенты коллегіумскіе (семинаристы) съ своими инспекторами, а подъ часъ и важные ихъ учители; офицеры, и всякаго рода чиновники, и молодые, и среднихъ лѣтъ и постарѣе, всѣ, кучами идутъ.... куда-же? на Гончаровку. А за чѣмъ? Смотрѣть, какъ тамъ дѣвки играютъ въ хрещика, ворона, водятъ хороводъ, кривой танецъ и другія игры. Можетъ, гдѣ бы ближе имъ смотрѣть? Вездѣ же весна, вездѣ дѣвки играютъ; такъ нѣтъ, на Гончаровку, всѣ на Гончаровку! Нѣтъ нигдѣ такихъ дѣвокъ красивыхъ, проворныхъ, игривыхъ, веселыхъ, ловкихъ, какъ на Гончаровкѣ. На другихъ не хотятъ и смотрѣть, не хотятъ и затрогивать.

Вотъ уже и городъ какъ разселился, какаго народу въ немъ нѣтъ, а все Гончаровскія дѣвки въ славѣ.... а черезъ нихъ и Гончаровка всѣмъ извѣстна.... А сколько тамъ происходило разныхъ разностей! Не одинъ молодчикъ съ ума сходилъ отъ чорныхъ бровей какой-нибудь Наталки! Не одинъ франтикъ терялся отъ поволоку глазокъ Мелашки! Не одинъ отцовскій сынъ и все имущество свое отдалъ бы и въ работники пошелъ, лишь бы Тетьяна полюбила его! Такъ нѣтъ же, не на таковскихъ напали. Пожалуй: онѣ всѣ весёленькія, ласковыя, игривыя.... а чуть не такъ подумаешь съ нею обходиться, тотчасъ отворотилась, надулась, не смотритъ; не трогай ее, она тебя не знаетъ....

Я взросъ въ Харьковѣ, былъ молодъ, такъ какъ мнѣ не знать Гончаровки!

Ну-те, будемъ свое разсказывать. Хороши звѣздочки на небѣ, но вечерняя красивѣе всѣхъ. Пока она сіяетъ, только на нее одну смотришь, а до другихъ дѣла нѣтъ. Хороши цвѣточки въ садахъ, не наглядишься, не нарадуешься, смотря на нихъ; но какъ зацвѣтетъ пышная роза, такъ всѣхъ забудешь, все пройдешь безъ вниманія, а только на нее смотришь, одной ее желаешь. Такъ въ то время было на Гончаровкѣ: хороши, красивы, проворныя дѣвки играютъ въ разныя игры, хороводы водятъ, но одна между ними какъ полная роза между маковымъ цвѣтомъ, какъ вечерняя звѣздочка между всѣми звѣздами.... Чья жъ она такая?

Жилъ на Гончаровкѣ хозяинъ достаточный. Было у него и скота нѣсколько, была земля и лѣсъ. Тотъ хозяинъ самъ всѣмъ управлялъ, имѣлъ батраковъ и только и зналъ, что годъ отъ году все богатѣлъ. Его хаты были съ двумя трубами*: хата съ комнатою, черезъ сѣни, напротивъ, другая хата. А въ дворѣ у него, чего только не было! И сараи для скотины, и клѣвы, и анбары и погреба.... а что въ нихъ было? Не солгавши можно сказать, что у инаго господина и въ половину не было столько имущества, сколько было у этаго человѣка. Войдите же въ его хату, такъ

* Признакъ богатаго мужика.

тамъ-то было хорошо, да прехорошо! Въ почетномъ углу (на покутѣ), по всѣмъ стѣнамъ, все святыя иконы, и все хорошей работы, все Борисовскихъ иконописцовъ; большія и средственныя. Всѣ иконы украшены были разными цвѣтами: когда лѣтомъ, такъ настоящими, а зимою, дѣланными изъ цвѣтныхъ шпалеръ; предъ иконами, отъ потолка, на шелковинкахъ висѣли, сдѣланные также изъ шпалеръ, голуби; да какъ искусно были сдѣланы! настояще какъ живые. Кто-же-то ихъ такъ дѣлалъ? Ужъ не кто-же другой, какъ Галочка, дочь хозяйская.... Что-то за дѣвка была! Чего она не умѣла? Шить ли всякую работу, вышивать ли что, или какое-нибудь дѣло сдѣлать, все знала рѣшительно; и уже когда что сработаетъ, такъ точно, будто золотыми руками.

Алексѣй Таранецъ, этотъ хозяинъ, на бѣду свою похоронилъ жену еще въ молодости; и какъ у него осталась только одна дочечка, сироточка, эта Галочка, такъ онъ, жалѣя свое дитя, ни за что не хотѣлъ въ другой разъ жениться, потому-что какъ-бы ни была добра другая жена, а все для Галочки не будетъ родная мать, а мачиха: сиротѣ не будетъ отъ нее добра, да еще изъ-за своихъ дѣтей, хоть и не желая, иногда невольно обидитъ ее. Какъ же Галочкѣ было тогда не болѣе девяти лѣтъ, и уже видно было, что дитя будетъ добронравное, то онъ и придумалъ отдать ее для ученія къ монахинямъ, въ Хорошевскій монастырь, за 15 верстъ отъ Харькова. Тамъ пробыла

она до возраста и научилась всему доброму. Кромѣ того, что знала все приличное и нужное дѣвушкѣ, выучилась хорошо молиться Богу, стоять въ церкви со страхомъ, подавать бѣднымъ, отца почитать, старость уважать и со всякимъ обходиться учтиво и кому какъ пристойно отвѣчать. Какъ бы ея воля, научилась бы и грамотѣ, такъ тогда не въ обычаѣ было, чтобъ дѣвушка была грамотная; тогда и самыя важнѣйшія и богатѣйшія барышни не умѣли и не учились читать, потому-что это имъ не нужно было. И Алексѣй, отдавая Галочку къ монахинямъ, просилъ ихъ не учить ее грамотѣ. «Не дѣвичье дѣло — такъ онъ говорилъ — грамоту знать; есть для нихъ другія занятія. Лишь бы была богобоязлива, а то и я прочитаю ей изъ писанія.» Алексѣй умѣлъ читать.

Черезъ это Галочка и не выучилась читать. Однакоже, то украдкою, то у молодыхъ послушницъ разспрашивая, то прислушиваясь, кое-что переняла и кое-какое слово, легонькое, по складамъ сложить и по верхамъ сказать могла, и тѣмъ удивляла потомъ подругъ своихъ. Была очень разумна: что ни увидитъ, все переймετъ, и каждаго, кто у ней чего спроситъ, научитъ и разскажетъ. Въ разговорахъ была скромна: не очень-было поспѣшитъ съ словомъ; когда же что скажетъ, то все къ дѣлу, все умно и кстати.

Алексѣй, отецъ ея, такъ тотъ очень грамотенъ былъ; за дьячка хоть гдѣ могъ управиться. Имѣлъ

свою Четь-Минею, и все-было читаетъ ее. Любилъ, пригласивши дьячка, говорить съ нимъ изъ писанія; но какъ больше читалъ, нежели панъ дьякъ, то и зналъ больше, нежели онъ. А отъ того, часто какъ сойдутся, и говоривши много, и заспорятъ и долго продолжаютъ диспутъ то о Гогѣ и Магогѣ, то о Мельхиседекѣ, то объ Іовѣ; тотъ разумѣетъ одно, а другой отвѣчаетъ противное, и долго не ладятъ. Галочка, какъ услышитъ ихъ разгорячившихся, вмѣшается въ споръ ихъ и скажетъ по справедливости, не потворствуя и отцу. Тотъ хоть-бывало и разсердится, что дочь не по его мыслямъ говоритъ, но раздумавъ, скажетъ: «Правда твоя, Галочка! Что-то какъ бы ты мальчикомъ была, я бъ тебя дьячкомъ поставилъ!»

— Не мудрости требуется въ дьячковствѣ—прикашливая скажетъ дьячокъ: но паче потребна сладкогласная гортань и крѣпкое знаніе устава и всѣ напѣвы догматиковъ и подобныхъ.

«Да уже справились бы за васъ,» скажетъ, было, Алексѣй, да и попотчиваетъ дьячка; то онъ и усмирится.

Когда Алексѣй взялъ изъ монастыря свою Галочку, то духъ его не нарадовался, видя разумъ ея, и что научена всякому дѣлу нужному и хорошо хозяйничала въ домѣ. Часто благодарилъ себѣ, что не женился въ другой разъ. Не было бы — разсуждалъ,

онъ, такаго порядка въ хозяйствѣ; а можетъ быть, мачиха, какая бы случилась, загрызла бъ мою Галочку, утѣху мою, радость мою и счастье.»

Души не слышалъ Алексѣй, такъ любилъ свою дочечку и заботился для нея обо всемъ. Хотя она ничего для себя не желала, такъ отецъ все ей доставлялъ. Каждый разъ, что продастъ привезенный товаръ, пріобрѣтетъ что, то тутъ же и купитъ ей обновъ, чего только вздумать можно и что только есть лучшаго. Какія были у ней плахты, запаски и другія убранства! Много было такаго, что изъ самаго Шлёнска (Гданска) привезено. Намисто съ привѣшенными червонцами, серебренные кресты всякихъ величинъ, дукаты, медали золотыя, нитки дорогихъ янтарей.... да чего у нея не было? Хотя и сама очень тонко пряла, но и въ простой день другой рубашки не вздѣвала, какъ съ Ивановскаго полотна; а на головѣ, вмѣсто лентъ, каждый Божій день повязывала золотую сѣтку. Такъ отецъ приказывалъ ей, чтобъ она наряжалася. «Я для тебя—говоритъ—ничего не жалѣю, не жалѣй же и ты ничего. Благодареніе Богу, пріобрѣлъ довольно, не переносишь всего за весь свой вѣкъ. Одно сноспшь, десять поставлю. Пускай мое дитя всѣмъ будетъ видима.»

Три или четыре очень огромныхъ сундука, и всѣ на колесахъ, полнехоньки наложены были всякимъ добромъ, кромѣ постели и подушекъ, что ле-

жали въ кладовыхъ, ожидая своего часа.... а часъ все не приходилъ.

Сколько-то перебывало и старостъ по обряду, и такъ присланныхъ людей для переговору, чтобъ высватать Галочку! Каждый день, женихи, одинъ за другимъ, являлися. Ганчаровскіе парубки, видя разъ— и десять разовъ, что не то, перестали и думать получить ее. Пробовали счастія и городскіе и деревенскіе; и изъ какихъ-то селъ не было! со всѣхъ мѣстъ, даже изъ Водолаги, и туда слухъ про Галочку прошелъ, со всѣхъ мѣстъ присылали сватовъ. А какіе хорошіе люди были! Про свитниковъ и говорить не будемъ, ни про сапожниковъ; на ихъ предложенія Галочка только-было улыбнется, да губкою мигнетъ—такъ такіе женихи почешутъ затылокъ, и уйдутъ не оглядываясь. Такая же честь была и хлѣбопашцамъ, хотя бы и одинъ онъ сынъ былъ у отца; она не очень на нихъ смотрѣла. Пробовали мѣщане и купцы; являлись поповичи, такъ и попадьею не хотѣла быть. Да что говорить: пріѣзжали и такіе, что, кромѣ всякаго во всемъ достатка, имѣли свои винокурни и выгодно сбывали горѣлку, такъ и такимъ Галочка-было поблагодаритъ за ихъ безпокойство и скажетъ привѣтливо: «Что же мнѣ, люди честные, дѣлать, когда ваши женихи мнѣ не по натурѣ.»

Отецъ только и зналъ, что встрѣчалъ и провожалъ сватовъ; и отъ него всѣмъ былъ одинъ отвѣтъ:

«Какъ дочь захочетъ. Я не принуждаю ее; отдалъ ей на волю.» И точно такъ было; онъ сказалъ ей прежде всего: «За кого моя доня пожелаетъ, тотъ и мой зять будетъ—хотя бы за самаго бѣднѣйшаго, лишь бы тебѣ былъ любезенъ. Хвалю Бога: имущества и всякаго добра у тебя столько, что и на десять вѣкъ станетъ, лишь бы жилось. Выбирай сама, кто тебѣ по сердцу, и скажи мнѣ: придется ли тебя на сторону отдать или зятя къ себѣ принять, мнѣ все равно, я вездѣ за тобой пойду.»

Вотъ потому-то Галочка и не шла ни за кого, что никто не приходилъ ей по сердцу, ожидала своего. А ожидая, не унывала; потому-что знала, что когда-нибудь встрѣтится же ей такой, кого она изберетъ. А до того времени гуляла съ подружками какъ птичка въ воздухѣ, была весела какъ майскій день, игрива какъ вѣтерокъ между цвѣточками, ко всякому привѣтлива какъ красная весна, вѣжлива со всѣми какъ барышня, а работящая какъ пчелка; и какъ та работаетъ все медъ, такъ и у Галочки всякая работа была на пользу и на выгоду. Чрезъ всю недѣлю, въ будни, никто ее не увидитъ нигдѣ, и даже съ подругами-дѣвками или съ молодцами она не видалась: все за работою, да по хозяйству; цѣлый день рукъ не покладывала. Не видно было ее ни на улицѣ, какъ обыкновенно дѣвки по вечерамъ собираются, да пѣсни поютъ, и на вечерницы никогда не ходила; а вотъ уже на игрищахъ, лѣтомъ на купала, весною,

въ великій постъ въ хороводѣ, въ ворона, въ хре-
щика, тутъ она рада была играть съ подругами и
говорила: «Это днемъ и при всѣхъ людяхъ. Всѣ ви-
дятъ, что я дѣлаю, какъ играю, и никто обо мнѣ
ничего не подумаетъ.»

Такъ потому-то весь Харьковскій міръ, съ полу-
дня, въ праздничные дни собирался на Гончаровку,
потому-что тутъ всякій навѣрное надѣялся увидѣть
ее, и кромѣ того нигдѣ нельзя было встрѣтить ее.
И сколько-то соберется народа на Гончаровской улицѣ.
Молодые панычи особо кучею ходятъ и выбираютъ,
что когда Галочка поведетъ *кривой танецъ*, такъ
чтобъ прошла мимо ихъ; хоть бы имъ посмотрѣть
на Галочку, и того довольно для нихъ. Купцы забы-
ли свои лавки, и вмѣсто того, чтобъ расчитывать
какіе, на чемъ и сколько барышей взять, знай смо-
трятъ на Галочку и расчитываютъ, какъ бы эт
такъ, чтобы она пріятно и весело гляпула на нихъ.
А тамъ приказные, что и сами охотники съ другихъ
денежки лупить, а тутъ они бы что-нибудь дали з
то, чтобъ хоть постоять подлѣ Галочки. А уже пр
сапожниковъ, портныхъ и про другихъ парубковъ
говорить нечего: стоятъ поодаль и только облизы-
ваются. Да не только что тѣ, и риторы и философы
кучею прибредутъ съ своими инспекторами, что уж
ходятъ въ долгополыхъ халатахъ и съ заплетенымъ
косами; такой стоитъ, да только чмокаетъ, поглядѣ
вая на такую дѣвушку.... О что-бъ-то онъ дѣлалъ

И хочется-то ему занять ее, но не смѣетъ и стыдится. Вотъ и научаетъ другаго, подлѣ себя стоящаго, и говоритъ: «домине Кутіевскій! какъ будетъ Галочка бѣжать мимо меня, то пихните меня къ ней, будто я нечаянно затрогалъ ее.» Такъ чтожъ? домине Кутіевскій пихнетъ, домине Брюхановскій покатится, зацѣпитъ Галочку, а та проворно увернется, какъ муха отлетитъ; то тутъ домине и *«плюхентусъ въ грязентусъ и замаретъ свою мордентусъ.* Это будто бъ полатыни, какъ они незнающихъ обманываютъ. Не поженихался нимало, а только насмѣшилъ собою другихъ. О чтобъ васъ съ учеными! Они ничего путемъ не сдѣлаютъ.

Да когда правду сказать, такъ сколько тамъ ни было всякаго парода, такъ никто не обратилъ на себя Галочкинаго вниманія—хоть бы кто изъ купцовъ, мѣщанъ, со всякихъ панычей, да хоть бы и изъ самыхъ офицеровъ, что и сами по себѣ бойки: ты ему слово, а онъ десять отпуститъ. Лишь только выйдетъ Галочка на площадь, гдѣ у нихъ игры, окинула глазами всѣхъ собравшихся, уже она и знаетъ, какъ и пробѣжать мимо ихъ, чтобъ не дать на себя и насмотрѣться. Только добѣгаетъ до какой кучи, гдѣ она знаетъ, что на нее пристальнѣе смотрятъ, тутъ она опуститъ въ землю глаза.... а что за глаза были! какъ есть спѣлый тернъ-ягодка; да такъ вездѣ и бѣгаютъ, даже сіяютъ; и не ѣлъ бы и не пилъ ничего, все бы въ нихъ смотрѣлъ; потому-что,

смотря въ нихъ, такъ хорошо, такъ весело, что не только разсказать не можно, но и самъ себя не помнишь отъ какой-то радости. Всматривайся же въ эти глаза, такъ она тотчасъ и опуститъ свои чорныя, длинныя рѣсницы, и сквозь нихъ глазки ея, словно звѣздочки, такъ и блестятъ. И то румяная, а то еще покраснѣетъ, какъ прилично скромной дѣвушкѣ, изъ уваженія къ тому, передъ кѣмъ стоитъ или съ кѣмъ говоритъ, такъ-такъ хороша, такая красивая, что и разсказать не можно. Когда видѣлъ кто, какъ иногда зимою заря погоритъ, да краснѣетъ, что даже на снѣгу отдаетъ; вотъ такая станетъ и Галочка, и лишь добѣгаетъ до такаго, что уже знаетъ, что хоть словомъ затрогаетъ ее, какъ разъ тутъ и отворотилась спросить о чемъ-нибудь подружку. Такъ тутъ опять бѣда! Хоть не увидишь красиваго лица ея, такъ увидишь бѣленькую ея шею, которая отъ чорныхъ бархатокъ, что дукаты привѣшены, еще красивѣе кажетъ.... такъ бы и бросился цаловать такую прелестную щейку!...

Затрогай же ее словомъ, спроси о чемъ-нибудь. Тотчасъ глянетъ изъ-подъ своихъ рѣсницъ, уже и догадалася, съ какими мыслями спрашиваютъ ее, то и отвѣтъ сходный дастъ. Когда почтенный, важный человѣкъ спрашиваетъ ее о дѣлѣ, она тотчасъ, поклонясь, скажетъ, что должно, да тихо, скромно, пріятно, словно чижикъ пропоетъ; да учтиво, да такъ разумно, что иной и грамотный такъ не сложитъ. Пу-

скай же кто съ дурною мыслію да спроситъ ее хоть о чемъ-нибудь; такъ тутъ она взглянетъ на него словно королевна; и не говоря ничего, и только губку приподнявши къ верху, какъ будто улыбнется, то спрашивавшій и остался какъ обвареный: покраснѣетъ отъ стыда какъ ракъ, и не зная, куда глядѣть, станетъ прятаться за людей, чтобы его уже и не видѣли.

Такая-то была Галочка Таранцивна, на славу, не только Гончаровкѣ, но и всему Харькову краса. Слава о ней далеко шла, и пѣсни на нее были сложены, коими выхвалялась и красота, и разумъ, и поведеніе ея. Спросите на Гончаровкѣ; тамъ еще помнятъ, какъ разсказывали старые люди про нее и какая постигла ее судьба.

Уже было ей лѣтъ около двадцати... да, навѣрное. Съ сотню передавала она женихамъ тыквъ, въ отказъ на сватовство ихъ; но все еще не выбрала себѣ парня... Вотъ пришелъ же и ея часъ!...

Галочкинъ отецъ, когда дѣвки и Галочка его играютъ на улицѣ, и всѣ пришедшіе смотрятъ на нихъ, онъ, бывало, выйдетъ и сядетъ съ кѣмъ-либо изъ пріятелей на колодѣ, тутъ же подъ плетнемъ лежащей, и разговариваютъ, о чемъ имъ на мысль придетъ.

Въ одинъ день такъ онъ сидѣлъ задумавшись; какъ вотъ—офицеръ идетъ и прямо къ нему, да и сѣлъ близъ самаго Алексѣя. Тотъ, какъ прилично, тотчасъ всталъ, поклонился учтиво и хотѣлъ отойти подалѣе, потому-что не прилично было мужику ровняться съ благороднымъ человѣкомъ; но офицеръ удержалъ его за руку и сказалъ просто: «куда ты, человѣкъ-добрый, встаешь! сиди.»

— О нѣтъ; — опять поклонясь сказалъ Алексѣй: — намъ не прилично ровняться съ вами; мы и постоимъ...

«Вотъ-такъ еще! Такъ это я согналъ тебя? Я этаго вовсе не хочу. Садись же, сдѣлай милость; а то и я встану и пойду отсюда. Чего тебѣ церемониться? Развѣ не все равно? И ты человѣкъ, и я человѣкъ, всѣ мы Божіе созданіе....»

— Какъ это можно? Вы-таки ваше благородіе, а я....

«Я офицеръ передъ солдатами на ученьѣ, а ты здѣсь хозяинъ, и лѣтами старѣе меня. Садись же, садись.» Да говоря такъ и притянулъ къ себѣ Алексѣя, и хотя насильно, но посадилъ его при всѣхъ, на той же колодѣ, и также близко себя; тутъ и началъ съ Алексѣемъ пріятельски разговаривать.

Сперва Алексѣй мѣшался: не смѣлъ съ такимъ лицомъ свободно говорить; но далѣе-далѣе, видя, что офицеръ очень снисходителенъ, и хотя молодъ, но разумныя рѣчи ведетъ, осмѣлился и сталъ, словно съ равнымъ себѣ, говорить свободно. Офицеръ разспрашивалъ его, гдѣ живетъ, чѣмъ промышляетъ и потомъ много разсказывалъ ему своего.

Алексѣю такъ понравился офицеръ, что только бы и слушалъ его разумныя слова. Когда же офицеръ всталъ, чтобъ итти домой, потому-что народъ началъ уже расходиться, то Алексѣй даже не вытерпѣлъ и сказалъ: «Будьте ласковы, ваше благородіе, приходите сюда и въ то воскресенье. Я что-то васъ очень полюбилъ и все-бы васъ слушалъ. Пожалуйте приходите....»

«Приду, человѣкъ-добрый, непремѣнно приду. Видишь, весь городъ сходится смотрѣть на вашу Галочку, такъ и я за людьми пришелъ, хотѣлъ увидѣть ее, да какъ заговорился съ тобою, а ее и не примѣтилъ.»

Алексѣй усмѣхнулся и не сказалъ, что ему Галочка. А офицеръ, уходя, еще примолвилъ: «Будь-же, пріятель, на этомъ мѣстѣ и сиди на этой колодѣ, чтобы я тебя тотчасъ отыскалъ. Мнѣ съ тобою весело было. Прощай!»

— Идите здоровы, ваше благородіе! поклонив-
шись, сказалъ Алексѣй, и долго еще, смотря вслѣдъ
за офицеромъ, думалъ: «Что за разумное дитя! мо-
лодъ человѣкъ, но какой пріятный. Я бы съ нимъ
вѣкъ жилъ». И съ тѣмъ пошелъ домой.

Вскорѣ за нимъ пришла и Галочка; и раздѣлась
ли, прибрала ли все свое, или и не успѣла, а тутъ
же и спрашиваетъ:

«Что это за панъ такой сидѣлъ съ вами, панъ-
отче?»

— Это такой панъ, доня, что благодать Госпо-
дня! Я никого не видѣлъ простѣе, какъ онъ. Не
гордый; таки-самъ, своими руками, взялъ и посадилъ
меня подлѣ себя. И что-то за преумные разговоры
говорилъ! По вѣкъ того не забуду. Обѣщался и въ
будущее воскресенье вытти ко мнѣ. Говоритъ, что
ему со мною будто бы весело было.»

Кажется такъ, что Галочка, услышавши, что
этотъ офицеръ въ то воскресенье придетъ, какъ буд-
то немного покраснѣла, такъ, на одну минуточку,
а потомъ и сказала: «Видно, что все разумное гово-
рилъ, потому-что на насъ и не смотрѣлъ; и хотя я
два раза проводила «кривой танецъ» подлѣ самихъ
васъ, да онъ и не взглянулъ ни разу.»

«Ему не до васъ было. Онъ мнѣ въ ту пору разсказывалъ, что не солнце ходитъ, а земля обходитъ вокругъ его.»

— Вотъ что! удивляясь сказала Галочка.

«Э! такія ли онъ премудрости разсказывалъ? Вотъ кабы ты послушала его.»

Галочка—кто ее знаетъ—устала ли она играя съ подругами, или что́, а уже во весь вечеръ не такая веселенькая была, какъ всегда. Все больше молчала. А какъ легла спать, то вздохнула и подумала: «отъ чего это паны красивѣе, нежели простой народъ?...»

Какъ это было около «теплаго Алексѣя» т. е. 17 марта, такъ утро было прелестное: солнышко сіяло и согрѣвало весь міръ; березки начинали распускаться, травка зеленѣла и въ саду Алескѣевомъ пролѣски (подснѣжники) цвѣли.... такъ было хорошо, такъ хорошо, что духъ радовался. Галочка встала веселенькая, румяная и, казалось, была еще красивѣе. Управясь по хозяйству, и садясь за работу, сосчитала, сколько дней остается къ тому воскресенью?.... Это конечно съ тѣмъ, что успѣетъ ли окончить свою работу... однако, считая дни, какъ сказала: «субботонька, а тамъ и недѣ.... такъ опять что-то зарумянилась немножко и, какъ будто, улыбнулась, махнула ручкою и скорѣе сѣла за работу....

«Таточка-голубчикъ! — спросила Галочка отца, какъ онъ, управивши работниковъ, вошелъ къ ней: «Я все думаю и не могу надивиться. Какъ-таки можно, что будто солнце стоитъ, а земля ходитъ? Это, я думаю, панскія выдумки. — Нѣтъ, доня, совсѣмъ не выдумки; оно такъ и есть. Вотъ какъ мнѣ вчера офицеръ разсказывалъ....

Тута Галочкѣ что-то очень весело стало на сердцѣ.... вѣрно она обрадовалась тому, что услышитъ, какъ все идетъ въ свѣтѣ?... Можетъ.

Отецъ ей много разсказывалъ, что слышалъ отъ офицера, и кончилъ тѣмъ, что разумнѣе человѣка онъ еще и не видѣлъ. Галочка же только и сказала ему въ отвѣтъ: «эге!» — а то все внимательно слушала и каждое слово запримѣтила... жалѣла только, что некому ей разсказать всего того, что офицеръ говорилъ отцу.

Въ среду Галочка вздохнула и подумала: какъ эта недѣля долго идетъ! Сколько уже дней, а еще все только середа; до воскресенья еще.... И опять она закраснѣлась.

Въ субботу Алексѣй поспѣшно вошелъ въ хату и говоритъ: «Знаешь, Галочка, что я надумалъ? офицеръ совсѣмъ не пышный и вовсе не гордый. Завтра зазову его къ намъ полдничать.»

Галочка такъ и оторопѣла! Думаетъ.... и не знаетъ что.... проговорить, и не помнитъ себя....

Опять отецъ спросилъ ее: «хорошо ли это будетъ? какъ ты думаешь?»

«Оно-бы-то пожалуй, хорошо, — едва проговорила Галочка. «Такъ смотрите же того, пойдетъ ли онъ къ намъ къ простымъ мужикамъ?

«О! я знаю, что пойдетъ, сказалъ Алексѣй.» Когда даже посадилъ меня возлѣ себя и говорилъ преласково, такъ такой не откажется отъ усердной хлѣба-соли. Да и чтожъ? Соберемся, приготовимся; а не придетъ, какъ хочетъ.»

— А что же мы ему приготовимъ? У насъ панскаго ничего нѣтъ, да и не знаемъ, что для нихъ и надобно.

«Глупа ты, душка! Развѣ не одинакову хлѣбъ-соль Богъ даетъ, что пану, что всякому человѣку? Чего тутъ разбирать? что есть, то и подадимъ. Мы не паны; и онъ знаетъ, что у насъ панскаго ничего нѣтъ. Да не безпокойся ни очемъ, я поставлю все. Ты пойдешь-себѣ не улицу играть, а я покличу Домаху, та была у попа работницею и знаетъ кое-что, какъ сготовить и сварить на панскій вкусъ. Не безпокойся ни очемъ.»

Какъ же Галочкѣ, бывши хозяйкою, да не безпокоиться? Работу свою прибрала, говоря: уже не къ чему начинать вышивать цвѣтки; уже субботонька. Я лучше надѣлаю цвѣтовъ съ шпалеръ, да уберу святыя иконы. Вотъ и голуби уже стары, надо новенькихъ надѣлать... да и печь, видишь, какъ осыпалась.»

Вотъ и покликала тотчасъ работницу и велѣла печь вновь оправить вездѣ. Печь же была изъ зеленыхъ, Водолажскихъ кафлей, да на спаяхъ красною глиною смазана: «такъ-такъ было хорошо, что не то что.»

Работница печь оправляетъ; работникъ землею полъ, гдѣ выбито, ровняетъ; а Галочка вяжетъ изъ шпалеръ цвѣтки; да какихъ умѣла, какихъ знала, самыхъ лучшихъ надѣлала и вновь сдѣланныхъ голубковъ привѣсила... а сама все мыслями безпокоится: «когда бы же хорошей рыбки приготовили!... Кто-то у нихъ будетъ покупать? Что-то какъ бы мнѣ воля: хоть и далеко въ городъ, я сама пошла бы на базаръ и купила бы такой, какой бы знала... чтобъ нестыдно было!...»

Вотъ, въ воскресенье, пообѣдали ли на скорую руку или нѣтъ, тотчасъ Галочка вымела «великую хату» повѣсила на колышкѣ чистый рушникъ—долгій, да предолгій, да искусно вышитый всякими

узорами. Накурила ладономъ крѣпко и заперла хату, чтобы невыдыхалося пока... въ комнатѣ стала наряжаться... и какъ-то убралась! Хорошо, да прехорошо! Дорогаго ничего не надѣвала, такъ, лучше только отъ простенькаго; да какъ же это все на ней было мило, прилично, красиво, словно какъ картинка...—Пора ли не пора собираться, она уже и выбѣгла... бѣжитъ улицею и къ землѣ не дотрогивается, словно пухъ вѣткомъ двигается... На душѣ же ея что-то ей невесело! Добѣжала... и дѣвушекъ нѣтъ на мѣстѣ еще ни одной!... Глядь!... и на колодѣ не сидитъ... да, отецъ... онъ еще не вышелъ. Кромѣ только что съ десятокъ кое-какихъ приплелось и въ сторонѣ ожидаютъ сбора дѣвокъ.

Что дѣлать Галочкѣ? Куда ей дѣваться? «Ахъ, какія лѣнивыя эти дѣвки!» думаетъ-себѣ сердясь Галочка, надувши губки и вертя въ рукахъ рушничокъ, который взяла, чтобъ подпоясаться при играхъ. «Или онѣ спятъ или что? Вотъ и до сей поры не выходятъ, а тамъ, смотри, и вечеръ, а тамъ и постъ пройдетъ. Когда же мы наиграемся? Побѣгу собирать ихъ.»

Бросилась въ первую хату.... тамъ еще обѣдаютъ. Сердится наша Галочка, выговариваетъ, торопитъ подругъ, говоря, что уже нерано, солнце на закатѣ, скоро вечеръ. Кидается въ другія хаты, тамъ еще и не думали собираться, только наряжаются.... Командуетъ наша Галочка надъ дѣвками, выгоняетъ

ихъ, словно на барщину.... а дѣвки смѣются, и говорятъ: «что это сдѣлалось съ Галочкою? То-бывало мы собравшись, ожидаемъ-ожидаемъ ее, пока-то она выйдетъ; а теперь она прежде всѣхъ поспѣшаетъ. Еще только полдень, а она говоритъ, что уже скоро вечеръ. О чтобы тебя!»

Кое-какъ собралися. Прежде было, что игры начинаютъ «ворономъ» а потомъ уже съ пѣснями пойдутъ; такъ Галочка теперь переиначила и говоритъ: «нѣтъ; начнемъ кострубо̀нька....» Мы однако жъ понимаемъ ея мысль: когда играть въ «кострубо̀нька» такъ надо пѣсни громко пѣть, а потомъ, когда, по игрѣ, умретъ кострубо̀нько, такъ при громкой пѣснѣ надо плескать въ ладони; вотъ эхо отъ пѣсень и отъ плесканія пойдетъ.... услышитъ.... и выйдетъ.... отецъ ея.... ей до другихъ дѣла нѣтъ. Такъ разчисляла Галочка.

Вотъ и начали играть у «кострубо̀нька,» раздались пѣсни, привалилъ народъ отовсюду. Играя Галочка видитъ, что уже и отецъ ея вышелъ, сѣлъ на колодѣ, какъ глядь!... даже разсердилась. «Чего этотъ Тимоха сѣлъ подлѣ моего панъ-отца?... Умѣетъ ли онъ занять его своими разговорами?...» Какъ вотъ.... и Галочка потупила глазки въ землю, вышла изъ круга играющихъ, чтобы только поправить рушничокъ, коимъ подпоясана.... не ловко завязанъ что-ли.... а сама въ сторону все смотритъ, куда офи-

церъ идетъ?... а онъ все идетъ, да къ колодѣ.... Вотъ видитъ она, что Алексѣй и Тимоха встали, кланяются.... вотъ же Тимоха учтиво сдѣлалъ, что отошелъ отъ нихъ и не сѣлъ съ ними. А офицеръ съ Алексѣемъ сѣли двое и разговариваютъ попрежнему. Галочкѣ стало веселѣе отъ того.... что отцу ея не будетъ скучно, есть съ кѣмъ говорить.... Тутъ она тотчасъ и закомандовала: «А нуте въ хрещика» (тоже что и горѣлки).

«Подожди же, Галочка, закричали ей дѣвки: еще не кончили одной игры, а она уже въ хрещика хочетъ.»

Атаманъ-Галочка не слушаетъ ихъ: разорвала кругъ, спаровала всѣхъ, назначила гробовъ (кому горѣть).... полетѣли дѣвушки словно птички.... Эге! да Галочку и тутъ знать: она не бѣжитъ, а словно рыбка быстро плыветъ и ручками не болтаетъ, а только выгинается какъ молоденькое деревцо, что вѣтерокъ колышетъ.... Поймай же ее? куда! Развѣ муха за нею слетитъ!...

«Да куда же ты, Галочка, все бѣжишь? кричали на нее тѣ дѣвки, что ловили: все къ колодѣ бѣжитъ. Развѣ не видишь, какая передъ тѣмъ мѣстомъ лужа? Хорошо тебѣ, что ты такая легонькая, что и перепрыгнешь черезъ лужу, а мы не можемъ, да такъ въ нее и бухнемъ. Видишь, какъ мы забрёхались?»

— Это я, подружки, за тѣмъ туда бѣгу, что туда какъ-то легче бѣжать, подъ гору, что ли.» Такъ изворачивалась хитрая Галочка. Туда вовсе не подъ-гору было, а еще немного на горку и впереди лужа. Но ей нужды мало: она черезъ эту лужу какъ мысль перелетитъ, лишь бы ближе подбѣжать къ колодѣ.... тамъ сидитъ.... ея отецъ.... а съ отцемъ.... ну—и офицеръ.... «да какой же красивой! молоденькій, чернобровый, глаза какъ жаръ, лицемъ румяный, лицемъ бѣлый... уже видно, что панскаго рода.... да какъ принарядился!...» Такъ думала Галочка, всякій разъ добѣгая къ колодѣ.... и что она ни дѣлала, офицеръ не взглянулъ ни разу ни на нее, ни на прочихъ дѣвокъ.

Не до пѣсень и не до игръ было ему. Онъ этими пустяками не очень занимался. Его и дѣвки не занимали. Не за тѣмъ онъ приходилъ, а лишь бы прогуляться и побесѣдовать съ Алексѣемъ, котораго точно полюбилъ. Онъ былъ такой человѣкъ, что, взявшись за какое дѣло, не займется ничѣмъ другимъ, пока не окончитъ его. Теперь, сошедшись съ пріятелемъ своимъ, Алексѣемъ, сталъ ему разсказывать про все, что дѣлалось и происходило въ нашемъ государствѣ: какъ Татары владычествовали нами, владычествовали надъ всѣмъ и сдирали съ народа послѣднее, кто что имѣлъ; какъ потомъ наши свергли это иго, и какъ какой царь послѣ какаго царствовалъ, и какъ Императоръ Петръ по всѣмъ частямъ

государства далъ наилучшій порядокъ.... все-все разсказывалъ съ великою охотою и не смотря ни на что вокругъ него происходящее, потому-что видѣлъ человѣка бесѣдующаго съ нимъ, понимающаго все, разумнаго, и чѣмъ больше слушающаго, тѣмъ болѣе желающаго знать. Алексѣю такъ все нравилось, что онъ и не отошелъ бы отъ него; но видя, что уже не такъ рано, сталъ убѣдительно просить офицера пожаловать къ нему, откушать хлѣба-соли.

«Пойду, мой любезный! сказалъ офицеръ вставая; съ великимъ удовольствіемъ пойду, потому-что вижу, что и ты меня полюбилъ, какъ я тебя. Только съ уговоромъ: чтобы ни ты, ни жена твоя и никто изъ семьи твоей не величали меня паномъ, и чтобъ не убыточились ничѣмъ на угощеніе меня. Что вы кушаете, то и я буду; все Божій даръ.»

— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады угостить васъ, такаго добраго и милаго пана. Не положите только гнѣва за нашу простоту. Какъ же васъ не величать, когда вы есть ваше благородіе?

«Начто это? говорю тебѣ не нужно. Зовите меня просто: «Семенъ Ивановичь.»

Такъ разговаривая дошли до двора, и Алексѣй ввелъ своего гостя въ «великую хату»....

А Галочка бѣгала-бѣгала въ хрещика, какъ — глядь—на колоду.... «нѣтъ ни панъ-отца, нѣтъ и офи цера; вѣрно уже пошли къ намъ.» Подумала и при смирѣла. И ноги у нея болятъ, и утомилася уже она и не сможетъ болѣе играть.... «пойду, говоритъ, до мой....»

«Куда ты идешь? крикнули на нее дѣвки: толь ко лишь еще разыгрались, а ты уже и уходишь Станемъ еще водить «кривой танецъ». Веди, Галя Кромѣ тебя никто такъ не выведетъ.»

—Какъ себѣ-хотите, мои подруженьки; а я пра вду вамъ говорю, что нужно мнѣ домой итти. Таки мнѣ что-то.... съ глазъ.... что-ли....» И пошла Га лочка домой, да прежде тихо, а какъ отошла пода лѣе отъ дѣвокъ, такъ пустилась какъ стрѣла и ми гомъ добѣжала до дому.

Вошедши въ противную хату, хотѣла принар диться; такъ и руки и ноги трясутся, и не знаетъ, что взяться. Сякъ-такъ, нечего дѣлать, хочется пой ти въ комнату, да послушать, какъ офицеръ станет разговаривать съ отцомъ и что будетъ разсказывать... хочетъ итти, да что-то и остановится, и не смѣетъ и боится.... потомъ, схвативши, что подъ руки пош ло, будто нужное, понесла....

Какъ только вступила въ великую хату, низко, какъ слѣдуетъ учтиво, поклонилася гостю, и только-что хотѣла пройти въ комнату, какъ отецъ и остановилъ ее, спросивъ: «Ты уже, Галочка, и воротилась? Отъ чего это такъ рано?

Галочка, хоть и въ простомъ состояніи, но какъ была дѣвушка, то, еще кланяясь, замѣтила, что офицеръ, разсказывая свое, замолчалъ, увидѣвъ ее, и поднятая къ верху рука такъ и осталась, и самъ такъ пристально и быстро смотритъ на нее, словно съѣсть ее хочетъ; отъ этаго она еще и болѣе смѣшалась.... убѣжала бы скорѣе въ комнату и спряталась бы тамъ; такъ отецъ спрашиваетъ ее объ чемъ-то, а о чемъ, она въ замѣшательствѣ и не разслушала. И такъ онъ въ другой разъ спросилъ ее. Она же, стоя передъ нимъ, смущенная, покраснѣвшая, какъ настоящая калина, и насилу собравшись съ духомъ, сказала:

«Да.... тамъ.... дождь.... побѣжалъ.... такъ.... онѣ и поѣхали...»

— Хорошо, когда при такомъ ясномъ солнцѣ дождь побѣжалъ. Бѣги же и ты, куда хочешь. Такъ сказалъ Алексѣй, усмѣхаясь, видя, что Галочка и словъ не найдетъ къ отвѣту.

Еще не успѣлъ отецъ и договорить, какъ Галочка уже, какъ стрѣла, влетѣла въ комнату.

«Это моя дочь, Семенъ Ивановичь! сказалъ Алексѣй. Не положите на нее гнѣва, что она такъ оробѣла при васъ и не съумѣла порядочно отвѣчать.»

Тутъ Галочка приложила къ двери свое ушко, и удерживала свое дыханіе, чтобъ не проронить ни однаго слова, что будетъ говорить о ней офицеръ.

А Семенъ Ивановичь, удивясь, спросилъ: «такъ твоя дочь Галочка?»

— Моя, Семенъ Ивановичь.

«Теперь вижу, что тебя Богъ благословилъ. Я много о ней хорошаго слышалъ. Вездѣ ее хвалятъ очень. Видѣлъ ее раза два въ играхъ, показалась мнѣ красивою; а теперь, какъ увидѣлъ вблизи, такъ она, мѣры нѣтъ, какъ красива. А что у нея лучше всего— такъ это глаза. Знаешъ ли, Алексѣй? по глазамъ можно узнать все, даже видѣть, какова душа. Истинно ты счастливый отецъ, имѣя такую дочь добрую, какъ видно умную, да еще и пригожую. Я отъ роду не видалъ такой красивой.»

Каково же было Галочкѣ, слушая все это?

«Это я вижу, Семенъ Ивановичь, что вы полюбили меня: такъ дочь хвалите.»

— Нѣтъ, Алексѣй. Точно такъ. И опять-таки скажу, что ты счастливый отецъ.

Алексѣй началъ выкликать дочь.... такъ куда же? какъ ей выйти? Хотя она болѣе ста разъ слышала, какъ ей въ глаза говорили, что она очень хороша, но это ее не занимало. А теперь гдѣ бы она скрылася? Офицеръ хвалитъ ее, а отецъ вызываетъ ее къ себѣ.... Надо его послушать, выйти.... какъ выйти? какъ взглянуть на офицера, когда онъ по глазамъ всю душу узнаетъ?... Сквозь землю лучше пошла бы!...

Какъ не выходитъ Галочка, а Алексѣй не любилъ, чтобъ его не слушали, пошелъ самъ за нею и сталъ уговаривать ее, чтобъ не стыдилась и вышла, потому-что пора и полдничать подавать.

«Хорошо же, таточка, выйду, выйду. Только пусть офицеръ ничего меня не спрашиваетъ, пока я не осмотрюсь и не привыкну къ нему....»

Алексѣй вошелъ въ комнату, мигнулъ ему, оба усмѣхнулись.... и начали говорить свое.

Долго собиралась съ духомъ Галочка; наконецъ вошла и отъ замѣшательства опять поклонилась. Семенъ Ивановичъ будто и не примѣчалъ ее; но когда она проходила черезъ хату, или что прибирала, такъ

глазъ съ нея не спускалъ и разсказываемое забылъ; когда же Алексѣй тогда что говорилъ, такъ онъ и не слышалъ ничего.

А вотъ, мотаясь сюда и туда передъ ними, Галочка не много осмотрѣлась, и ей уже не такъ было не ловко. То прибираетъ; то прислушивается къ офицеровымъ словамъ.... а далѣе уже и станетъ и слушаетъ все. Потомъ уже до того, что скрытно отъ него она разсматриваетъ его.... Какъ же въ то время онъ взглянетъ на нее.... такъ куда бъ она скрылася!... Это и не разъ такъ случалося, а все ей хочется на него смотрѣть.... а ему и подавно. Сердце сердцу начало вѣсть подавать....

Подали кушанья. Галочка обо всемъ хлопочетъ, присядетъ, слушаетъ, о чемъ они изъ книгъ говорятъ. Какъ-то Семенъ Ивановичъ рѣшился и о чемъ-то спросилъ Галочку.... Господи! чуть ложки не уронила!... Не опомнилась, гдѣ она и сидитъ.... Но дѣлать нечего, отвѣчала. Такъ въ другой-третій разъ.... уже Галочка осмотрѣлась, уже говоритъ смѣло, и видя, что офицеръ добрый и скромный, и что у него на умѣ нѣтъ ничего худаго, стала смѣлѣе. Послѣ полдника, прибравши все, сѣла подлѣ отца и стала слушать офицерскіе разсказы. А тотъ про все то разсказываетъ, чего Алексѣй не зналъ: что дѣлается въ свѣтѣ, гдѣ какія государства и что для чего происходитъ! Онъ былъ очень умный и зналъ

все; а Алексѣю давно хотѣлось знать о многомъ: такъ онъ все проспалъ его продолжать.

Уже Галочка осмѣлилась до того, что и сама распрашиваетъ, и уже перестала величать «ваше благородіе», а называла, какъ онъ требовалъ: «Семенъ Ивановичь».

Такъ проводя время, просидѣли долгонько. Еще бы не отпустили Семена Ивановича, такъ было уже поздо, а при томъ ему было очень далеко возвращаться въ городъ и черезъ сады, плотинки, пустыми мѣстами. Тогда такъ было: Гончаровка отъ города очень далеко была.

Алексѣй, простившись съ Семеномъ Ивановичемъ, проводилъ его еще подалѣе; а Галочка, какъ сѣла у стола, облокотилась на свою бѣлую ручку, какъ задумалась....

«Слышишь ли, Галочка?» уже крикнулъ ей отецъ.

— Ахъ! вскочила съ лавки.... и не знаетъ, что и говорить....

«Что это съ тобою сдѣлалось, доня? Вошелъ я въ хату, не слышишь; три раза кликнулъ, насилу почнулась. Задремала ты что ли?»

— Такъ-таки.... немного.....

«Уморилась, сердечная! Одно то, что набѣгалась игравши, а тутъ хлопотала. Иди же, ложись спать. Богъ съ тобой!» Перекрестилъ ее и пошелъ.

Сидѣла же наша Галочка, сидѣла! думала же она.... а что думала? кто знаетъ? Только и проговорила: «а что же изъ этаго будетъ?» всплакнула, перекрестилась и легла, когда уже къ полночи доходило.

Смутная сѣла за работу наша Галочка, смутная и обѣдала.... или лучше, не обѣдала, а только сидѣла за обѣдомъ такъ. Алексѣй удивлялся и спрашивалъ ее, отъ чего она ничего не ѣстъ. и отъ чего такая смутная?

«Такъ, таточка!... что-то голова.... нѣтъ, мнѣ все тошно и грустно....» сказала Галочка и вздохнула тяжело.

— Смотри, не набѣгала ли ты — сохрани Богъ лихорадки?

«Набѣгала лихорадку, что и повѣкъ не избавлюсь отъ нея.» подумала Галочка и отворотилась отъ отца, чтобъ не замѣтилъ слезъ, собравшихся въ глазкахъ ея.

Алексѣй подумавши сказалъ: «обѣщайся-ка, въ слѣдующее воскресенье, сходить въ Куряжскій монастырь.»

— А тожъ, таточка! Когда бы скорѣе эта недѣля прошла...

Отъ того-то наша Галочка такая смутная была, что воскресенье не скоро настанетъ: шутка ли? черезъ шесть дней!... Когда дождешься его? а тутъ такъ тяжело, что насилу хожу...» Такъ думала Галочка, перемывая ложки отъ обѣда... какъ вдругъ дверь... рыпъ!... и кто же вошелъ? Семенъ Ивановичь!...

Галочка все изъ рукъ выпустила.

«Сердись, не сердись на меня, Алексѣй Петровичь,» сказалъ Семенъ Ивановичь, вошедши въ хату и поклонясь прежде отцу, а потомъ и Галочкѣ: «а я пришелъ къ тебѣ и сегодня. Какъ хочешь; мнѣ скучно безъ тебя; я люблю бесѣдовать съ тобою. Лишь управился со службою, тотчасъ къ тебѣ. Скажи мнѣ по сущей правдѣ, не мѣшаю ли я тебѣ въ чемъ? Можетъ, ты занятъ своимъ дѣломъ; я приду въ другое время.»

— Да что вы это говорите, Семенъ Ивановичь?— сказалъ Алексѣй:—я бы васъ не то что, я бы, передъ вашимъ здоровьемъ, вотъ такъ бы все и стоялъ

и все бы слушалъ, что вы намъ добраго расказываете. Когда такъ, такъ знаете что̀? когда только вамъ есть время и когда только захотите, такъ прямо идите къ намъ. И дверь, и душа моя открыта для васъ во всякое время, и вы мнѣ ни въ чемъ не помѣшаете. Я съ утра порядокъ даю работникамъ на весь день, и потомъ панъ-себѣ до вечера. Мнѣ все мое хозяйство не дастъ того, что я пріобрѣту отъ вашихъ разсказовъ, или когда вы, что прочитавши, разтолкуете по ласкѣ своей. Приходите хоть каждый день. Такъ ли, Галочка?—

«Ей же такъ,» сказала Галочка въ отвѣтъ на отцовы слова, которыя были такъ пріятны для слуха ея, какъ будто кто на гусляхъ игралъ. «Такъ панъ-отченько! И мнѣ веселѣе будетъ на душѣ, когда вамъ весело будетъ съ Семеномъ Ивановичемъ.»

— Такъ, можетъ, тебѣ, Галочка, скучно будетъ, что ты одна будешь сидѣть?» спросилъ Семенъ Ивановичь, пристально глядя ей въ глазки.

«И то вже!» сказала Галочка, опуская свои глазки-звѣздочки въ землю. «Будто я одна буду сидѣть? Вѣдь же батенька меня не отгонитъ, когда я буду тутъ съ своимъ дѣломъ? Буду работать свое и слушать, о чемъ станете говорить, или будете читать. Я, когда и читаютъ, то кое-что понимаю...»

На томъ и положили, чтобы Семенъ Ивановичь, когда только захочетъ и можно ему будетъ, приходилъ къ нимъ.

Да и зачастилъ же! Каждый Божій день, кончивши свое дѣло, исправитъ что нужно, такъ и спѣшитъ на Гончаровку... видите, къ Алексѣю... больше ничего: ему—будто бы—только его и надо. Такъ они сидятъ, разговариваютъ, читаютъ; когда что встрѣтится въ Четь-Минеи непонятное для Алексѣя, Семенъ Ивановичь объясняетъ, да такъ чисто, словно въ ротъ все кладетъ. А Галочка, какъ заслушается... забудетъ и работу, воткнетъ иголку въ шитье, да и не выводитъ ее, ручку опустила, головку подняла, а глазки—какъ у ясочки (ласточки, звѣрка), и не сходятъ съ Семена Ивановича... Такъ прилѣжно слушаетъ!...

Слушаетъ!... когда бы же кто послѣ началъ ее распрашивать, что расказывалъ Семенъ Ивановичь? И когда бы по справедливости — она бы сказала, что хотя и прислушивалась ко всякому слову, но не замѣтила ничего: потому-что все присматривалась, какой онъ красивый, какъ хорошо говоритъ, да губками — что красныя, какъ калина — мило шевелитъ, а изъ-за нихъ бѣленькіе зубки мелькаютъ, да ровненькіе какъ одинъ; какія румяныя щоки, какія узенькія, чорныя брови какъ на снурочкѣ; а какіе же глазки?... Онъ говорилъ, что черезъ глаза можно видѣть, какова

душа въ человѣкѣ. Такъ и есть; точная правда. Какъ взглянетъ на меня, то я и вижу, какая у него добрая душа, какой онъ жалостливый ко всѣмъ; то мнѣ, такъ станетъ его жаль... такъ вотъ черезъ это я ничего и не раслушала, о чемъ онъ говорилъ.

Этаго Галочка никому не говорила, а только думала-себѣ. Проводивши Семена Ивановича поздно вечеромъ, и ляжетъ въ постель, чтобы спать, такъ ей и не спится; все то старается вспомнить, что читалъ или расказывалъ Семенъ Ивановичь; не можетъ же вспомнить ничего... «Пусть же завтра, не буду на него пристально смотрѣть, а все буду слушать.» Такъ скажетъ-бывало Галочка съ вечера; а днемъ, пришелъ Семенъ Ивановичь, началъ говорить... забыла наша Галочка слушать, вновь разсматриваетъ его и находитъ новое, чего вчера не замѣтила... вонъ—ямки на щекахъ его, что такъ бы и глядѣла на нихъ; вотъ руки, не велики, и бѣленькія, словно у панночки; а когда заговорится, и обопрется рукою объ голову, да пальцами начнетъ перебирать свои волоса чорные и мягкіе какъ шолкъ...

Вотъ такъ-то каждый Божій день Галочка что-нибудь найдетъ въ Семенѣ Ивановичѣ, чего прежде не разсмотрѣла: то голосъ пріятный, то какъ задумается чего—а что-то частенько началъ задумываться!—такъ-такъ его жаль, все бы на него и смотрѣла! А какъ ходитъ по хатѣ, такъ какой стройный!

Въ станѣ, что двумя пальцами можно бы обнять, словно переломленъ, такъ и гнется!...

Семенъ Ивановичь приносилъ и свои книжки, да какія-же-то преразумныя (это было очень давно, въ-старину)! Про все тамъ было писано. Алексѣй— онъ одинъ ихъ только и слушалъ—не нарадуется-бывало прочитывая ихъ. Много разсказывалъ и о себѣ Семенъ Ивановичь: что онъ помѣщикъ, что у него есть отчина подлѣ Прилуки вмѣстѣ съ братомъ, болѣе ста душъ; отца и матери нѣтъ, померли; братъ хозяйничаетъ, а онъ служитъ въ полкахъ. Съ братомъ живутъ, какъ законъ велитъ, дружно и согласно; что только нужно, братъ ему все высылаетъ; что онъ вольный казакъ, и что—говоритъ—хочу, то и дѣлаю, такъ поступаю, и никто меня ни въ чемъ ни принуждаетъ и не попрепятствуетъ ни въ чемъ, чего я захочу, потому-что я панъ надъ собою. Служу въ арміи, пока должно. Когда будетъ миръ, выйду въ отставку и...» тутъ что-то и замолчалъ, всталъ, долго ходилъ по хатѣ, все что-то думалъ долго... послѣ схватилъ шапку и началъ собираться домой; а еще же и не пора была: онъ всегда просиживалъ до поздняго вечера, а только лишь солнышко начало спускаться къ вечеру.

Алексѣй присталъ къ нему упрашивать, чтобы еще посидѣлъ, такъ нѣтъ; вовсе некогда, дѣло есть, надобно сегодня кончить, то сё, то то... и не упро-

сили, чтобы еще посидѣлъ; пошелъ онъ тихо домой, потупивъ голову...

Алексѣй жалѣлъ, думая, не разсердилъ ли онъ чѣмъ его? Такъ нѣтъ, всё попріятельски разговаривали... «Не ты ли, Галочка, чѣмъ-нибудь его разсердила?»

«Чтобы я панъ-отченько? едва проговорила сердечная Галочка, потому-что слезы такъ стѣснили ей сердце, что и дышать было тяжело.

— Такъ нѣтъ-же! — сталъ Алексѣй опять размышлять:—ты ему сегодня и слова не говорила. Не знаю, что это значитъ? Не придетъ ли завтра? тогда распрошу. — И съ тѣмъ вышелъ изъ хаты.

Галочка же, какъ подумала «а какъ не придетъ?» и съ симъ словомъ какъ зарыдаетъ!... Ужъ какъ-то она горько плакала до самаго вечера! Чего же? и сама не знаетъ! Такія скорбныя мысли одолѣли ею, что не придумаетъ, чѣмъ и успокоить себя. То подумаетъ, что, можетъ, онъ занемогъ, некому его присмотрѣть, а ему сдѣлается тяжело... можетъ и умереть къ-свѣту... Отъ такихъ мыслей она даже съ ногъ свалилась: прилегла на постель, обливаясь слезами... Когда бы можно, побѣжала бы... мухою полетѣла бы къ нему, только бы глянуть на него и узнать, что съ нимъ дѣлается?... Когда ничего, то я

была бы покойна!... Когда завтра не увижу его, то навѣрное къ-вечеру умру!... Такъ мнѣ тяжело!...»

Не умрешь, Галочка!... Вотъ еще очень рано, какъ и не приходилъ такъ никогда, Семенъ Ивановичь уже и идетъ. Галочка, только-что проснулась, то всё пристально смотрѣла на огородъ, и какъ скоро увидѣла его идущаго, то выбѣжала даже за ворота и, какъ птичка, щебечетъ отъ радости, попрыгиваетъ и издали закричала: «вы не умерли, Семенъ Ивановичь? были же больны? Или, можетъ, разсердились на насъ? Что мы вамъ сдѣлали, что вы вчера такъ рано насъ оставили?»

— Ничего, Галочка, ничего; дѣло было—и больше ничего,» говорилъ Семенъ Ивановичь уже веселенькій, пріятно говоритъ и не хмурится. Вошедши съ Галочкою въ хату, тотчасъ и спрашиваетъ: «гдѣ же Алексѣй? Я уже весь день у васъ просижу.»

А Галочка уже и облетываетъ по всему двору, крича: «тата! таточка! Идите же скорѣе. Пришелъ уже... пришелъ!... Ей же-то Богу, пришелъ!...»

— Кто тамъ пришелъ?—отозвался Алексѣй отъ сарая, который загораживалъ съ работниками.

«Да онъ же, панъ-отченько, онъ!... Онъ и не умиралъ, онъ и боленъ не былъ; ему дѣло было.

Сегодня цѣлый день просидитъ у насъ.» Такъ говорила Галочка, размахивая руками; а сама, договарила ли или нѣтъ, уже бѣжитъ скорѣе въ хату.

— Да кто?—еще-таки въ слѣдъ за ней закричалъ отецъ.

«Семенъ Ива...» и больше не слышно было, что Галочка сказала: уже вбѣжала въ хату, уже и тамъ мечется, хлопочетъ, прибираетъ... и сама не понимаетъ себя, что съ нею... Небо поднялось надъ нею, солнце никогда такъ ясно не сіяло... куда ни глянетъ, вездѣ ей весело, вездѣ хорошо, такъ хорошо, что даже у нея на глазахъ отъ радости... Вбѣжала въ комнату, всплакнула не много, промыла глазки, прибралась и вскочила опять въ хату къ гостю, какъ птичка веселенькая.

Опять пошло дѣло какъ и съ начала!... Эге! да уже не такъ. Конечно; придетъ Семенъ Ивановичь и веселенькій, говорливый и кое-что зашутитъ съ Галочкою; а потомъ, говоря ли что или читая, станетъ часто взглядывать на Галочку... и смѣшается во всемъ! Какъ устремитъ на нее свои глаза, смотритъ-смотритъ, забудетъ, что говорилъ, или читать перестанетъ и все смотритъ на нее... и чего-то у него въ глазахъ не замѣтилъ бы? Въ нихъ вся мысль его была; все, что у него въ душѣ и на сердцѣ, все можно было видѣть... что такое? мы узнаемъ послѣ.

Алексѣй же не очень засматривался въ глаза ему; онъ бы и не понялъ ничего въ нихъ; онъ, бывало, только удивляется: чего Семенъ Ивановичь такъ задумался? да и самъ замолчитъ, чтобъ не мѣшать ему думать о своемъ.

Одна Галочка чуть ли не знала, что на умѣ у Семена Ивановича: потому-что, какъ только замѣтитъ, что онъ смотритъ на нее пристально, не такъ какъ всегда, то она уже и не глянетъ тутъ на него, а склонитъ головку, и иголкою—не шьетъ—а только по работѣ ковыряетъ... а что думаетъ при томъ?.. такъ хоть побожусь вамъ, что и у нея точнёхонько такая же мысль была, какъ и у Семена Ивановича... Да какъ углубится она въ ту мысль, какъ дастъ ей волю, такъ ей такъ хорошо, такъ весело, что она и не понимаетъ себя, на землѣ ли она, или въ раю?... Ей кажется, что она, словно птичка Божія, летаетъ подъ небесами и счастливѣйшая всѣхъ людей..... и тутъ уже взглянетъ... на кого же ей больше и взглянуть?... глянетъ на Семена Ивановича... Какими же глазками глянетъ? ... Семенъ Ивановичь послѣ этаго ударитъ себя рукою, закроетъ глаза, приклонится къ столу и такъ пробудетъ долго... Поднялся... видно было, что слезинка-другая блеститъ въ глазахъ его... Утеръ ихъ, всталъ... и ходитъ по хатѣ задумавшись.

А Галочки уже давно тутъ нѣтъ; она уже давно въ комнатѣ... Тяжко ей станетъ, духъ захваты-

ваетъ; всплакнетъ, и пака-то пока приведетъ въ порядокъ мысли, что можетъ опять притти.

А Алексѣй? Тотъ на все смотрѣлъ посвоему. Видѣвши, что Семенъ Ивановичь такъ страдаетъ, станетъ его распрашивать: «чего вы такъ-себѣ, Семенъ Ивановичь?»

— Такъ, что-то не здорово. — Отвѣчаетъ-было онъ, такъ, лишь бы что-нибудь сказать.

«Не выкушали бъ ли вы полыньковой? Она крѣпко полезная вещь отъ всего.»

О чтобы тебя, панъ-Алексѣй, съ твоею «полыньковою»! Ужъ такъ, что прислужился! Говоритъ, что «отъ всего полезна». Ты уже доходишь къ старости, такъ и забылъ, что̀ то есть молодой человѣкъ. Не только твоя «полыньковая», да и ничто въ свѣтѣ не отведетъ тучи отъ сердца, кромѣ.... Ахъ! тутъ и своя молодость вспоминается! Какихъ-то чудесъ не дѣлали со мною и карія очи, и чорныя брови, и румяныя щоки и бѣленькія ручки.... Полно, не хочу вспоминать. Неравно грусть-тоска усилится, такъ и не договорю....

Такъ, все чаще, все чаще, происходило между Галочкою и Семеномъ Ивановичемъ. Уже и такъ случалось, что хотя онъ и придетъ, такъ до того смутенъ, до того не веселъ, что и слова отъ него не

услышишь! Сидитъ, молчитъ, иногда вздохнетъ.... а на Галочку—не сводя глазъ—смотритъ, и съ тѣмъ и пойдетъ.

«Не сердится ли на насъ чего Семенъ Ивановичь? Отъ чего онъ такой чудный сталъ съ нами? Какъ ты думаешь, Галочка?» спрашиваетъ-бывало иногда отецъ у дочери.

— Можетъ—едва отвѣчаетъ дочь, лишь бы что сказать; а сама очень понимала все, да до того знала, что сама себѣ отгадывала, въ какомъ состояніи онъ придетъ: веселъ, или больше еще грустенъ? По расположенію своей души, судила о немъ.

Далѣе и далѣе, Семенъ Ивановичь все былъ задумчивѣе, все печальнѣе.... Какъ вдругъ вовсе не пришелъ! Галочка протосковала, и на другой день не ожидала его.... Нѣтъ и на третій день.... и на пятый нѣтъ.... Галочка груститъ, Галочка плачетъ.... То опять разсудитъ и скажетъ: «Хорошо онъ дѣлаетъ, что оставилъ ходить къ намъ.... Что изъ того? Пусть такъ. Онъ привыкнетъ безъ насъ.... забудетъ! Ему все равно.... вѣдь я скоро же умру.... не могу его забыть! Такъ или иначе, мнѣ остается одно, умереть!... Пускай онъ живетъ, пускай любуется въ бѣломъ свѣтѣ.... пускай и имъ свѣтъ красуется, какъ наилучшимъ цвѣточкомъ своимъ!... Когда бы онъ только провѣдалъ, гдѣ я буду погребена, и хотя бы

разъ навѣстилъ мою могилу!... Земля бы надо мною показалась лёгкою, какъ перо.... тѣсный гробъ показался бы мнѣ веселою горенкою; запекшіяся уста мои улыбнулись бы къ нему; померкшіе глаза мои глянули бы, и сквозь насыпанную землю увидѣли бы его; изсохшая рука моя еще бы протянулась къ нему!... Лучше смерть мнѣ принять, лучше мое *дѣвованье*, мою молодость, мою дѣвичью красу похоронить, какъ оно есть теперь, чѣмъ ожидать, пока я изсохну, исчахну, что онъ, увидя меня, и не пожалѣетъ!.... Смерть, смерть! гдѣ ты? Пожалѣй дѣтскаго отца, жену любимую мужемъ, не бери ихъ; имъ хорошо жить на свѣтѣ, не разлучай ихъ, возьми несчастную сироту!... Мой отецъ еще не старъ, онъ женится, дастъ Богъ ему дѣтей, и онъ утѣшится, забудетъ меня, не будетъ грустить за мною.... а мнѣ къ чему жить на этомъ свѣтѣ?... Когда онъ точно любитъ меня такъ сильно, какъ я люблю его, такъ еще лучше въ это время мнѣ умереть! Что съ нашей любви можетъ быть?... Смерть, смерть! возьми меня, не жалѣй моей красы, не щади *дѣвованья!*... Мать-сырая земля! прими меня къ себѣ, приголубь меня и не пусти на свѣтъ, гдѣ нѣтъ для меня ни счастья, ни утѣхи и никакой отрады!...»

Такъ-бывало Галочка каждый день тужитъ, и что бы дѣлала отъ грусти! Алексѣй же, такъ тотъ совсѣмъ загрустилъ! Ни съѣстъ ничего съ апетитомъ, ни работою не занимается. Въ хатѣ скучаетъ, къ ра-

ботникамъ выйдетъ, все кажется ему, что не такъ дѣлаютъ: сердится, ворчитъ, иногда побранитъ кого вовсе безвинно, броситъ все, воротится въ хату, тамъ опять груститъ, развернетъ книгу.... и ничего не прочитавши, оставитъ.

Такъ протосковавши, въ воскресенье отозвался къ Галочкѣ: «Давай, дочь, скорѣе обѣдать; мнѣ есть дѣло въ городъ.» Не совсѣмъ пообѣдавъ, поблагодаривъ Богу, схватилъ шапку—и ворча самъ съ собою: «я не вытерплю такъ долго.... пропаду отъ тоски!...» вышелъ изъ хаты и пошелъ даже въ городъ.

Какъ осталась Галочка одна, то, прибрала ли что, или нѣтъ, грусть взяла ее.... сѣла у стола, склонила свою головку, подперла ее ручкою и задумалась.... О чемъ уже она тогда не передумала?... о чемъ не размышляла?... чего не вспоминала!... Только крупныя слёзы съ чорныхъ глазокъ ея капали на ея шелковую запàску (передникъ).

Не слышала.... и сердце не подало ей вѣсти, что Семенъ Ивановичь вошелъ въ хату, стоитъ передъ нею, глядитъ.... она плачетъ! Онъ не вытерпѣлъ, схватилъ ея за руку и почти вскрикнулъ: «О чемъ ты плачешь, Галочка?»

Господи! Что сдѣлалось съ нею?... Сама себя не помнитъ!... Вскочила, смотритъ, онъ ли это? И

рада бы, и смѣется.... а слезки, словно дождикъ сквозь солнышко идетъ, такъ и каплютъ!... Насилу опомнилась, насилу пришла въ себя и начала разсматривать, кто это подлѣ нея, схватилъ ея руку и приложилъ къ своему сердцу, которое слышно, какъ бьется крѣпко....

«Это вы, Семенъ Ивановичь?» насилу проговорила слово и начала тихо освобождать свою руку, будто для того, чтобъ платкомъ стереть лавку. Стерла и начала его просить: «Будьте ласковы, сядьте, пока панъ-отецъ воротится изъ города. *Они пошли* къ человѣку за дѣломъ.»

— Жалко, что его нѣтъ! сказалъ Семенъ Ивановичь: я къ нему и къ тебѣ пришелъ.... Галочка!! зоречка моя!... Не могу безъ тебя пробыть!... Все тебѣ разскажу, какъ я страдаю безъ тебя. Увидѣвъ тебя въ первый разъ, мнѣ показалось, что я нашелъ себѣ какое-то счастье. Все бы я на тебя смотрѣлъ, все бы я слушалъ тебя, все бы желалъ слышать, какъ ты меня зовешь по имени, потому-что ты меня называешь какъ-то необыкновенно пріятно!... Душа у меня встрепенется, сердце забьется сильнѣе, и мнѣ станетъ такъ весело, такъ весело! Взгляну въ твои глазки, вотъ что напрасно ты ихъ рукою закрыла.... закрой ихъ, да слушай только. Безъ тебя я не жилъ, а только томился; кончу ли хоть немного свое дѣло, бѣгу къ тебѣ. Безъ тебя мнѣ весь свѣтъ не милъ.

Не умѣю разсказать, какъ мнѣ весело близъ тебя! Потомъ мнѣ пришла мысль: Галочка тебя не любитъ!... Слушай же и не закрывайся другою рукою. Когда я разскажу тебѣ всё, тогда дѣлай со мною, что хочешь. Отъ такой мысли, я хотѣлъ отвыкнуть отъ тебя; не буду ей скучать, не буду больше къ ней привязываться, перестану вовсе ходить, не буду ее видѣть, скорѣе умру отъ того; потому-что, не видѣвши тебя и не слышавши твоего голосочка, знаю, что не проживу долго. Вотъ я и пересталъ къ тебѣ ходить и все звалъ смерть къ себѣ....

«И я же.... призывала.... ее!...» всхлипывая, едва проговорила Галочка.

— Какъ это можно? Тебѣ должно жить! даже вскрикнулъ Семенъ Ивановичь и схватилъ ея руку, началъ опять говорить: Ты утѣха отцу твоему, ты краса міру! Тебѣ должно жить! Пусть я одинъ страдаю! Какъ мнѣ можно жить безъ тебя?... Начто мнѣ и жизнь, когда ты меня не любишь?...

«Кто же это вамъ сказалъ, что я васъ — сказала Галочка прямо, но потомъ едва-едва договорила, да такъ тихо, сладко и пріятно, какъ малиновка оканчиваетъ свою пѣсенку, такъ она окончила: «васъ не люблю?»

— Такъ ты меня любишь, Галочка?... вскрикнулъ Семенъ Ивановичь, не помня себя отъ восторга; и схвативъ другую руку ея, сталъ быстро смотрѣть въ глазки ей, все доспрашивая: скажи, такъ ты любишь меня?

Куда бы скрылась Галочка! Уйти не можно, онъ крѣпко держитъ ее за руки, а тутъ еще въ глаза смотритъ и узнаетъ въ нихъ, что есть у нея на душѣ. Что ей дѣлать? Куда глаза спрятать? Больше не куда.... приклонилась на плечо къ нему, вотъ онъ и не видитъ ея....

А онъ все проситъ, руки цалуетъ, умоляетъ, чтобъ сказала: любитъ ли она его хоть немного....

Жалко ей стало его, а на сердцѣ весело.... такъ слёзы же льются, и сама не знаетъ отъ чего.... потомъ, всхлипывая, едва могла проговорить:

«Я не знаю, какъ любятъ.... а только все то.... что вы разсказывали.... то такъ.... и со мною было безъ васъ.... и я не хотѣла жить безъ васъ.... и хотѣла уме....»

Остальнаго Галочка и не договорила.... Семенъ Ивановичь, въ полномъ восторгѣ, обнялъ ее, прижалъ къ сердцу и поцаловалъ....

«Что со мною дѣлается?» тихо сказала Галочка, лежа на рукахъ Семена Ивановича, который держитъ ее почти безъ чувствъ, цалуетъ ее, потомъ взглянетъ ей въ глаза и снова начнетъ цаловать....

«Что со мною дѣлается? Мнѣ такъ хорошо, что я не умѣю и разсказать. Еще какъ начала знать васъ и, было, когда задумаюсь очень, то мнѣ тогда было такъ хорошо.... по нѣтъ.... теперь лучше. Теперь я не понимаю, кто я, гдѣ я и что я? Я точно птичка, выбившаяся изъ темныхъ, густыхъ тучь; летаю подлѣ яснаго, теплаго, живящаго меня солнца.... не страшно мнѣ, хотя бы и на весь вѣкъ меня постигло несчастье, бѣда и всякое горе; мнѣ ничто теперь не важно! Я имѣла съ вами теперь такую минуту, что и ввѣкъ не забуду той радости, какую она мнѣ принесла! Вы меня любите, вы меня цалуете.... вы меня не оставите никогда?...» И съ симъ словомъ обняла его ручками и прижала къ себѣ крѣпко, и заплакавши горько, стала жалобнымъ голосомъ просить его: «Не покиньте, не забудьте меня!... Вы моя душа, и сердце, и утѣха, жизнь, радость!... Не умѣю всего высказать, что у меня на мысли!...»

Много бы она ему еще сказала, такъ Семенъ Ивановичь не даетъ ей слова выговорить.... цалуетъ ее въ глаза, руки, шею ей цалуетъ и все благодаритъ, что и она его такъ же любитъ. «Теперь — говоритъ — я не сирота!... И для меня солнце свѣ-

титъ.... въ радости вѣкъ доживу. Вотъ идетъ панъ-отецъ; скажу ему, буду просить....»

— Погодите, Семенъ Ивановичь! Еще не пора панъ-отцу ничего говорить. Еще мы не посовѣтовались ни о чемъ.... я еще и теперь не соберу въ мысль всего, что мнѣ должно.... Пускай послѣ;... я еще не привыкла къ моему счастью.

«Какъ знаешь, такъ и дѣлай,» сказалъ Семенъ Ивановичь: «какъ скажешь, такъ и я буду поступать, потому-что ничего не знаю и не хочу ничего знать, кромѣ того, что ты меня любишь.... что ты моя.... повѣкъ моя!...»

— Повѣкъ! сказала Галочка, и сама отъ всего сердца поцаловала его.... потомъ и разошлись, отъ того, что Алексѣй доходилъ уже до воротъ.

«Гдѣ вы это были, мой милый паночко?» отъ радости вскрикнулъ Алексѣй, войдя въ хату и увидѣвъ Семена Ивановича, и даже подбѣжалъ къ нему, бросился-было ему руки цаловать, такъ онъ не далъ, а обнялъ его и поцаловалъ. «Я за вами крѣпко скучалъ, говорилъ Алексѣй: и потерявъ терпѣніе, ходилъ даже къ вамъ. Денщикъ вашъ сказалъ мнѣ, что вы пошли на Гончаровку; такъ я — давай Богъ ноги! — скорѣе сюда. Гдѣ вы это были?»

— Разныя дѣла случились, сказалъ Семенъ Ивановичь: некогда было приходить къ вамъ. Я и самъ такъ-было загрустился, что совсѣмъ пришлось умирать. Говоря это, глянулъ на Галочку.... а она тотчасъ поняла, къ чему онъ это говоритъ, такъ скорѣе и перехватила:

«А ну-те, не вспоминайте уже про смерть! На этомъ свѣтѣ такъ хорошо, весело!... а тамъ, что еще будетъ, не знаемъ. Станемъ тутъ жить въ счастьи, въ любви, пока совсѣмъ состарѣемся.»

— Такъ, Галочка, такъ! сказалъ Семенъ Ивановичь, не помня самъ себя отъ восторга: не отгоняйте только меня отъ себя.... будемъ жить въ любви....

Галочка тотчасъ поняла, къ чему онъ склоняетъ рѣчь и поспѣшила прервать его: то угощала его, то обѣдъ приготовляла.... такъ что же? Семенъ Ивановичь, узнавши радость, постигнувъ счастье отъ чистой, искренней любви, ничего и не желаетъ и ни о чемъ болѣе не думаетъ: такъ веселъ, какъ еще и не видали его никогда; говорливъ за всѣхъ.... Галочка также, земли подъ собою не чувствуетъ, бѣгаетъ, мечется, въ глаза ему засматриваетъ, къ отцу подбѣгаетъ, шутитъ, смѣется.... И Алексѣй радуется, видя, что они такіе веселые. Когда спросилъ онъ у Семена Ивановича, будетъ ли попрежнему часто

приходить? Такъ тотъ и намѣкнулъ сходно съ своимъ намѣреніемъ:

«Я — говоритъ — не только буду къ вамъ приходить, но думаю, съ вами и вѣкъ жить, когда только примете....»

Алексѣй взглянулъ на него.... и только-что думалъ спросить, къ чему онъ это говоритъ, какъ Галочка, внимательно за нимъ наблюдавшая, опять его прервала и чрезъ цѣлый день вовсе не допустила Семена Ивановича ни словомъ изъяснить о своемъ намѣреніи.

Пріятно, хорошо, весело прошелъ весь день какъ одинъ часъ, и не замѣтили, какъ вечеръ насталъ; надобно расходиться.

Прощаясь Семенъ Ивановичь сказалъ: когда бы совершилось мое счастье, чтобы я съ вами цѣлый вѣкъ былъ!...

«Что это онъ сказалъ, доня?» спрашивалъ Алексѣй у Галочки, проводивши Семена Ивановича. «Что это онъ все заговариваетъ, что какъ бы ему повѣкъ жить съ нами? А?»

— Не знаю, таточка! — сказала Галочка равнодушно, а сама прибирала миски, ложки и все отъ

ужина.—Не къ-тому ли онъ говорилъ... что никакъ квартиры имъ будутъ на Гончаровкѣ... что ли, не знаю вовсе.

«Не знаю и я» сказалъ Алексѣй, и смотря долго на Галочку, какъ она прибирала все покойно и не обращала на его слова вниманія, потомъ перекрестилъ ее, вздохнулъ и, сказавши: «ты *моя* дочечка!» пошелъ въ свою свѣтлицу спать.

И Галочка легла въ постель, но сонъ далеко отъ нее. Только и слышно, какъ она тяжело вздохнетъ... поплачетъ тихо... проговоритъ: «что же съ этаго будетъ?» и пустится размышлять. Послѣ довольно громко начала говорить сама съ собою: «Чего же я горюю? Ужъ конечно и онъ такъ же располагаетъ? Такъ и поступимъ, такъ и будемъ жить... Ахъ, какъ это будетъ хорошо!... Какъ я счастлива буду!... Душа во мнѣ радуется!... Онъ меня будетъ любить, пока я умру... а я, черезъ то, долго-долго буду жить; потому... что въ счастьи... и вѣрной... любви...» Тутъ она и не почувствовала, какъ заснула, думая о своемъ счастьи...

Спи, Галочка, не просыпайся! Мы счастливы въ мечтѣ, а мечта—сонъ... не просыпайся, бѣдная!...

Надобно же было такъ случиться, что утромъ пришелъ къ Алексѣю человѣкъ, съ которымъ они

вмѣстѣ купили лѣсъ, и нужно было имъ распорядить, что назначить въ продажу, а что, подчистивъ, оставить расти. Алексѣй зналъ въ этомъ толкъ, и ему необходимо должно было ѣхать. Алексѣй подумалъ, перекрестилъ Галочку, посмотрѣлъ ей пристально въ глаза и, ничего не сказавши, поѣхалъ. Дочь постигла мысль его и въ мысляхъ сказала: «Нѣтъ, таточка! ты же самъ вчера сказалъ, что я *твоя* дочь!»

Не долго—Семенъ Ивановичь уже и явился. Какъ свидѣлись, такъ будто цѣлый годъ не были вмѣстѣ. Намиловавшись, какъ случается между молодыми людьми, любящимися, Семенъ Ивановичь посадилъ Галочку подлѣ себя и началъ говорить:

«Не стану я тебѣ, милая моя Галочка, разсказывать, какъ ты меня осчастливила любовью своею!... Когда меня точно искренно любишь, такъ душа твоя знаетъ такое счастье...»

— Знаетъ, мой соколикъ! И нѣтъ такихъ словъ, коими бы можно было изъяснить... — такъ сказала Галочка, приголубливаясь къ нему.

«Такъ, моя зо́речка! И я не умѣю его изъяснить. Знавши свое сердце, такъ знаю и твое: какъ я буду любить тебя по весь мой вѣкъ, такъ и ты не оставишь меня и не забудешь меня никогда!...»

— Захочу ли я своей смерти? Знаю, что если бы я только подумала, не что болѣе, а только любить тебя меньше, какъ теперь люблю, то тутъ же съ тоски бы и умерла! Черезъ то и живу, что люблю и тобой любима!... Проживетъ ли рыбка безъ водицы? разцвѣтетъ ли цвѣточекъ безъ росочки небесной? Такъ и я не проживу безъ твоей любви!... Перестанешь меня любить, я тутъ же умру, но и умирая, такъ же буду любить, какъ и теперь!...

«Когда меня такъ любишь... Галочка! сдѣлаешь ли все для моего счастія?»

— Что хочешь, прикажи: пошли меня на край свѣта... да нѣтъ на свѣтѣ той силы, которая бы удержала меня отъ любви къ тебѣ; а потому и нѣтъ того на свѣтѣ, чего бы я, отъ истинной любви моей, не сдѣлала для тебя...»

«Какое блаженство!» сказалъ Семенъ Ивановичь и, поцаловавъ ее страстно, примолвилъ: «Галочка!... я не могу жить безъ тебя!... Я женюсь на тебѣ... выйди за меня!... Куда же ты встаешь?»

Услышавши такое предложеніе, Галочка поднята съ его плеча свою головку, гдѣ все лежала, и освободивъ тихонько отъ него свою руку, встала... и стала подлѣ него... Господи! блѣдная, какъ полотно,

ручки сложила на груди, дышитъ тяжело и не можетъ выговорить слова.

Семенъ Ивановичь, удивясь, спрашиваетъ ее: «Галочка! чего же ты? скажи мнѣ, надѣяться ли мнѣ на-такое счастье? скажи...» и хотѣлъ-было взять ее за руку... Но она отступила еще подалѣе отъ него и едва могла проговорить:

«Что... это вы... ваше благородіе!...» и съ этимъ словомъ поспѣшила ухватиться за столъ, чтобы не упасть... Тяжкая година для нея пришла!

— Галочка!—вскричалъ Семенъ Ивановичь внѣ себя:—или мнѣ такъ услышалось?... Кому ты это говоришь?... кого величаешь?...

«Васъ,» сказала Галочка уже твердымъ голосомъ.

— Такъ ли тебѣ со мною должно говорить?...

«Такъ! когда вы сами забыли себя, такъ простая дѣвка, мужичка, напоминаетъ вамъ о вашемъ званіи.»

— Съ чего ты такъ начала?

«Вамъ не прилично того и думать, что вы мнѣ теперь сказали!» говорила Галочка съ нѣкоторою суровостью.

— Что съ тобою сдѣлалось?... Галочка! Ты ли это такъ говоришь? продолжалъ Семенъ Ивановичь, все болѣе и болѣе приходя въ недоумѣніе.

«Я, Галочка, дочь обывателя Алексѣя Таранцà, простая дѣвка, напоминаю Семену Ивановичу, что онъ дворянинъ, панъ, поручикъ... ему не прилично и думать такъ.»

— Такъ-то ты меня любишь? Такъ ли ты вотъ-теперь увѣряла?...

«И умирая буду тоже говорить... Ахъ! видитъ Богъ, какъ крѣпко я люблю васъ и буду любить навѣкъ!»

— Когда же такъ любишь, почему не хочешь итти за меня?

«Потому не иду, что люблю васъ крѣпко; мѣры нѣтъ, какъ люблю, пламенно люблю!»

— Почему же не хочешь своего и моего счастья?

«Мое счастье въ моемъ сердцѣ... Желая сильно, чтобъ вы были счастливы, я не хочу и слышать словъ вашихъ.»

— Когда ты желаешь мнѣ счастья, почему не хочешь выти за меня?

«Чтобъ не погубить васъ навѣкъ; чтобъ *не завязать вамъ свѣта* (не отнять у васъ радостей свѣта)... Семенъ Ивановичь! я вамъ неровня!...»

— Не говори мнѣ того. Любовь равняетъ всѣхъ.

«Можетъ и такъ, если мы будемъ жить одинъ для другаго.... но этаго не можно сдѣлать!... О моей участи, о моемъ счастіи вы не вспоминайте; я ихъ похоронила; все умретъ для меня!... будемъ говорить о васъ. Я не знаю, какъ въ свѣтѣ, между панами, все прочее идетъ; но знаю навѣрное то, что вездѣ, всѣ будутъ спрашивать про вашу жену: откуда и кто она такая?... Пускай вы, любя меня, и не постыдитесь сказать прямо: «она мужичка!» Но каково будетъ вамъ тогда? Всѣ будутъ надъ вами смѣяться, всѣ осуждать, винить, будутъ удаляться отъ васъ, что у васъ отъ жены вся родня мужики.»

— Что мнѣ за дѣло? я не посмотрю ни на кого!

«Такъ они будутъ смотрѣть на васъ. Попрекамъ и насмѣшкамъ конца не будетъ. Не перенесете, спохватитесь.... рады бы поправить, но уже невозможно будетъ. Вотъ и возненавидите меня и....»

— Галочка! этаго никогда не можетъ быть! Пускай меня засмѣютъ, разпнутъ, растерзаютъ: я никогда не перестану любить тебя!

«Но я же не каменная! Не уже ли мнѣ легко будетъ видѣть, что отъ меня и за меня вы будете страдать; и я, все видѣвши, могу ли жить? Также умру, какъ и тогда, какъ вы перестанете любить меня. Да я о себѣ и не занимаюсь. Какъ хотите, меня перерядите, научите всему приличному для пани, но натуры, привычекъ не передѣлаете, все будетъ видно, что я коренная мужичка. Куда явитесь со мною, вездѣ меня засмѣютъ; каково вамъ тогда?...»

— Я всѣхъ брошу, отстану отъ людей; ты мнѣ только....

«Не такъ, Семенъ Ивановичь! Вы умнѣе меня во сто разъ, и вы знаете, что этаго не можно и не должно дѣлать. Вы знаете Бога и законъ его; вы знаете, что грѣхъ жить на свѣтѣ, не дѣлая ничего. Каждый, кто можетъ, служитъ въ арміи, кто въ судѣ, кто торгуетъ, кто хлѣбъ работаетъ, и каждый долженъ жить для всѣхъ, для дѣла, для общей пользы. Вамъ и скучно будетъ безъ дѣла, и увидѣвши, что грѣхъ жить праздно, желали бы возвратиться въ свѣтъ, между людей, но я вамъ камень на шеѣ!»

— Такъ этакъ-то, Галочка, ты меня любишь?— Не имѣя, что болѣе сказать, Семенъ Ивановичь упрекалъ ее.

«Боже праведный! Чѣмъ мнѣ еще больше васъ увѣрить, какъ я васъ люблю? Не уже ли вы неви-

дите силы моей любви, что я, дабы отвратить отъ васъ всякое горе, иду на видимую смерть? Разлучиться съ вами, смерть для меня! И это вамъ ничего?»

— Такъ не разлучимся, будемъ жить вмѣстѣ.

«Если бы я васъ, Семенъ Ивановичь, любила такъ, легко; такъ чего бъ мнѣ и желать собственно для себя? Я, изъ мужички, дѣлаюсь барынею, мужъ у меня молодой, красивъ — какъ нарисованный; хотя на мѣсяцъ, я потщеславилась бы, а потомъ, чтобы съ нимъ ни случилось, хотя бы пострадалъ чрезъ меня, хотя бы и оставилъ меня, мнѣ все равно было бы. Онъ отъ меня, я отъ него; собственнаго имущества и у меня много; не говори мнѣ никто ничего, я благородная!... Такъ я же васъ не такъ люблю! Волосъ ли съ васъ падетъ, а у меня сердце разорвется; вамъ бѣда только приходить будетъ, а я буду страдать! И потому-то лучше хочу цѣлый вѣкъ мучиться, горе терпѣть, всякія муки перенесть, лишь бы маленькую бѣду отвести отъ васъ!... Нѣтъ у меня другаго желанія, какъ ваше спокойство, счастіе; нѣтъ у меня мысли, жизни, все вы. Чрезъ васъ, для васъ и вами только живу!...»

— Ты наибольшую бѣду мнѣ дѣлаешь, ты губишь меня.... ты ножъ мнѣ въ сердце вонзаешь...!

«Не уже ли мнѣ легче? Несчастная моя участь, что я родилась въ простомъ состояніи! Конечно, если бы я была барышнею, я бы и тогда васъ такъ горячо любила бы....»

— Все равно. Я говорю тебѣ, все равно; всѣ мы Божіе созданіе!...

«Такъ, конечно, Божіе созданіе; но что-то мнѣ кажется, что вы не такъ понимаете, какъ оно есть. Не одинаковы звѣздочки на небесахъ; не одинаковы и деревья въ садахъ. Вишенка не будетъ цвѣсти яблоновымъ цвѣтомъ: ей свой листъ и свой цвѣтъ. Береза не приметъ липовыхъ листочковъ. Соловей не изберетъ самочки, какъ только своего рода. Всему свой законъ, а человѣку еще и больше того.»

— Для чего же ты прежде о томъ не подумала? Зачѣмъ меня полюбила?

«И не жалѣю, что такъ сильно полюбила такаго отличнаго, разумнаго и съ доброю душою человѣка. Счастіе мое, что я *васъ* узнала, а не кого другаго.... но нѣтъ! я другаго и не полюбила бы. Велико и мое счастіе, что вы полюбили меня. Вы мнѣ какъ будто свѣтъ открыли. Безъ вашей любви я погибла бы. Не ужели же намъ не можно любить другъ друга безъ всякихъ горестныхъ послѣдствій? Будемъ любить одинъ другаго, какъ братъ и сестра. Будемъ

всегда вмѣстѣ и будемъ счастливы; когда же вамъ надобно будетъ куда отлучиться, я буду знать, что вы и за моремъ будете обо мнѣ также скучать, какъ и я о васъ. Возвратитесь?... какъ мы тогда обрадуемся!... Ахъ, Семенъ Ивановичь! какая это жизнь будетъ! — Бѣдности не будемъ знать, панъ-отца моего будемъ покоить; люди будутъ почитать васъ также, какъ и теперь; никто васъ ни въ чемъ не обвинитъ, ничѣмъ насъ не укоритъ; если вы будете счастливы, я отъ радости буду безъ души, что такой человѣкъ такъ крѣпко и благородно любитъ меня, дѣвку простую, необразованную, только тѣмъ немного стоющую такой любви, что любитъ васъ выше всего на свѣтѣ!... Семенъ Ивановичь! нашему счастію люди позавидуютъ, Ангелы Божіи порадуются, потому-что наша любовь будетъ чиста, свята, безъ всякихъ дурныхъ помысловъ.... Любите меня такъ, то я и вы будемъ весь вѣкъ счастливы!» И съ симъ словомъ бросилась къ нему и обняла его крѣпко, обливая горькими слезами....

— Не можно, Галочка.... не можно, моя рыбочка, звѣдочка моя!... Не умѣю всего изъяснить тебѣ, что у меня на мысли!... Вотъ же кстати панъ-отецъ пріѣхалъ; буду его просить. Онъ меня послушаетъ. Тогда что̀, Галочка?

«И я скажу ему свое, пусть разсудитъ....»

И разошлись порознь, отирая слезы, наплакавшись порядочно.

Старикъ вошелъ въ хату, помолился, взглянулъ на нихъ — и замѣтилъ, что тутъ что-то произошло. Раздѣлся, сѣлъ, и не требуетъ ничего, обѣдать ли, или что другое. Галочка стоитъ подлѣ печи, и ни съ мѣста! наклонила головку и смотритъ.... на свои красные сафьянные башмачки.... и не бросается, что бы чѣмъ услужить отцу. Боится уйти изъ хаты, чтобы безъ нея Семенъ Ивановичь не разсказалъ всего панъ-отцу, а тотъ, чтобъ не рѣшилъ ея участи на вѣчную горесть....

Молча поглядывалъ на нихъ Алексѣй довольно долго, наконецъ рѣшился сказать: Вы что-то себѣ-такіе чудные? Какъ будто чего плакали. Одинъ считаетъ стекла въ окнѣ, а другая песчинки на полу. А? А я, какъ отецъ, чтобы не помѣшалъ вамъ въ чемъ, я не долженъ знать ничего, и потому мнѣ никто ничего не говоритъ. А? Можетъ и такъ; но смотрите, чтобы послѣ на себя не жаловались!...

Выслушавши такой упрекъ, Семенъ Ивановичь бросился къ Алексѣю, обнялъ его и сталъ разсказывать, какъ впервые увидѣлъ Галочку и замѣтилъ ее; какъ далѣе-далѣе полюбилъ, и какъ теперь любитъ ее... И какъ сладко говорилъ! Всю свою душу, сердце свое, мысли и намѣренія, все разсказалъ подробно,

какъ и Галочкѣ не могъ разсказать. Галочка, слушая его, горько плакала. Потомъ Семенъ Ивановичь сказалъ: «Вотъ такъ ее люблю, такъ буду любить повѣкъ! Не могу жить безъ нея! Алексѣй Петровичь! отдай мнѣ ее для радости, утѣхи, вѣчнаго счастья моего! Хочешь, я выйду въ отставку, буду жить у тебя; хочешь, ко мнѣ переѣдемъ, будемъ также жить вмѣстѣ, буду тебя уважать, покоить....» и много подобнаго говорилъ и просилъ о согласіи.

Алексѣй все слушалъ молча, и ни разу не взглянулъ на Галочку. А она, сердечная! блѣдная-блѣдная! руки сцѣпила, сердце бьется сильно, душа боится, и все тѣло трепещетъ, думая: «Вотъ панъ-отецъ велитъ согласиться.... пропала я тогда!...»

Помолчавши, Алексѣй сказалъ: «Знаю, что вы имѣете честную душу, и что ни говорите, все это справедливо. Вы не рѣшитесь погубить дѣвку и еще любящую васъ. Вѣрю вамъ, что вы такъ точно полюбили мою дочь. Какъ бы я былъ другой отецъ, то, можетъ, и обрадовался бы, что мое дитя, мое рожденіе, будетъ благородная, и родъ мой будетъ *пановать*. Но я такъ положилъ: кого Галочка сама изберетъ, за кого пожелаетъ выйти, тотъ и будетъ мой зять. И теперь я противъ ея воли не пойду. Увѣряю васъ, Семенъ Ивановичь, что она мнѣ про васъ еще ничего не говорила. Я самъ только со вчерашняго дня примѣтилъ, что между вами произошло что-то, но и не

спрашивалъ ея, зная ея откровенность, что въ важномъ случаѣ она мнѣ все скажетъ. Пускай же—примолвилъ Алексѣй усмѣхнувшись — такъ и будетъ, какъ Галочка вѣрно вамъ уже сказала.»

— Бѣда же моя, когда ты, панъ-отче, сдаешься на Галочку! сказалъ Семенъ Ивановичь, ударивши рукою по головѣ себя....

«А что? Видно разсудила по своему?»

— Она мнѣ много наговорила, но все не резонно. Чего человѣкъ не хочетъ, такъ найдетъ, чѣмъ отклонить отъ себя....

«Э, нѣтъ же, Семенъ Ивановичь, не гнѣвите Бога!» отозвалася Галочка, рыдая у печи: «Вотъ тутъ посреди насъ Богъ милосердый, тутъ мой таточка родненькій, кого я, послѣ Бога, перваго обожаю, такъ тутъ я скажу, а въ такой часъ неправды не могу сказать; пускай въ первый разъ отъ меня услышитъ мой панъ-отецъ, что я никого не любила; васъ, Семенъ Ивановичь, полюбила, и люблю точно такъ же, какъ и вы разсказываете, что любите меня. И если бы я была вамъ ровня, я бы съ-разу, не думавши, кинулась къ своему счастью; а то....»

— А что же это то? спросилъ Алексѣй: говори,

доня, все, что знаешь; я послушаю и разсужу, къ дѣлу ли твои рѣчи?

Тутъ уже Галочка принялась говорить, а Семенъ Ивановичь сталъ поодаль — и нечего скрывать — частенько утиралъ слёзы.

Пересказала Галочка отцу все то, что и Семену Ивановичу говорила, зачѣмъ и почему ей не можно итти за него; и если такъ любитъ ее, такъ и самъ не захочетъ, чтобъ она чрезъ него страдала.

Выслушавши все, Алексѣй поцаловалъ ее въ голову и сказалъ: «Доня! милое мое дитя! Я зналъ тебя и не боялся ничего. Теперь иди къ себѣ въ свѣтлицу; мнѣ нужно съ Семеномъ Ивановичемъ переговорить посвоему, какъ есть я отецъ своему дитяти. Ты знаешь меня, Галочка, то и не тревожься ни о чемъ.»

Въ полной увѣренности на отца Галочка вышла изъ хаты.

«Семенъ Ивановичь!» сказалъ старикъ: «Какъ Галочка, любя васъ, души въ себѣ не слышитъ, такъ она о васъ только и заботится, а о себѣ и не помышляетъ. Но я, будучи ей отецъ, долженъ объ ней и о себѣ подумать. Положимъ, что она выйдетъ за васъ, но не пройдетъ мѣсяцъ-другой, какъ мы увидимъ ее на столѣ!...»

— Отъ чего же такъ? спросилъ Семенъ Ивановичь: я буду оберегать ее; пылинкѣ не дамъ пасть на нее, ото всего защищу ее....

«Вы? такъ. Вы будете ее любить и уважать. Но люди съѣдятъ ее своими языками! Она у нихъ изъ мужичекъ не будетъ выходить. И такъ и сякъ, и черезъ то и потому онъ женился на ней; навязалась на него.... должно было покрыть грѣхъ!... А вы, Семенъ Ивановичь, грамотные, знаете все, знаете, какъ человѣку тяжко терпѣть и переносить худую славу безвинно! Знаете и то, что когда хоть крошечка дурной славы пройдетъ про человѣка, такъ онъ и чрезъ цѣлый вѣкъ не избавится отъ нея. Въ женскомъ же полѣ еще и горше. Каково же будетъ моему дитяти, которая такъ чиста и непорочна какъ голубица, а ее сегодня ножемъ въ сердце, завтра въ ту же язву!... На долго ли станетъ ея?...» и всплакнулъ горькій старецъ.

—Мы сами отречемся отъ людей: будемъ жить одинъ для другаго, не будемъ знать никого! Такая жизнь самая благочестивая, святая, счастливая!...

«Правда ваша. Будете жить въ любви и въ счастьи.... Богъ благословитъ васъ дѣточками такими, какъ я былъ награжденъ дочерью, на новую вамъ радость и на утѣшеніе.... Но тутъ, вмѣсто того, чтобъ матери—я ничего не говорю о васъ, а только

иро мое рожденіе—матери бы веселиться и утѣшаться дѣточками, имъ нигдѣ отъ языковъ людскихъ покою не будетъ. Всѣ будутъ на нихъ указывать пальцами, всѣ зашикаютъ: «ихъ мать мужичьяго рода, нищая, и вся родня такая и сякая; таковы же и дѣти будутъ....» Всѣ будутъ отъ нихъ удаляться, пренебрегать, упрекать въ томъ, въ чемъ они и не виновны.... А каково это будетъ для матери? Ими, славою ихъ, она живетъ; она готова на всякую муку, всё перенесетъ, душу свою отдастъ, лишь бы имъ было хорошо!... О Семенъ Ивановичъ! Вы не знаете, что дѣти для родителей!... А въ хозяйствѣ вашемъ, подданные ваши, вмѣсто того, чтобъ уважать ее, повиноваться, они будутъ упрекать ее, что и она такая же мужичка, какъ и они....»

—О нѣтъ! Я этаго не потерплю.... строго прикажу, чтобы....

«И что пользы по приказу? Когда человѣкъ самъ собою не пріобрѣтетъ уваженія, такъ хоть и не приказывай! Въ глаза будутъ уважать, а за глаза проклинать. Достанется и мнѣ на старости: я буду имъ какъ бѣльмо въ глазѣ. Какъ хотите, а подъ часъ и вы постыдитесь уважить меня, какъ тестя, при людяхъ! Галочка за этимъ будетъ пристальнѣе наблюдать нежели я, и все замѣтитъ. Она моя кровь. Черезъ мое униженіе, черезъ людскіе упреки, чрезъ непорядки въ хозяйствѣ, черезъ дѣтскій за нее стыдъ, и не

очувствуемся, какъ она, моя голубочка! ляжетъ въ сырую землю!... Не будетъ, сердечная, знать счастья и спокойства въ замужствѣ, не будетъ утѣшаться дѣточками; въ горѣ, въ слезахъ, въ тоскѣ угаснетъ какъ свѣчка!... И если бы безъ вины: а если же, въ такомъ дѣлѣ, каково есть неравный бракъ, да, быть можетъ, заключается грѣхъ?»

— Эхъ, Алексѣй Петровичь! Передъ Богомъ всѣ равны!

«Такъ; равны по дѣламъ своимъ, какъ явимся туда. Тутъ же намъ должно знать, что то есть начальство. Каково бы было безъ него?»

— Безъ начальства же и не можно; и благо намъ за нимъ. А что люди, такъ всѣ братья и слѣдовательно равны.

«Охъ, что вы это говорите? Я просто читать умѣю, а таки начитываю и понимаю, что еще съ начала вѣка, отъ самаго Адама, уже были благородные и простые.»

— Гдѣ это ты, Петровичь, начиталъ? усмѣхнувшись спросилъ Семенъ Ивановичь.

«Нигдѣ же, какъ въ св. Библіи. Вѣдь помните, что потомки Сифа, сына Адамова, звались сынами Божіими, а Каиновъ родъ сынами человѣческими.

Хотя оно и не то, что благородные и простые, какъ мы теперь раздѣляемъ, но все одни лучшіе, а другіе пониже. Съ тѣхъ-то временъ такъ и пошло. Когда же начали мѣшаться сыны Сифовы съ родомъ Каиновымъ, вотъ и умножилися на землѣ грѣхи до нѣсть конца и до того, что Богъ истребилъ всѣхъ водою. Читаемъ же и далѣе, что святымъ мужамъ повелѣвалося всегда брать женъ изъ своего рода, а отнюдь не изъ чужаго. И у Іудеевъ одно колѣно было лучшее передъ прочими; и часто, въ Библіи-же, поминается «людіе и народъ.» Такъ вотъ видите, есть различіе. И если бы это было не отъ Бога, а отъ гордости сильныхъ, то давно бы Богъ, противящійся гордымъ, истребилъ и искоренилъ панство. Все это видѣвши, какъ мнѣ пойти противъ закона и порядка, отъ Бога даннаго, и въ вашъ родъ, благородный, отдать свое дитя, рожденное въ простотѣ и мужичствѣ? Не будетъ благословенія Божіяго! А я не хочу этаго ни Галочкѣ, ни всему потомству моему, если Богъ благословитъ меня имъ.»

Много такаго они говорили и долго спорили между собою, то изъ писанія, то и своими словами, и все-таки Семенъ Ивановичь не убѣдилъ Алексѣя — на чемъ въ тотъ день такъ и осталося. Всѣ были вмѣстѣ, говорили между собою свободно и пріятно.... Когда же Алексѣй выходилъ куда, то Семенъ Ивановичь, лаская Галочку, просилъ, чтобъ перемѣнила свои мысли и вышла бы за него; но она все держа-

лась своего и, плача, умоляла его не вспоминать больше о томъ.

«Хорошо!» сказалъ Семенъ Ивановичь, уже передъ свѣтомъ, проходивши всю ночь по своей комнатѣ и все думая, да придумывая, какъ-бы поставить на своемъ? «Хорошо, говоритъ, сдѣлаю такъ. Увижу, чѣмъ будетъ тогда отговариваться?» И спалъ ли, не спалъ въ ту ночь, а утромъ рано онъ уже и у Галочки.

Лаская ее, сказалъ, что, получивъ дозволеніе отъ начальства, ѣдетъ завтра къ себѣ, въ Прилуки.

«На долго же?» встревожась спросила Галочка.

— Такъ-что недѣли двѣ или три проѣзжу. Не близко отсюда.

«Зачѣмъ же вы поѣдете?»

— Дѣло есть.

«Галочка! сказалъ Семенъ Ивановичь, поцаловавъ ее крѣпко:» Не уже ли ты думаешь, что я только такъ, безо всего, поговорилъ съ тобою и съ твоимъ отцемъ о счастіи моемъ, и выслушавши, что вы мнѣ говорили, согласился съ вами и оставилъ свое намѣреніе? Это бы мнѣ лучше живому лечь въ

землю! Нѣтъ, я такъ не оставлю. Поѣду домой, возьму отъ брата и отъ всѣхъ родныхъ такую бумагу, что они не только позволяютъ, но еще и просятъ меня, чтобъ я женился на.... обы....вательской дочери.

— Говорите, Семенъ Ивановичь, прямо: «на мужичкѣ.» Эге! видите? уже вы и безо всего стыдитесь сказать, что женитесь на мужичкѣ!

«Нѣтъ, душка»... это не то.... продолжалъ Семенъ Ивановичь, но ясно видно было, что его смѣшало Галочкино замѣчаніе. Вотъ, взявши такія бумаги, возьму и отъ духовныхъ листъ, что нѣтъ грѣха жениться «на неравной» какъ твой отецъ говоритъ. Возвратясь, буду просить своихъ начальниковъ, чтобъ уговорили твоего панъ-отца и попрошу здѣшняго протопопа, чтобы поговорилъ съ нимъ изъ писанія.»

Выслушавши это, Галочка какъ будто помертвѣла! Подняла свои глазки, полные слезъ, къ Богу, тяжело вздохнула и сказала: «вы-таки все свое!»

«И умру съ тѣмъ, и таки-доведу конецъ по своему желанію!»

— Не знаю! тихо и грустно проговорила Галочка.... Во весь тотъ день она крѣпко тосковала и

не мѣшала Семену Ивановичу пересказывать Алексѣю, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ свой край.

Алексѣй же, выслушавши все, сказалъ: «Увижу, что вашъ братъ и родные скажутъ. Послушаю, какъ разсудитъ и духовный чинъ. Тогда скажу свое послѣднее слово — и дѣлайте, какъ знаете!»

Услышавши это, Галочка поспѣшила въ свою комнату, ломая руки.

Во весь тотъ день Галочка крѣпко горевала: все сидитъ противъ Семена Ивановича, быстро смотритъ на него, а того, о чемъ говорятъ, она и не слышитъ. Долго смотря на него, когда—видно—станетъ ей на сердцѣ очень тяжело, то она выбѣжитъ въ комнату — и ужасъ какъ плачетъ....

Настало время проститься.... Галочка — и мѣры нѣтъ, какъ плакала! — цаловала его, прижимала къ себѣ, хочетъ что-то сказать, но за слезами не можетъ выговорить слова.

Алексѣй, сложа руки, смотритъ на это, а слезы съ глазъ такъ и льются....

Семенъ Ивановичъ, надѣясь скоро возвратиться и все устроить по желанію, хотя вовсе не съ грустью разставался, но не могъ удержаться отъ слезъ. Ца-

луетъ ее и все проситъ, чтобы она не грустила, что онъ скоро возвратится и привезетъ общее ихъ счастіе.

Уже совсѣмъ распрощалися. Уже Семенъ Ивано-вичь вышелъ изъ хаты, и Алексѣй пошелъ провожать его.... какъ вотъ Галочка крикнула: воротитесь еще Семенъ Ива....

И уже онъ въ хатѣ, и бросился къ Галочкѣ.... она обняла его, цалуетъ и силится говорить: въ по слѣднее.... но слезы залили слова!...

«Въ послѣднее цалую васъ!« такъ говорила Га лочка: въ послѣднее прощаюсь съ своимъ счастіемъ!.. Мнѣ уже не можно будетъ и этаго слова сказать!... Не забывайте меня!... Не забывайте, какъ я сильно любила васъ, и отъ такой любви что для вашего сча стія сдѣлала.... Благодарю васъ, что и вы меня лю били!... что вы дали знать счастіе на семъ свѣтѣ!.. Прощайте навѣкъ!...

Тутъ она отпустила его; тихо, едва переступая пошла въ комнату и упала предъ образомъ.... Как же услышала, что въ послѣдній разъ затворили нимъ дверь, въ послѣдній разъ слышала его голосъ то и зарыдала!... Душу свою готова была выплакать

«Встань, доненька, встань!... не плачь, не г рюй, не убивайся такъ!... Когда точно такъ крѣпк

любишь его, такъ что же? иди уже за него... Я, хотя уже и къ ночи, я самъ пойду и приведу его, не разрывайте своихъ сердецъ!... Можетъ... найдете свое счастье.»

— Пускай завтра, таточка, обо всемъ поговорю съ вами.

Назавтра Галочка вошла къ отцу... Господи, блѣдна какъ смерть!... Кровинки нѣтъ въ тѣхъ щечкахъ, что, до сего времени, какъ розы алѣли; глазки ея покраснѣли, распухли... видно было, что всю ночь плакала; а сама... такъ отъ вѣтра и валится!...

Увидѣвши ее, Алексѣй испугался... «Доня, моя милая!» началъ говорить цалуя ее: «утѣха моя, Галочка несчастная! ты, страдая такъ, раздираешь мое сердце!... Каково мнѣ видѣть, что ты сама себя живую въ гробъ кладешь... И я не спалъ всю ночь, и плакалъ о тебѣ и о нашемъ Семенѣ Ивановичѣ... жалко мнѣ его! Раздумавши все, потомъ помолясь Богу, рѣшился, что будетъ—то будетъ; не буду васъ разлучать. Всякій грѣхъ возьму на свою душу... самъ пострадаю, а не отниму вашего счастья... и съ сею мыслію послалъ работника за нимъ, чтобы скорѣе ѣхалъ сюда...»

Галочка такъ и задрожала и быстро спросила: что же?—

Лиха година! работникъ уже не засталъ его; чуть свѣтъ онъ уже выѣхалъ; такъ сказалъ день- щикъ его.

— Мнѣ легче стало! сказала Галочка отдох- нувши. Нѣтъ, таточка-голубчикъ! Не дѣлайте эта- го, не губите меня вовсе, и не берите грѣха на ду- шу свою. Не безпокойтесь обо мнѣ; мнѣ тяжело только въ это время; пройдетъ все. Теперь, панъ- отченко, отпустите меня въ Хорошевскій монастырь; я тамъ проживу до воскресенія, и потомъ уже буду просить исполнить послѣднюю мою волю....

«Что хочешь, то и дѣлай, доня; поѣзжай, куда хочешь: ни въ чемъ тебѣ не запрещаю, лишь бы ты перестала такъ терзаться.»

— Перестану, таточка, и когда станетъ у меня силы, когда совладѣю съ моимъ сердцемъ и исполню мое намѣреніе, тогда не увидите вы моей скорби....

Собралъ Алексѣй ее и отправилъ въ монастырь къ знакомымъ монахинямъ. Она тамъ молилась, от- говѣла, совѣтовалась съ монахинями, могущими на- ставить ее. Тотчасъ съ воскресенія она и возврати- лась домой. Видитъ Алексѣй, что она, какъ будто сдѣлалась бодрѣе.... Смутна, очень смутна! Иногда какъ задумается, такъ будто и не помнитъ ничего

сидитъ, молчитъ и все руки ломаетъ; но по лицу ея замѣтно было, что она имѣетъ какое-то намѣреніе, но не рѣшится сказать отцу.... А иногда, но рѣдко, будто и разсѣется, заглянетъ по хозяйству и кое-за-чѣмъ присмотритъ, но все это не надолго....

Утромъ, во вторникъ, вошелъ Алексѣй въ хату и сѣлъ читать Четь-Минею. Галочка, прилежно помолясь Богу, вышла изъ комнаты къ отцу, идетъ... и насилу ноги передвигаетъ.... и пала къ ногамъ отцовскимъ.

«Спаси меня, таточка-голубчикъ!» даже закричала Галочка, заливаясь слезами: «не дай мнѣ совсѣмъ погибнуть!»

— Что такое?... что, моя дочечка? бросился Алексѣй, поднимаетъ ее и удивляясь, что это съ нею: встань, говоритъ, моя крошечка, моя лебедочка!

«Не встану, панъ-отченко, пока ты меня не утѣшишь, не обрадуешь меня, увѣривъ, что сдѣлаешь то, о чемъ я въ послѣдній разъ тебя буду просить».

— Все, все сдѣлаю, моя звѣздочка! Не уже ли ты меня не знаешь, что я душу свою готовъ за тебя положить?

«Спасибо тебѣ, мой таточка родненькій! Не откажи и теперь....« и привстала на колѣна, и начала цаловать его руки: «Панъ-отченко, голубчикъ!... Отдай.... меня замужъ!...«

— Хорошо, моя донечка! Насилу же ты надумалась! Я и самъ хотѣлъ просить тебя о томъ. Вотъ онъ уже скоро и возвратится; или лучше, наймемъ кого и пошлемъ къ нему, чтобъ поспѣшалъ....

«Нѣтъ, панъ-отченко! Скрой меня отъ этой бѣды!... Отдай меня, только не за него!...».

— За кого же тебя, доня, отдать?

«За кого хочешь, за кого вздумаешь, таточка! лишь бы не за него. Поспѣши родненькій, пока онъ не пріѣхалъ!...«

— Что это ты, Галочка, надумала? Встань и сядь подлѣ меня, прилягъ къ моему сердцу и раскрой мнѣ свою душу: что это за мысль у тебя?

«А вотъ, таточка, какую мысль мнѣ, не кто, какъ Богъ послалъ. Вотъ-вотъ онъ возвратится, пристанетъ не ко мнѣ, а къ вамъ; пригласитъ начальниковъ своихъ; а они, что имъ за дѣло до чужой участи? лишь бы услужить ему, станутъ васъ уговаривать, упра-

шивать; перемѣнятъ ваши мысли о счастіи моемъ. Вы прикажете мнѣ итти, а тутъ еще и мое сердце сговорится съ вами, и я выйду за него!... И тѣмъ погублю навсегда того, за кого бы я отдала послѣднюю каплю крови, и чтобы доставить ему покойную и счастливую жизнь, готова перенести всѣ мученія! Мысль, что я, вышедши за него, буду причиною всѣхъ бѣдъ его, убиваетъ меня!... Такъ, чтобъ положить одинъ конецъ, отдайте меня, таточка, за-мужъ. Онъ увидитъ тогда, что все кончено, самъ одумается и... найдетъ свое счастіе!...

— Будешь ли ты, доня моя, счастлива съ кѣмъ другимъ? Не погубишь ли ты себя, отдавшися нелюбу — и еще цѣлый вѣкъ жить съ нимъ!

«И! уже мое счастье! Все равно мнѣ бѣдствовать! За кого бы я ни вышла; кромѣ него всякъ мнѣ нелюбъ!... Онъ будетъ свободенъ, счастливъ.... чрезъ то облегчится мое горе! Для него все перенесу!»...

—Но ты тѣмъ сократишь свой вѣкъ?

«Теперь мнѣ очень-очень тяжело!... Но когда все исполнится, я надѣюсь, что.... Таточка! я говѣла, я молилась; сдается мнѣ, что я дѣлаю хорошо, исполняю свой долгъ.... Меня Богъ не оставитъ; я еще утѣшу тебя собою въ старости твоей!...»

Долго они объ этомъ говорили.... и что-то, какъ люди съ разсудкомъ! подумали, посовѣтовались, обсудили дѣло со всѣхъ сторонъ, и положили, что точно Галочкѣ, чтобъ не отяготить чужой судьбы, должно вытти за ровню — «а то въ самомъ дѣлѣ» сказалъ Алексѣй: «я не вытерплю, перемѣню свои мысли и буду приставать къ тебѣ.... потому-что крѣпко хорошій человѣкъ!... Охъ, какъ мнѣ жаль его!»

— Потому-то и должно поспѣшать окончаніемъ моего памѣренія; а то, какъ онъ вдругъ пріѣдетъ..... тогда пропала я!...

«За кого же тебя, душка, отдать? Выбирай сама: ты знаешь всѣхъ жениховъ, которые вотъ и недавно засылали сватовъ; скажи, кого? тотчасъ пошлю и такую свадьбу отгуляю, что ну! Такъ попразднуемъ, чтобъ никакая туга не отозвалася ни у меня, ни у тебя!»

— Не хочу я, панъ-отченко, ни за кого изъ тѣхъ жениховъ. Они пышные, богатые, будутъ умничать. Въ первые годы, пока я осмотрюсь, тяжко будетъ моему сердцу! а они не дадутъ мнѣ воли и наплачкаться о моей долѣ!... Не знаешь ли, таточка, какого сироты, бѣднаго? Пріими его вмѣсто сына, отдай ему наше имущество и меня несчастную!... За то добро, что мы ему доставимъ, онъ будетъ насъ уважать

и все уже не такъ будетъ властвовать надо мною.... Найди такаго, приведи и скажи мнѣ: «вотъ твой мужъ!» и я поклонюсь тебѣ въ ноги!...

Долго думалъ Алексѣй, гдѣ найти человѣка, приличнаго ихъ положенію; потомъ сказалъ: «допя, Галочка! когда такъ.... иди за Николу!»

— Хорошо, панъ-отченко! скоро, рѣшительно отвѣчала Галочка.... и словно льду кусокъ упалъ на ея сердце!... Она сказала роковое слово.... рѣшила навсегда участь свою!... прервала всѣ связи съ счастіемъ, радостями, спокойствіемъ, съ самою жизнію!... Кто же это Никола? спросила она потомъ разсѣянно, безъ особаго вниманія.

«Никола круглый сирота, честнаго, хорошаго рода, только бѣдность такая, что и не было и нѣтъ ничего. Я, видѣвши, что онъ парень смѣтливый, работящій, всему расчетъ знаетъ, переговорилъ его отъ купцовъ къ себѣ, когда ему былъ только пятнадцатый годъ и обѣщалъ наградить его. И какой же парень удался? За всѣхъ все сработаетъ, никогда не залѣнится; хозяйское добро, какъ глаза, бережетъ; и спасибо ему, много приберегъ и сохранилъ моего! Куда надо, я его посылаю съ товаромъ своимъ; все кончитъ наилучше и во всемъ дастъ отчетъ. Какъ у купцовъ бываетъ прикащикъ, такъ онъ у меня: моя

правая рука. И товарищи уважаютъ его: иногда, знаешь, бываетъ между ними споръ, несогласіе; онъ все разберетъ и разсудитъ по всей справедливости. Притомъ же онъ и собою видный, статный, ловкій и красивъ....

«Ахъ, таточка!... Мнѣ этаго и не говори!...«

— Такъ, когда такъ, доня, такъ и такъ! Когда уже твердо рѣшилась итти за кого-нибудь, такъ выходи за Николу.

«Пойду, таточка.... съ великою радостью!.... Сдѣлай же милость, панъ-отченко, поспѣшай и кончи все скорѣе! Если бы можно, чтобъ сегодня же насъ и обвѣнчали....«

— Какъ это можно? Хотя бы успѣть въ воскресенье....

«Пріѣдетъ, таточка, пріѣдетъ!« вскричала Галочка, ломая руки: и все мое пропало тогда!...

— Что же дѣлать! надо приготовиться....

«Чего тутъ приготовляться? До танцовъ ли и плясокъ тутъ? Лишь бы въ законъ войти. Мое дѣло сиротское.... а то, чтобъ за сборами вы мнѣ не надѣлали *горшаго лиха*.«

Долго совѣтовалися; и дочь выплакала-таки у отца, чтобъ завтра вѣнчаться, и чтобъ не было никакихъ церемоній по обычаю. Галочка говорила: онъ сирота, и я также; чего же разбирать? Попросимъ самыхъ старыхъ *родичей*, вы насъ поблагословите, обвѣнчаемся; что Богъ дастъ, пообѣдаютъ; гостей попотчиваете, чѣмъ пожелаете, отпустите ихъ. Это веселіе (свадьба) тѣ же похороны!

Какъ дочь напросила, такъ отецъ и рѣшился.

— Надо же, сказалъ Алексѣй, покликать жениха.

«Покличьте, таточка! Когда начали, то и оканчивайте.

Старикъ самъ пошелъ за Николою и выходя сказалъ: Ожидалъ ли онъ себѣ такаго счастія?... И я... ожидалъ ли такой доли своему дитяти?...

Оставшися одна въ хатѣ, Галочка вздрогнула... и сказала: «Теперь, Семенъ Ивановичь, прощай на вѣчные вѣки!... Вотъ, какъ сильно я любила тебя, что топлю свою молодость, *дѣвованье*, иду на вѣчныя слезы, на тугу, на всѣ мученія души, лишь бы отъ тебя отвести малѣйшую бѣду!... Не говорю тебѣ: люби меня! не можно... это противъ закону; но вспо-

минай обо мнѣ, оцѣни, что я сдѣлала для тебя.... и какъ умѣешь, будь мнѣ благодаренъ!... Уже настаетъ година, что и вспомнить мнѣ тебя будетъ грѣхъ!... Прощай, мой миленькій!...

Платочекъ, что держала въ рукахъ, весь смочила своими горькими, кровавыми слезами!

Теперь, опять сказала, все кончено!... Закрылся для меня бѣлый свѣтъ! и начала молиться Богу, кладя земные поклоны, чтобы Богъ послалъ ей силы перенести эту годину, перемочь свое сердце, исполнить законъ.... а тамъ!...

То плача, то клавши поклоны, разкраснѣлась Галочка.... и какъ она была хороша!... Вотъ какъ румяная заря догораетъ, а тутъ застилаютъ ее черныя тучи, и она какъ будто спѣшитъ красоваться и веселить міръ Божій, что отодвинулъ бы тѣ мрачныя тучи и все бы смотрѣлъ на эту зарю. Такъ была и Галочка тогда!... Чего бы не сдѣлалъ, чего бы не отдалъ, чтобы только она была счастлива!...

Вошелъ Алексѣй съ Николою. Галочка стоитъ при концѣ стола.... и не глянула на своего суженаго... она отцовыхъ работниковъ вовсе никого не знала. Чего же ей было теперь смотрѣть на него и разсмат-

ривать, каковъ собою тотъ, съ кѣмъ тяжкая, горькая доля привела жить весь вѣкъ!

Алексѣй, сѣвши на лавкѣ, подумалъ, вздохнулъ, и говоритъ:

«Еще въ молодости твоей приговорилъ я тебя служить у меня и обѣщался, когда будешь мнѣ вѣрно и честно служить, не оставить тебя и наградить. Ты служилъ мнѣ такъ, что дай Богъ и товарищъ такъ бы наблюдалъ за моими пользами. Спасибо тебѣ!

Никола низко поклонился.

«Пришла и моя очередь,» продолжалъ Алексѣй, слово сдержать и отблагодарить тебѣ, Никола! Единственная моя радость на свѣтѣ, утѣха моя, счастье все.... единственное мое дитя, моя Галочка.... вотъ она!... возьми ее!... возьми — и меня... не покинь...! зарыдалъ громко и не могъ продолжать.»

«Какъ это... дядюшка?..» Никола спрашиваетъ, самъ блѣдный, трясется и боится, думая, такъ ли онъ слышитъ.

— Такъ, Никола!... будь мнѣ зятемъ!... Береги, уважай мою Галочку, что Богъ тебѣ посылаетъ въ

жену. Сдѣлай ее счастливою, и тебя Богъ не оставитъ!

«Не смѣетесь ли вы надо мною?« едва могъ проговорить Никола.

— Это не смѣхъ и не шутка; это важный, святой часъ. Я, отецъ, имѣя на свѣтѣ одно дитя, вручаю тебѣ его навѣки, надѣясь, что никто кромѣ тебя не сдѣлаетъ ее счастливою!...

Никола такъ и бросился къ ногамъ Алексѣя и началъ говорить:

Достоинъ ли я такой чести?... Я, круглый сирота... *ни роду, ни плоду*; вы меня поставили на ноги, вы меня къ разуму довели.... я васъ зналъ и почиталъ какъ отца роднаго!... Объ Алексѣевнѣ, вотъ объ Галочкѣ и думать никогда не смѣлъ!... Кто она и кто я, мизерный?... Смѣю ли?...

«Когда я вручаю тебѣ ее,« сказалъ Алексѣй, поднявши его отъ ногъ своихъ; когда я прошу тебя: будь моимъ сыномъ; сбереги мою Галочку!

Тутъ подошла Галочка, и какъ никто не ожидалъ, упала къ ногамъ Николинымъ.... тотъ силится поднять ее, а она противится и проситъ его: Ни о

чемъ тебя не прошу, только будь ко мнѣ добръ, снисходителенъ!.. Не уважай, когда буду иногда грустна.... это пройдетъ. Я буду тебѣ покорна, буду уважать тебя; доведу до того, что ты, видя доброту мою, полюбишь меня!.... Не упрекай мнѣ, когда... иногда.... я и сама не знаю, какова буду! Не уважай тѣмъ, а доведи меня обращеніемъ своимъ и снисхожденіемъ, чтобъ я тебя.... черезъ тебя имѣла хоть маленькую отраду, меньше бы чувствовала свое горе! Прежде всего помолимся Богу святому, чтобы помогъ намъ жить, какъ я говорю; а послѣ поклонимся нашему панъ-отцу: пускай благословитъ насъ и молится за насъ, дѣтей своихъ!

Алексѣй снялъ со стѣны образъ; *молодые* начали молиться; Никола палъ предъ образомъ на колѣна и сказалъ: Петровичь! или какъ вы мнѣ повелѣваете: панъ-отецъ! и вы, Алексѣевна! Вотъ вамъ Богъ милосердый; предъ Его образомъ присягаю вамъ: васъ, Алексѣевна, любить, уважать, почитать, не какъ мою жену, но какъ мою *господыню*, повелительницу... никогда и ни въ какомъ случаѣ не услышите отъ меня никакаго противорѣчія, а тѣмъ болѣе досаднаго слова. Буду для васъ такой же работникъ, какъ былъ до сего часа. Вы имѣете надо мною волю; вы умнѣе меня, вы научайте меня во всемъ. Петровичь! Я отца и матери не помню. Вы мнѣ ихъ замѣнили. Будьте же мнѣ какъ и были, хозяиномъ, благодѣтелемъ,

повелѣвайте мною точно также, какъ и во все время. Какъ радѣлъ о вашемъ имуществѣ, такъ и буду продолжать всегда. Вы будете покойны отъ меня во весь вашъ вѣкъ. Теперь, панъ-отче, благословите меня па начало, и я увѣренъ, что вы благословите меня и на исполненіе всего этаго!

Тутъ онъ и Галочка пали къ ногамъ отца.... Какъ плакала Галочка!

Алексѣй благословилъ ихъ на новую жизнь, и все прилично и хорошо приговаривалъ; просилъ Бога послать на нихъ милость Свою.

Потомъ посадилъ ихъ въ парѣ, наставлялъ ихъ, какъ жить согласно, какъ уважать, какъ снисходить другъ другу.... долгонько обо всемъ имъ говорилъ.

Посидѣвши, сказалъ, что надобно приготовляться; завтра свадьба.

Никола уже помогалъ тестю своему, въ чемъ нужно было. Припросили родныхъ, сосѣдей, для приготовленій. Галочка, въ чемъ душа, туда же съ ними хлопочетъ и все поспѣшаетъ, всѣхъ торопитъ, чтобъ скорѣе все дѣлали, какъ будто спѣшила къ счастью своему и боялась, чтобы кто не помѣшалъ.

У богатаго и есть изъ чего, и есть кому все строить; такъ и не мудрено, что къ завтраму все оспѣло.

Самые ближніе родные были прошены. Удивлялись, толковали, какъ это Алексѣй, такой богатый, днимъ-одну дочь и отдаетъ за своего работника и ще за бѣднаго! Лучше бы отдалъ — кто скажетъ — а купца; кто за поповича; а иной говорилъ: «можетъ бы, иной и панъ не погордился бы взять такую ралю, да съ такимъ богатствомъ! и много такаго ыло говорено. Какъ же обдарили ихъ и все хороши- и платками и вышитыми рушниками, такъ они и амолкли и затихли, надѣясь послѣ погулять знатно, акъ обычай велитъ.

Принарядилася Галочка къ вѣнцу.... все просто; е надѣла изъ дорогаго ничего: ни плахты, ни наиста, а такъ, какъ прилично сиротѣ... Но какъ быа хороша! Вотъ уже справедливо, что хоть на каринѣ написать!... Очень хороша была!... Но только ѣмъ чудно было видѣть ее, что какъ будто *она* быа не-*она*! Глазки быстрые какъ будто горятъ; краса въ щочкахъ такъ и переливается; то вдругъ стаетъ очень блѣдна.... то опять румянецъ вспыхнетъ. ойдетъ проворно, даетъ порядокъ, всѣхъ торопитъ.... вдругъ руки опуститъ, головку потупитъ, и гдѣ тоитъ, не знаетъ; что дѣлала, куда шла, все забуетъ!... Говоришь къ ней, она отвѣчаетъ не то; то

вдругъ смотритъ быстро на всѣхъ и какъ-будто удив
ляется, чего это люди сошлись и перевязанные плат
ками и рушниками расхаживаютъ?... Оглядывается
кругомъ, глянетъ на себя.... и помертвѣетъ!... Вотъ
такая она была!

Вошелъ и Никола принять благословеніе... и
что же? не надѣлъ ни той свиты, ни того жупана, что
Алексѣй подарилъ его къ вѣнцу; а надѣлъ, хотя и
хорошаго сукна, но простую, сѣраго сукна свиту, и
прочее все было на немъ просто.

Зачѣмъ ты, Никола, не нарядился въ ту свиту,
что тесть подарилъ тебѣ? Такъ спрашивали его жен
щины: и жупанъ-было надѣть. — Не идетъ дѣло,
отвѣчалъ Никола: меня беретъ панъ-отецъ изъ работ
никовъ, и я, батракомъ, въ своемъ видѣ, должен
явиться передъ Господа Бога, и принявши отъ Него
Галочку съ моимъ счастьемъ, тогда, черезъ нее, стан
чѣмъ-нибудь лучшимъ. Теперь же я, самъ по себѣ
еще ничто!

И благословилъ же Алексѣй Галочку къ вѣнцу
и проводилъ ее, точно какъ на кладбище!... А пла
калъ точно какъ ребенокъ!... Тяжко было ему на ду
шѣ, хотя исполняя дочернину волю; но какая эта во
ля ея была!... Это все равно, какъ бы она, выбран
ножъ, просила бы именно этимъ ножемъ зарѣзать ее

Шла бѣдная Галочка въ церковь скоро, быстро и все спѣшила; ни на кого не смотрѣла; никуда не оглядывалась.... Сама подошла къ вѣнцу; но какъ стала на подосланный рушникъ, окинула глазками вѣнецъ .. встрепенулась какъ рыбка, подняла глазки вверхъ... и слезы въ нихъ заблистали!...

Священнику отвѣтъ, что идетъ по своей волѣ, и что никому прежде не обѣщалася, сказала твердо, громко.... Можно было справедливо заключить: что она ни дѣлала, приступая къ замужству, подходя къ вѣнцу, все дѣлала словно не въ своемъ умѣ; а какъ будто особая сила какая управляла ею противъ ея воли. Душа, разсудокъ повелѣвали ей хоть погибнуть, а не довести милаго человѣка до несчастной жизни, женясь на неровнѣ... такъ сердце не того желало! Оно крѣпко въ ней бушевало и хотѣло поставить на своемъ: хоть на годочикъ, хоть на мѣсяцъ, хоть на денечикъ узнать счастье, пожить съ милымъ, чего и онъ крѣпко желалъ!... и кто знаетъ? Можетъ, и не было бы ничего такаго, чего боится душа!.... Вотъ съ такими-то мыслями все боролась Галочка... и вотъ онѣ... чуть-чуть не побѣдятъ!... и побѣдили бы, если бы у нея былъ разсудокъ слабѣе и твердости меньше; какъ ни настойчиво требовало, какъ ни жалостно молило сердце, но не успѣло... И Галочка, отъ того, точно какъ свѣча горѣла, пока достаточно было воску: а какъ онъ догаралъ, такъ и свѣча гасла все болѣе и болѣе; такъ и она крѣпилася, что-

бы стало силъ окончить все; а тутъ за каждымъ словомъ, какъ отчитывали молитвы, то и она словно угасала; не нужно было ей уже твердости, все исполнила; и при послѣднемъ дѣйствіи, при обхожденіи около налоя, такъ она не смогла уже сама по себѣ итти, а шепнула подружкѣ, державшей вѣнецъ надъ нею: «Веди меня... я упаду!» И точно, если бы не подружка и еще одинъ изъ родныхъ, то она бы не могла итти!

Когда кончился вѣнецъ, и должно было класть поклоны, она уже и не поднялась сама!... Бросились къ ней, брызнули водою и кое-какъ привели ее въ чувство!... Уже не могла сама итти домой; Никола съ бояриномъ едва довели ее.

Какое же гулянье на такой свадьбѣ? Угостили ли, попотчивали ли чѣмъ родичей, а скорѣе ихъ и отпустили...

И что же? какъ ни странно выходила за-мужъ Галочка за своего батрака, имѣя множество жениховъ наилучшихъ и богатыхъ; и еще такъ поспѣшно, безъ сборовъ, безъ приборовъ, безъ всякаго веселья... знали и то, что еще отъ самаго поста часто прихаживалъ къ нимъ какой-то офицеръ, просиживалъ у нихъ цѣлые дни, и часто поздо вечеромъ возвращался—все это знали... и какая пища для злословія!.... Но никакая худая слава не проходила про

Галочку: во-первыхъ потому, что очень хорошо знали ее, что она не приступила бы ни къ чему худому ни за *всѣ золотыя горы*; а во-вторыхъ, что тогда не умѣли поносить и порицать людей, язвить языками, а наиболѣе не касаться къ дѣвичей чести; никто не смѣлъ ни про одну дѣвушку выпустить и пол-словечка. Попробовалъ бы кто *сбрехнуть* на которую-либо, такъ бы всѣ и возстали на такаго! Изъ *брехуновъ* повѣкъ бы не вышелъ. И старики, бывало, приказываютъ молодымъ: знаешь не знаешь, молчи; когда же навѣрное что̀ знаешь, что самъ именно видѣлъ, то и тогда не смѣй разглашать, а скажи старшему въ своей семьѣ тихонько, когда что нужно предупредить; а нѣтъ? такъ и молчи-себѣ; дѣвичья слава, какъ бѣлое полотно: пылинка падетъ, и то видно. Чрезъ такой порядокъ, бывало, и дѣвки берегутся — Боже упаси! Смѣло можно сказать: не только въ сотнѣ, но между тысячью дѣвокъ, не было ни одной, которая бы забыла себя, не какъ теперь: проходя улицею, десятками насчитаешь! Святое дѣло, старина!.... Не уже ли она никогда не воротится?...

Прошло уже поболѣе двухъ недѣль, какъ Галочка вышла за Николу. Какъ вотъ, въ одинъ день, старый Алексѣй сидитъ въ хатѣ и читаетъ Четь-Минею; Николы не было дома, пошелъ къ человѣку за дѣломъ. Галочка сидитъ у окна, собиралася шить рубашку мужу, покроила, а теперь и не разберетъ, что и куда слѣдуетъ... да, видно отъ того, и заду-

малась; сложила ручки на работу, головку склонила, и думаетъ... Да какая *гарная молодичка!* Уже точно нельзя было рѣшить: красивѣе ли она была дѣвкою, убирая голову длинными своими косами, да дорогими, золотыми сѣтками; или какъ теперь въ парчевомъ, золотомъ *очипкѣ*, что очень ей къ лицу: все такъ и глядѣлъ бы на нее! Хотя въ лицѣ и крѣпко похудѣла, и румянецъ на щочкахъ пропалъ; но все казалось, что ей такъ лучше, красивѣе было.

Какъ такъ сидятъ-себѣ, вотъ... колокольчикъ.... и ближе, все ближе... и какъ-разъ замолчалъ подлѣ хаты....

Галочка глянула въ окошко... «Охъ!» только и могла вскрикнуть; руки и ноги затряслись, едва встала... хочетъ спѣшить въ комнату... и съ мѣста не можетъ двинуться...

«Что тамъ такое?» спросилъ Алексѣй, худо слышавъ, что кто-то подъѣхалъ.

—Онъ, таточка!... это онъ!... задыхаясь вскрикнула Галочка и бросилась въ комнату...

Тутъ, какъ-разъ, опрометью въ дверь.... и кто же? Семенъ Ивановичь!...

«Здравствуй, мой любезный пріятель, Алексѣй Петровичь!» крикнулъ Семенъ Ивановичь, вбѣжавъ въ хату, и бросился обнимать его. «Каково поживаешь?»

— Спасибо Богу! отвѣчалъ Алексѣй, что и обрадовался увидѣвши его, а какъ вспомнилъ, что̀ тутъ безъ него совершилось, такъ у него душа такъ и покатилась, и не знаетъ, какъ ему и быть, и думаетъ: «Будетъ тутъ много шуму!»

«Гдѣ Галочка моя? здорова ли она? Уже теперь она совершенно моя! Вотъ, Петровичь, привезъ тебѣ письма и отъ брата и отъ дяди моего, старшаго брата отца моего. Тутъ тебѣ всё доброе пишутъ. Такъ говорилъ Семенъ Ивановичь.... сердечный! веселъ, говоривъ и не ожидаетъ надъ собою бѣды; сѣлъ на лавку и сталъ доставать тѣ письма.

«Не безпокойтеся, Семенъ Ивановичь!» сказалъ старикъ: письма прочтете послѣ... можетъ, вы желали бы видѣть Галочку?»

— На, панъ-отче, читай эти письма, а я побѣгу, отыщу Галочку, что, можетъ, и не знаетъ о моемъ пріѣздѣ. Отыщу и приведу къ тебѣ, а ты насъ благослови, какъ дѣтей своихъ. Теперь ни въ чемъ нѣтъ препятствія, и хотѣлъ-было бѣжать изъ хаты отыскивать Галочку... но Алексѣй остановилъ его, сказавши:

«Да не безпокойтеся; вы уже ее не найдете.... она сама къ вамъ выйдетъ... Галочка! выйди сюда душка, на часокъ!»

Галочка вошла.... Семенъ Ивановичь бросился было, какъ стрѣла, къ ней... но... увидѣлъ... она въ очипкѣ... его Галочка уже замужняя!!! Онъ такъ и затрепеталъ! Поблѣднѣлъ какъ мертвецъ.... и упалъ на столъ... вдругъ вскочилъ... и къ ней... «Галочка! что ты это сдѣлала?»...

«Семенъ Ивановичь! сказала она, поклонившись и глотая слезы, что отъ сердца рѣкой текли и удушали ее. «Прежде всего, говорите со мною, какъ съ замужнею. Панъ-отецъ меня благословилъ, и я, по моей, самой твердой волѣ, вышла за человѣка честнаго, добраго; онъ меня любитъ крѣпко, уважаетъ и печется обо мнѣ. Послѣ этаго, мнѣ неприлично ни слушать что отъ васъ, ни вспоминать что-либо; и самыя мысли намъ должно удалять отъ себя. Еще разъ пришлось мнѣ въ жизни сказать вамъ, и то уже точно въ послѣдній разъ: Прощайте! Все забудьте и самую мою любовь, заставившую меня рѣшиться на такой подвигъ для вашего спокойствія... Счастье вы еще найдете... а я...!!!

Слезы совершенно залили ея слова.... Она, скорѣе, вбѣжала въ комнату, затворила дверь, и слышно было, какъ горько рыдала...

Долго Семенъ Ивановичь, упавши на столъ, плакалъ, отъ сердца плакалъ... потомъ вскочилъ, обнялъ Алексѣя, поцаловалъ его и сказавъ: «благодарю тебя, Алексѣй Петровичь, за дружбу твою... за все... здѣсь только я видѣлъ свое счастье!... теперь... прощай на вѣчные вѣки!...» ударилъ себя рукою въ голову и выбѣжалъ изъ хаты...

И точно: съ тѣхъ поръ они уже никогда его не видали и не слыхали о немъ вовсе ничего.

*

Выѣздилъ я, въ свой вѣкъ, мало ли по свѣту! Былъ и въ Зміевѣ, и въ Чугуевѣ; а въ другую сторону еще и того дальше. Проѣзжалъ Ахтырку, доѣзжалъ до Лубенъ, и въ Прилукѣ жилъ. Тамъ-то зналъ я этаго Семена Ивановича. Онъ уже вышелъ изъ военной службы. Злодѣи-Турки прострѣлили ему ногу и лѣвую руку отрубили.

Разъ лежали мы у него въ саду подъ липою и курили трубки. Тутъ я спросилъ его: «Отъ чего онъ такъ окалеченъ? Иной возвращается съ войны цѣлъ, здоровъ и даже порохомъ неокуренъ, хотя и разсказываетъ, что такіе и такіе города бралъ.»

— Отъ того, другъ мой, что я самъ искалъ смерти! — сказалъ Семенъ Ивановичь, вздохнувши тя-

жело. — Не успѣла поджить нога, я опять на-коня. Отрубили руку. Пока вылѣчился, заключили миръ... и замыслы мои всѣ уничтожились.

«Зачѣмъ же вы искали себѣ смерти?» спросилъ я.

— Любовь! — отвѣчалъ онъ, вздохнувъ еще тяжелѣе и погрузился въ мысли. Потомъ началъ говорить: — Я такъ любилъ одну дѣвушку, далеко, въ Харьковѣ, что чуть не сошелъ по ней съ ума! И было отъ чего! Любилъ ее неизъяснимо! Она была изъ простыхъ, дочь обывателя. Вижу, что я безъ нея не могу жить. Подумалъ — подумалъ.... что-же? Она меня любитъ.... А какъ была хороша, какой умъ имѣла, какъ здраво судила обо всемъ.... Я надѣялся скоро образовать ее, и она точно была бы рѣдкою женщиною.... Что же? Не захотѣла выти за меня. А чтобы не увлечься любовью и моими убѣжденіями, такъ она въ отсутствіе мое, съ большимъ усиліемъ, принудила себя обвѣнчаться съ отцовскимъ работникомъ, чтобы удалить себя отъ меня, чтобы я, женясь на ней, не подвергся стыду, нареканіямъ и всему прочему.

«Правду сказать: когда я увидѣлъ ее *молодицею*, женою другаго, а не моею, то не знаю, какъ я на томъ же мѣстѣ не умеръ! И страдалъ же я долго! Одна тѣлесная болѣзнь продолжалась у меня болѣе

полгода. Потомъ я бросился подъ Турецкія сабли и пули — не убили. Возвратился домой, истерзался отъ тоски — и все за Галочкою! такъ звали любимую мною. Открылось намѣстничество; меня выбрали въ капитанъ-исправники. Вотъ, по неволѣ, сталъ я быть съ людьми. Далѣе, далѣе, не переставъ любить Галочки ни сколько, женился я для домашней семейной жизни, надѣясь найти гдѣ-нибудь спокойствіе, котораго нигдѣ не находилъ.... Я любилъ Галочку какъ-то необыкновенно! Другую не могъ такъ любить.... Ну, да нужды нѣтъ! вскрикнулъ онъ, вышедши изъ задумчивости и утерши слезу.... Жену мою ты знаешь: она хорошей фамиліи; душа у ней добрая; но бѣдная, и потому не получила образованія, требуемаго здѣшнимъ обществомъ, которое далѣе не хочетъ ничего видѣть.... Я былъ счастливъ женою, но увидѣлъ, что Галочка правду говорила, что люди, если узнаютъ, что моя жена изъ простыхъ, такъ съѣдятъ насъ. Когда вотъ моя хорошаго рода; но наши всѣ не принимаютъ ея, удаляются, презираютъ за то, что, отъ бѣдности, не такъ образована, какъ они. Родные мои туда же.

Конечно, мы смѣемся съ людской неправды, но иногда бываетъ прискорбно. Жена моя, по характеру своему, переноситъ все равнодушно. Но что было бы съ Галочкою, если бы на ней я женился? Она съ своимъ умомъ, съ чувствительностью, съ любовью

ко мнѣ, не перенесла бы униженія къ себѣ для меня и точно умерла бы!

Сякъ-такъ, я нахожу спокойствіе въ семьѣ своей. Жена, далѣе меня, ничего не желаетъ; лишь бы я былъ подлѣ нея, а прочее для нея ничто. Наградилъ насъ Богъ дѣтями, которыя, кажется, усладятъ мою старость. Всегда вспоминаю Галочку и благодарен ей отъ полноты души, что она предусмотрѣла все и отвратила отъ насъ обоихъ вѣчныя бѣдствія. Видно она больше людей знала, нежели я... А какъ любила меня!...

Тутъ онъ задумался и долго все думалъ, наконецъ сказалъ: «И вспоминанія горьки! Не облегчу ли я скорби своей, разсказавъ тебѣ все подробно?» И онъ разсказалъ мнѣ все, что у нихъ было съ Галочкою, въ Харьковѣ, на Гончаровкѣ. Потомъ заключилъ: какой же геройскій подвигъ ея! каково самоотверженіе! вотъ любовь!

Скоро послѣ того я возвратился въ Харьковъ. По старой привычкѣ отправился ходить по улицамъ на Гончаровкѣ; хожу — и, ахъ, я тогда былъ еще молодъ! поглядываю на красивыхъ дѣвокъ, сидѣвшихъ, по случаю воскреснаго дня, у воротъ кучами. Далѣе проходя, вижу, сидятъ на присьбѣ дѣвка и молодица... кромѣ того что молоденькія, но притомъ еще какъ были красивы! Однимъ словомъ, прелестныя!..

Трудно было рѣшить, которая изъ нихъ, молодица или дѣвушка, была прекраснѣе!...

Я, по молодымъ лѣтамъ и по старой привычкѣ, какъ замѣтилъ ихъ, такъ и остановился какъ вкопаный!... Стою, любуясь ими... и только! Повѣрьте слову. Какъ вотъ и отозвалася... женщина, не совсѣмъ старая, но уже подходящая къ пятидесятому году, потому-то я и не замѣтилъ ее, хотя она и сидѣла подлѣ нихъ и держала на рукахъ дитя. Вотъ она и спросила меня: «А чего вамъ, пàночку, трѐба?»

Такой вопросъ меня смѣшалъ. Мнѣ ничего не было нужно, и я хотѣлъ только вдоволь наглядѣться на прелестныя, попавшіяся мнѣ на глаза, личики; но надо же было что-нибудь отвѣчать? Какъ-то мнѣ пришло на мысль, что я на Гончаровкѣ; а тутъ вспомнился и Семенъ Ивановичь и Галочка; то я, что бъ извороtиться, сказалъ: «мнѣ нужно бы узнать.... не знаетъ ли... кто...?»

«Кого?» спросила также женщина.

— Не знаетъ ли кто, гдѣ тутъ жила, а можетъ, и теперь живетъ Галочка, что была Таранцивна съ молоду, а теперь....

«А начто вамъ она?» усмѣхаясь, спросила она меня, и при томъ такъ быстро смотрѣла на меня....

Чорные глаза ея... ну, правду сказать: въ молодости эти глаза были... ну, были!

— Да такъ... ничего. Передать ей нужно бы поклонъ отъ однаго человѣка.

«Отъ кого же это?» и смутилась немного; потомъ сказала: «Просимо, пàночку, до госпòды; пожалуйте въ хату; можетъ, и я что нибудь про нее вамъ скажу. Сидите же, доненьки, за воротами и выглядывайте отца. А ты, Наталка, сказала она молодицѣ, отдавая ребенка: «возьми свое дитя, да не уходи домой, пусть мужъ придетъ за тобою. Пожалуйте.»

Нечего дѣлать, надо мнѣ итти за нею. Вошли. Вотъ она, усмѣхаяся, спрашиваетъ меня: «Кто же это пересылаетъ поклонъ къ Галочкѣ?»

— Можетъ быть, ты, пань-матка, и знаешь ее?» спросилъ я.

«Можетъ и знаю, когда скажете, отъ кого поклонъ.»

— Отъ Семена Ивановича, изъ-подъ Прилукъ.

«Я такъ и думала...» сказала и невольно призадумалася, наклонивши голову; потомъ, вздохнувши, спросила: «А какъ онъ поживаетъ-себѣ?»

— Э! такъ вѣрно ты-то и есть Галочка? спросилъ я поспѣшно.

«Можетъ быть и я... Такъ онъ вамъ разсказывалъ про меня?» спрашивала Галочка, немного измѣняясь въ лицѣ.

— Про все разсказывалъ. Тутъ я говорилъ — какъ Семенъ Ивановичь помнитъ ее, благодаренъ ей... И какъ разговорились, такъ она уже со всею откровенностію пересказывала мнѣ, что чувствовала и что перетерпѣла отъ самаго начала знакомства съ нимъ... «Я его любила крѣпко, продолжала Галочка: такъ любила, что для доставленія ему чего-либо полезнаго, я пошла бы на всякую муку!... Правду сказать, примолвила она тяжело вздохнувъ и взглянувъ на образъ: не малое мученіе и выходить за-мужъ, какъ я для его счастья выходила!.... Что я перенесла! Одинъ Богъ укрѣпилъ! Иду за-мужъ, и сама не знаю за кого и для чего иду! Точнехонько, какъ во снѣ была. Не понимаю ничего, что и для чего дѣлается; я сама тороплю всѣмъ. Одна мысль, когда я нѣсколько приходила въ себя, владѣла мною: спѣшить поставить преграду между мною и имъ... Я не приходила въ разсудокъ и вышедши за-мужъ... и вотъ явился Семенъ Ивановичь... Я обдумала, что ему сказать при встрѣчѣ нашей, но не помню, что ему говорила и какъ оставила его... Ко мнѣ пришла жесто-

кая горячка; шесть недѣль я не вставала съ постели... Полагали, что я умру!

«И выздоровѣвши, я не была покойна. Мнѣ было очень тяжело, нестерпимо несносно все!... Тоска мучила меня.... Иногда я забывалась до того, что, глядя на мужа моего, не могла сообразить, что̀ онъ за человѣкъ и отъ чего принимаетъ во мнѣ такое участіе? Только-было панъ-отецъ— пускай царствуетъ! разговоритъ меня, и я наплачусь въ волю, отъ чего мнѣ, хотя и становилось легче, но не надолго... Готова была умереть, сквозь землю провалиться, *свѣтъ за очами пойти!* Тяжко, тяжко мнѣ было!»

«Какъ вотъ Господь послалъ мнѣ сына. Пришлось-же такъ, что моего новорожденнаго назвали Семеномъ. Это мнѣ принесло какую-то радость. Я пожелала, чтобы Семенъ Ивановичь былъ моему сыну воспріемнымъ отцомъ. Батенько послушалъ меня; а Никола, мужъ мой, тотъ и подавно! Онъ еще и теперь смотритъ мнѣ въ глаза, чтобы угадать, чего я желаю...»

«Вотъ Семенъ Ивановичь, хоть и за глаза, хоть и не зналъ того, но былъ мнѣ кумъ, сталъ роднымъ мнѣ. Это меня даже веселило, я начала свободнѣе дышать, грусть находила на меня въ меньшей степени и не такъ уже часто. Маленькой Семенъ меня много утѣшалъ... я начала понимать, что мнѣ надобно

сберегать себя для него, а тамъ и еще родились дѣти... годъ отъ году я дѣлалась покойнѣе.»

«Не хочу скрывать предъ вами: часто думала о Семенѣ Ивановичѣ, вспоминала все наше знакомство, и казалось мнѣ, что въ то время, какъ я была съ нимъ, такъ я ходила не на этой землѣ, а на какой-то другой, на золотой, между прелестнѣйшими цвѣточками; казалось, что тогда и солнце яснѣе свѣтило, и только на насъ двухъ, и сіяя на насъ, подавало намъ радость и счастье! И что будто, послѣ такой блаженной жизни, я упала въ какую-то яму, гдѣ темно все, словно въ гробѣ! Что дѣлалось со мною до времени, пока скорбь меня оставила, я не могла ничего порядочно привести на память.»

«Далѣе и далѣе, я болѣе образумливалась. Могла уже понять и разсудить, что у меня мужъ, добрый, честный; и какъ любитъ меня! уважаетъ, бережетъ во всемъ, пылинкѣ не дасть пасть на меня!.. у меня сыночикъ, утѣха моя... Все это меня уже занимало, далѣе и далѣе — уже точно веселило. У меня уже и дочери: вы видѣли Наталку? Другой годъ за мужемъ, на Подолѣ; у нея и сыночикъ есть. Другая дочечка подростаетъ и тоже будетъ красива. Говорятъ, что мои дочки по мнѣ пошли; въ большой славѣ, какъ и я... когда-то была!» примолвила Галочка, не много покраснѣвъ...

«Старшій сынъ, Семенъ, парень-друзяка. Дождемся будущаго года, женимъ его; другіе мальчики подростаютъ: кто ремеслу, кто грамотѣ учится.»

«Батеньку похоронили, но уже тогда, какъ я стала на истинномъ пути. Онъ утѣшался внуками; веселился глядя, что я перемогла свое горе и живу въ счастьи, не боясь потерять его. Благословилъ насъ, что я не вышла изъ своей доли, и тѣмъ доставила ему покойную жизнь... съ тѣмъ онъ и скончался.

«Съ Николою мы живемъ, какъ дай Богъ всякому! У насъ одна мысль, одна воля, одна душа! Не только брани, ссоры между нами, мы одинъ отъ другаго не слышали противорѣчущаго слова. Онъ и теперь почитаетъ меня не иначе, какъ прежнюю Галочку, дочь хозяина своего. Мы живемъ, трудимся, богатѣемъ, имѣемъ добрыхъ дѣтей, и за все хвалимъ Бога!»

— А часто ли вспоминаешь Семена Ивановича? спросилъ я.

«А какъ же?» отвѣчала она съ нѣкоторымъ удивленіемъ, означавшимъ вопросъ: «а отъ чего бы нѣтъ?» «всякій день молюсь за него, чтобъ Богъ послалъ ему счастіе за то, что онъ хотѣлъ меня, какъ думалъ тогда, сдѣлать счастливою. Теперь же, какъ услышала, что и онъ во всемъ счастливъ, то мнѣ стало

на сердцѣ весело. Утѣшаетъ меня и то, что онъ оцѣнилъ поступокъ мой, къ чему привела меня любовь!

— Кто научилъ тебя, Галочка, дѣвушка простая, безъ образованія, безъ свѣдѣній о свѣтѣ, кто научилъ тебя *такъ* любить? — «Вотъ любовь!»

*

Все это, до послѣдняго, истинная правда. Еще и теперь, въ Харьковѣ, на Гончаровкѣ, есть люди, которые слышали отъ отцовъ своихъ, а другіе и сами помнятъ Галочку и что̀ съ нею это все происходило. Отца ея, Таранца, поуличному звали Литвиномъ. Дворъ его былъ на улицѣ Долгалевкѣ, что на Гончаровкѣ; большая часть двора отошла на площадь, гдѣ стоятъ конюшни жандармовъ: а другая часть занята дворомъ мѣщанина Головина, противъ двора Сѣрикова.

Основьяненко.

ДВѢ ПЕРВЫЯ ГЛАВЫ ИЗЪ РАЗСКАЗА:

БАШНЯ ВЕСЕЛУХА,

ИЛИ

СМОЛЕНСКЪ И ЕГО ЖИТЕЛИ ЗА ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТЬ ЛѢТ[*]

Вступленіе.

Хочу писать разсказъ отъ скуки,
Отъ скуки — только для себя.
Беру перо теперь я въ руки,
О ближній мой! не для тебя.
Но что писать? ей, ей не знаю!
Предметовъ много я встрѣчаю,
Но было писано про все;
За мысль чужую ухватиться,
По мнѣ такъ это не годится:
Нѣтъ, лучше выдумать свое.

Кн. И. Долгорукій.

Въ концѣ ноября 1783 года, въ Смоленскѣ, [illegible] Днѣпровскихъ воротъ, съ лѣвой стороны отъ въѣзда

[*] Доставлено изъ Смоленска неизвѣстною особою. Издатель узналъ только, что автору шестьдесятъ лѣтъ, и что это первый опытъ его таланта. Какъ изъяснить такое явленіе? Невольно еще разъ надобно сказать, что дѣятельность литературная у насъ не вышла за предѣлы столицъ. Таланты повсюду, но они исчезаютъ безъ слѣдовъ.

Издат.

ъ городъ, прохаживался часовой, солдатъ Смолен-
каго гарнизона. Глубокія морщины, врѣзанныя все-
разрушающимъ временемъ въ лицо его, показывали,
сто ему слишкомъ 60 лѣтъ. Курта, широкія шарова-
ы и картузъ съ козырькомъ изъ грубаго, свѣтлозе-
еная сукна, составляли его мундиръ. Патронная
ума, прикрѣпленная къ широкой, выбѣленной пере-
язи, свободно висѣла за спиной, а длинный, него-
ившійся почти къ употребленію тесакъ, качался на
лѣвомъ его бедрѣ. Согбенный старостію и одряхлѣ-
ый на службѣ, въ которой провелъ болѣе сорока
лѣтъ, онъ едва передвигалъ ноги, ходя съ ружьемъ
а плечѣ взадъ и впередъ у поставленныхъ предъ ка-
аульнею въ три ряда сошекъ. Подъ курткой надѣтъ
ылъ на немъ овчинный полушубокъ, а сверху бѣ-
ый суконный плащъ; но не смотря на эту суконную
дежду, онъ сильно дрожалъ отъ стужи и съ нетер-
ѣніемъ ожидалъ той минуты, когда капралъ приве-
етъ къ нему смѣну.

Смеркалось. Сухой, меленькій снѣжокъ порошилъ
бнаженную, мерзлую землю. Протекающій у самыхъ
ородскихъ воротъ съ форштадтской стороны, Днѣпръ,
окрылся льдомъ. Смоленскіе жители, давно уже ожи-
авшіе зимы, радовались ея появленію. Дневной шумъ
молкъ; только звукъ небольшаго колокола, висѣв-
аго у деревянной часовни, пристроенной къ Днѣпров-
имъ воротамъ, на которыхъ сооружена церковь

Смоленской Богоматери *, перерывалъ вечернюю тиш
шину.

На призывный звонъ прихожане спѣшили ко всен
нощной. Въ это время послышался въ отдаленіи почт
товой колокольчикъ, котораго дребежжаніе быстро
приближалось. Чрезъ нѣсколько минутъ въѣхала въ
городскія ворота дорожная кибитка. На правомъ об
лучкѣ сидѣлъ молодой офицеръ, съ кожаной сумкою
на груди, а на лѣвомъ деньщикъ его.

«Стой! вскричалъ хриплымъ голосомъ ветеранъ
часовой. Почтарь остановилъ лошадей. Старый слу
живый подошелъ къ деньщику, сидѣвшему къ не
му лицомъ и спросилъ, чавкая губами: кто ѣдетъ?
Деньщикъ, гордясь предъ старикомъ физически
ми своими преимуществами, отвѣчалъ твердо

* Эта церковь построена въ 1728 году надъ городскими вор
тами въ Днѣпровской башнѣ, до половины разобранной. Прежде бы
ла она деревянная, но въ 1800 году, выстроена на этомъ мѣстѣ ка
менная: въ ней находится икона Смоленской Богоматери, писанна
въ 1602 году, которая до построенія церкви висѣла въ Днѣпровско
башнѣ. Преданіе говоритъ, что въ половинѣ XVII столѣтія, во вр
мя случившейся въ Смоленской губерніи моровой язвы, многіе из
зараженныхъ ею прибѣгали съ мольбами къ этой иконѣ, и пол
чили исцѣленіе, а потому Смоленскіе жители пристроили къ башн
деревянную часовню и перенесли туда чудотворную эту икону. В
1812 году, при нашествіи на Смоленскъ Французовъ, главнокома
дующій нашими войсками, генералъ Барклай де Толли приказа
взять ее изъ церкви, и она находилась при арміи до самаго изгнан
непріятеля изъ Смоленска.

рѣзко: «Ростовскаго пѣхотнаго полку капитанъ Кайсановъ.»

Часовой обратился къ офицеру и сказалъ: «Пожалуйте, ваше благородіе, подорожную, или извольте сами итти къ караульному офицеру. Капитанъ соскочилъ съ облучка и пошелъ въ караульню.

Въ то время караульни еще не были въ такой исправности, какъ теперь. Караульня, о которой мы говоримъ, раздѣлялась на двѣ половины: въ одной помѣщался караульный офицеръ и за перегородкой солдаты; въ другой, въ которой окна были съ желѣзными рѣшетками, содержались арестанты. Порядочныхъ мебелей никакихъ нигдѣ не было: даже и тамъ, гдѣ находился офицеръ, стоялъ только длинный, дубовый столъ, почернѣвшій отъ времени и испещренный застарѣлыми чернильными пятнами. Придѣланныя плотно къ стѣнамъ, во всю длину, деревянныя скамѣйки, ничѣмъ не обитыя, лоснились отъ частаго на нихъ сидѣнія. На одномъ концѣ стола, къ окну на улицу, лежали книги въ ветхомъ переплетѣ, подъ названіемъ: *Походъ боярина Шеина къ Азову.* Немного подалѣе стоялъ съ отбитымъ горлышкомъ штофъ, налитой мутнымъ квасомъ, и возлѣ него стаканъ простаго зеленаго стекла, разтрескнувшійся вдоль и поперегъ. На другомъ концѣ, обращенномъ къ перегородкѣ, красовалась глиняная чернильница съ воткнутыми перьями, по близости которой лежало

нѣсколько писаныхъ бумагъ и тетрадей. За столомъ на длинной скамѣйкѣ сидѣлъ караульный писарь, одѣтый въ долгополый мундирный сюртукъ, и, смотря углубленнымъ взоромъ на лежащія предъ нимъ бумаги, сочинялъ суточный рапортъ о благосостояніи караула. Пожилыхъ лѣтъ гарнизонный поручикъ Заряновъ прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ съ трубкой во рту.

«Логиновъ! возвыся голосъ, сказалъ поручикъ караульному сержанту, который находился за перегородкой; пора смѣнить часовыхъ: шесть уже пробило.

— Слушаю, ваше благородіе, отвѣчалъ сержантъ изъ-за перегородки и передалъ это приказаніе капралу. Въ ту же минуту капралъ началъ выкликать поимянно солдатъ, которымъ наступала очередь становиться на-часы.

«А ты, Парамоновъ, зажги восковую свѣчку и поставь ее къ образу, продолжалъ поручикъ, обратясь къ писарю; ужъ благовѣстятъ ко всенощной.

Парамоновъ пересталъ писать, заткнулъ перо за ухо, всталъ, перелѣзъ черезъ скамѣйку и увидя, что у поручика во рту трубка, сказалъ съ робкою улыбкой:

— Не прогнѣвитесь, ваше благородіе, что осмѣливаюсь вамъ напомнить.... кажется, во время отправленія Богослуженія грѣшно курить табакъ.

«Ты кстати это замѣтилъ, отвѣчалъ поручикъ; хоть я и не думаю, чтобъ курить теперь табакъ можно было счесть за грѣхъ, однако жъ, когда теплится передъ образомъ свѣча, оно какъ-то неприлично. Но ты не раскольникъ ли?

— Нѣтъ, ваше благородіе, я крещенъ по новой вѣрѣ.

Поручикъ положилъ трубку. Писарь высѣкъ огонь, зажегъ двух-копѣечную свѣчку и прилѣпилъ ее къ образу, стоявшему на полкѣ, прибитой къ переднему углу. Этотъ образъ написанъ былъ на деревянной доскѣ, которая такъ закоптѣла, что нельзя было узнать ни красокъ, ни лика святаго угодника, какой изображенъ былъ на ней. Лишь только Парамоновъ прилѣпилъ свѣчу, дверь отворилась и пріѣзжій офицеръ вошелъ въ караульню.

Послѣ обыкновенныхъ короткихъ привѣтствій, какія бываютъ между двумя незнакомыми офицерами, которые по обязанностямъ службы сходятся другъ съ другомъ, капитанъ досталъ изъ сумки подорожную и подалъ ее офицеру. Заряновъ развернулъ ее и, взглянувъ бѣгло на подпись и печать, отдалъ писарю,

чтобъ записать въ книгу пріѣзжающихъ; потомъ, обратясь къ капитану и прося его присѣсть, спросилъ, для какой надобности пріѣхалъ онъ въ Смоленскъ?

— Я командированъ сюда за рекрутами, отвѣчалъ капитанъ; мнѣ предписано принять ихъ здѣсь и раздѣливъ на партіи отправить въ полкъ.

«Далеко ли квартируетъ полкъ вашъ?

— Въ Витебскѣ.

«Гдѣ жъ ваша команда?

— Я оставилъ ее въ шестидесяти верстахъ отсюда, а самъ поспѣшилъ на почтовыхъ, чтобъ заранѣе вытребовать квартиры....

— Осмѣливаюсь побезпокоить, ваше благородіе, перервалъ писарь, подошедши къ капитану съ подорожной въ рукѣ, я никакъ не могу разобрать вашу фамилію: Кипса.... Какси.... право такъ нечетко написано, что ничего понять нельзя.

— Кайсановъ, отвѣчалъ капитанъ.

«Кайсановъ? повторилъ поручикъ съ изумленіемъ. Позвольте спросить, какъ ваше имя и отчество?

— Александръ Степановъ.

«Не звали ли батюшку вашего Степаномъ Николаевичемъ, а матушку Натальей Захарьевной?»

— Точно такъ! развѣ вы ихъ знали?

«Какъ мнѣ не знать ихъ! ты сынъ сестры моей — родной мой племянникъ!

— Возможно-ли? вы мой дядя!... Какая неожиданная, пріятная встрѣча!...

Тутъ старый и молодой офицеръ бросились обнимать другъ друга.

«Могъ ли я думать, что сегодня прижму къ сердцу любезнаго моего племянника, котораго я никогда не видалъ и о которомъ просилъ Бога, чтобъ онъ послалъ мнѣ его скорѣе!» сказалъ Заряновъ, держа молодаго капитана въ своихъ объятіяхъ. «Скажи — жива ли твоя мать, а моя сестра?»

— Нѣтъ! пять лѣтъ уже, какъ она скончалась.

«А отецъ твой?»

— Онъ еще прежде кончины матушки убитъ при стычкѣ съ Пугачевымъ.

«А я все еще надѣялся увидѣть сестру мою! Двадцать семь лѣтъ прошло, какъ она, вышедши за отца твоего, уѣхала съ нимъ отсюда.... Послѣ того получилъ я отъ нея нѣсколько писемъ, но вотъ уже пятнадцать лѣтъ не имѣю никакаго объ ней извѣстія... Разскажи, любезный племянникъ, все, что ты знаешь о твоихъ родителяхъ.»

Капитанъ разсказалъ подробно все, что извѣстно было ему объ отцѣ и матери. Главнѣйшее въ его разсказѣ было, что отецъ его служилъ подполковникомъ въ первомъ полевомъ баталіонѣ Оренбургскаго линѣйнаго корпуса, и что мать, оставшись послѣ кончины мужа въ разстроенномъ положеніи, отвезла малолѣтняго сына въ столицу и отдала на воспитаніе въ Сухопутный кадетскій корпусъ, а сама возвратилась въ Оренбургъ, гдѣ былъ у нея небольшой домикъ. Въ 1778 году, продолжалъ онъ, выпустили меня изъ корпуса въ Ростовскій пѣхотный полкъ поручикомъ. Сколько ни лестенъ былъ для меня этотъ чинъ на осьмнадцатомъ году возраста, но нечаянное извѣстіе, полученное мною о кончинѣ матушки, повергло меня въ печаль. Я остался совершенно одинъ безъ всякихъ родственниковъ. Когда былъ я еще ребенкомъ, матушка сказывала мнѣ, что у нея былъ братъ; но, не получая долгое время никакаго объ немъ свѣ-

дѣнія, не надѣялась, чтобъ онъ былъ еще въ-живыхъ. Вамъ, я думаю, извѣстно, что у родителей моихъ не было никакаго имѣнія, а потому я ничего не получилъ отъ нихъ и до нынѣшняго года жилъ однимъ только жалованьемъ. Но нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, фортуна совсѣмъ нечаянно улучшила мое состояніе: одинъ изъ сослуживцевъ моихъ почти насильно навязалъ мнѣ билетъ на Гамбургскую лотерею—и этотъ билетъ выигралъ 15 тысячъ талеровъ. Получивъ деньги, я употребилъ нѣкоторую изъ нихъ часть на экипировку, а остальныя берегу, какъ говорится, на черный день. Въ нашемъ военномъ быту не нужно много издержекъ. Если вы, любезный дядюшка, нуждаетесь въ чемъ-нибудь, то я охотно подѣлюсь съ вами.

«Благодарю за добродушное твое предложеніе, отвѣчалъ Заряновъ, пожавъ руку племяннику, «правда, что состояніе мое не завидно, однако жъ у меня есть здѣсь также маленькій домишка. Дѣтей у меня нѣтъ; я живу только самъ-третій съ женой и услугой. Надѣюсь какъ-нибудь промаяться до конца дней моихъ. Но ты еще молодъ и долженъ болѣе заботиться о себѣ.

— Мнѣ довольно будетъ и половины того, что у меня осталось. Мы, военные, не имѣемъ лишнихъ затѣй и прихотей: всѣ наши желанія ограничиваются только тѣмъ, чтобъ быть исправными по служ-

бѣ, заслужить Царскую милость, пріобрѣсть хорошее мнѣніе начальниковъ, дружбу товарищей и уваженіе подчиненныхъ.

«Все это очень хорошо, любезный племянникъ, только деньги для молодаго человѣка нужнѣе, нежели для стараго.»

Въ продолженіе этаго разговора писарь записалъ подорожную и сталъ вслушиваться, о чемъ говорили офицеры. Ему казалось странно, что одинъ изъ нихъ такъ радушно предлагалъ, а другой такъ хладнокровно отказывался отъ денегъ. Чтобъ не упустить случая воспользоваться хоть сколько-нибудь щедростію молодаго капитана, онъ подошелъ къ нему съ смиреннымъ видомъ и отдавая подорожную сказалъ:

— Извольте, ваше благородіе, получить обратно подорожную: она болѣе не нужна намъ.... Тутъ онъ остановился, не зная, какъ получше выразить свое желаніе. Капитанъ догадался, что было у него на сердцѣ, и опустивъ руку въ карманъ, вынулъ серебряной рубль и далъ писарю, сказавъ: «вотъ тебѣ за прописку.»

— Приношу всенижайшую мою благодарность! Дай Богъ, чтобъ ваше благородіе почаще къ намъ пріѣзжали, и чтобъ я всякій разъ былъ тогда въ ка-

раулѣ и имѣлъ счастіе величать васъ *высокоблагородіемъ!*

«Ты напрасно такъ много далъ ему, племянникъ,» сказалъ Заряновъ; онъ пропьетъ это въ одинъ день. Потомъ, обратясь къ писарю, прибавилъ: «смотри жъ, Парамоновъ! не напейся и помни, что намъ остается еще двое сутокъ стоять въ караулѣ.»

— Помилуйте, ваше благородіе; ужъ ли вы изволите думать обо мнѣ такъ обидно? Хоть я, грѣшный человѣкъ, люблю иногда пропускать за галстучекъ, однако жъ никогда не забываю порядка службы. Вы твердо можете быть увѣрены, что я, пока простоимъ въ караулѣ, лишней капли въ ротъ не возьму. А послѣ, какъ смѣнюсь, выпью за здравіе его благородія господина капитана и за ваше также.

Кайсановъ положилъ подорожную въ сумку и хотѣлъ проститься съ дядей, но тотъ удержалъ его и спросилъ:

«Гдѣ жъ намѣренъ ты остановиться, пока отведутъ тебѣ квартиру?»

— Почтарь сказывалъ мнѣ, что здѣсь, на верхнемъ рынкѣ, есть Нѣмецкій трактиръ, въ которомъ можно нанять хорошую комнату со столомъ.

«Правда, этотъ трактиръ очень хорошъ, но прожить въ немъ нѣсколько дней обойдется не дешево. Не лучше ли, пока получишь ты квартиру, пристать у меня? Домикъ мой на Козловской горѣ: хоть онъ уже ветхъ и тѣсенъ, однако жъ дня на два или на три можно какъ-нибудь помѣстить тебя.»

— Я съ благодарностью принимаю ваше предложеніе, только не будетъ ли это для васъ безпокойно?

«Напротивъ; я очень радъ, что могу хоть этимъ услужить тебѣ.»

Тутъ Заряновъ приказалъ сержанту, чтобъ онъ послалъ однаго изъ караульныхъ солдатъ, проводить капитанскую кибитку до его дому и сказать женѣ его, что дорогой гость, котораго онъ къ ней посылаетъ, родной его племянникъ, и чтобъ она приказала очистить для него одну комнатку.

Кайсановъ, прощаясь съ дядей, спросилъ: вѣрно здѣсь надъ городскими воротами церковь? При въѣздѣ въ городъ я замѣтилъ множество людей, идущихъ на стѣну.

«Здѣсь храмъ Смоленской Чудотворной Богоматери,» отвѣчалъ Заряновъ; теперь служатъ въ немъ всенощную, потому-что завтра праздникъ.

— Это очень кстати, сказалъ Кайсановъ; я пойду туда и поблагодарю Бога, что такъ нечаянно напелъ васъ. Прощайте, дядюшка! Завтра я опять приду къ вамъ.

Между-тѣмъ, пока дядя съ племянникомъ разговаривалъ, на дворѣ совсѣмъ уже стемнѣло. Снѣгъ пересталъ падать, морозъ увеличивался, полная луна проглядывала сквозь рѣдѣющія облака; улицы одѣлись зимнимъ покрываломъ, и кровли домовъ и высокихъ зданій забѣлѣлись. Стараго часоваго смѣнили другимъ, который былъ нѣсколько моложе его. Почтарь, дожидаясь капитанскаго выхода и поколачивая рукавицами руку объ руку, прохаживался возлѣ кибитки.

«Дуловъ!» вышедши изъ караульни, сказалъ капитанъ деньщику своему, который шелъ за нимъ съ посланнымъ отъ Зарянова солдатомъ: «поѣзжай съ кибиткой, куда покажетъ тебѣ этотъ солдатъ; тамъ буду я жить, пока отведутъ мнѣ квартиру. Выложивъ изъ кибитки вещи въ комнату, которую для насъ назначатъ, дай почтарю на водку и явись опять сюда; я буду въ церкви надъ воротами.»

— Слушаю, ваше благородіе! сказалъ Дуловъ, и сѣлъ на облучокъ вмѣстѣ съ проводникомъ, приказавъ почтарю ѣхать. Ямщикъ схватилъ возжи, стег-

нулъ по лошадямъ и вскрикнувъ: *эй вы, дружки, с колики!* сталъ подниматься на *Соборную гору*.

Кайсановъ остался одинъ на улицѣ. Теплящія въ паникадилѣ восковыя свѣчи, которыя видны бы ли изъ оконъ Божіяго храма, и церковное пѣніе пр извели въ сердцѣ его умилительныя ощущенія. Он взошелъ по деревянной лѣстницѣ въ церковь, гдѣ от множества богомольцевъ было такъ тѣсно, что Кайсо новъ, которому хотѣлось стать поближе къ иконост су, насилу могъ протискаться впередъ. Наконецъ н шелъ онъ мѣстечко, откуда можно было обозрѣ внутренность церкви. Перекрестясь нѣсколько раз обратилъ онъ вниманіе на царскія двери, живопи иконостаса, на множество образовъ въ богатыхъ р захъ и окладахъ, на паникадила и прочія церковны украшенія. Удовлетворивъ, сколько возможно было, л бопытство свое предметами благоговѣнія, онъ ста разсматривать и прихожанъ. Въ нѣсколькихъ шага отъ него стояли двѣ женщины, о которыхъ, судя и одеждѣ, можно было заключить, что онѣ принадл жатъ къ купеческому сословію. Одной изъ нихъ бы ло лѣтъ сорокъ пять, а другой около семнадцати. Н головахъ ихъ возвышались, по крайней мѣрѣ верш ковъ на шесть, гродетуровые, вышитые золотым цвѣточками платки, на старшей зеленаго, а на млад шей голубаго цвѣта *. Сверхъ платья, которое с

* Въ такихъ платкахъ щеголяли въ то время не однѣ Смолен скія купчихи, но даже многія жены и дочери тамошнихъ гарнизо

стояло изъ кофты и юбки, были у нихъ коротенькія, бархатныя, лиловаго цвѣта, мантиньи, подбитыя мѣхомъ чернобурыхъ лисицъ и опушенныя соболями. На лицахъ ихъ выказывались, у старшей, набожность съ примѣсью увѣренности въ ненуждающемся состояніи; у младшей, красота, скромность и доброта души: живые, плѣнительные глазки ея, осѣненные черными, дугообразными бровями; свѣжій, неподдѣльный румянецъ, играющій на лилѣйныхъ щечкахъ; вьющіеся изъ-подъ платка темно-русые локончики, благородная осанка, обнаруживавшая образованность, которой по костюму ея нельзя было предполагать въ ней — все это могло прельстить и самаго хладнокровнаго мужчину.

Хотя Кайсановъ очень недалеко стоялъ отъ этихъ купчихъ, однако жъ онъ подвинулся еще ближе, чтобъ лучше разсмотрѣть красавицу. Отъ нечаяннаго появленія молодцоватаго полеваго офицера, какихъ въ то время въ Смоленскѣ рѣдко можно было видѣть, и который такъ пристально глядѣлъ на нее, прелестная дѣвушка нѣсколько смѣшалась и начала поминутно то опускать, то поднимать свою головку, и приходила еще въ большее замѣшательство.

ныхъ офицеровъ. Эти платки повязывались на голову сверхъ подплаточника, сдѣланнаго изъ политуры, или картузной бумаги, которая обвертывалась сверху и подкладывалась снизу какою-нибудь мягкою матеріею, отъ чего весь этотъ нарядъ былъ довольно тяжелъ. Его можно было надѣвать и снимать съ головы, какъ монашескій клобукъ.

Она не могла спокойно стоять на мѣстѣ: безпрестанно посматривала то направо, то налѣво. Нечаянно, или съ намѣреніемъ, уронила она бѣленькій свой платочикъ. Кайсановъ тотчасъ наклонился, поднялъ и съ ловкою учтивостью подалъ его молодой красавицѣ. Двумя коротенькими словами, но пріятнымъ, серебрянымъ голоскомъ произнесенными, изъявила она благодарность за эту услугу — и розовыя щеки ея еще болѣе разгорѣлись. Мать замѣтила, отъ чего дочь ея пришла въ замѣшательство, и опасаясь, чтобъ и другія, стоявшія возлѣ нихъ, женщины не обратили на нее ястребиныхъ глазъ своихъ, поминутно поглядывала на дочь свою и на офицера, и во все продолженіе божественной службы наблюдала за ними, какъ стоглазый аргусъ.

Чрезъ полчаса всенощная кончилась. Нѣкоторые изъ прихожанъ стали прикладываться къ образамъ, другіе начали выходить. Отъ этаго движенія стоявшіе впереди не могли безъ стѣсненія подвинуться къ выходнымъ дверямъ и должны были ожидать, пока сдѣлается просторнѣе. Купчиха и дочь ея также выжидали этаго времени и не трогались съ своихъ мѣстъ. Кайсановъ, желая воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ, выдумывалъ предлогъ къ начатію разговора съ которою-нибудь изъ двухъ сосѣдокъ. Но купчиха, смѣкнувъ его намѣреніе и чтобъ предупредить молодаго офицера, который, какъ она

опасалась, обратится прямо къ ея дочери, сама начала говорить съ нимъ.

— Вы конечно недавно сюда пріѣхали? спросила она Кайсанова.

«Сей-часъ только.»

— И вѣрно по какой-нибудь казенной *оказіи?* продолжала купчиха.

«Я откомандированъ сюда за рекрутами.»

— О! такъ вы долго здѣсь пробудете: рекрутскій наборъ только-что начался. Не нарочно ли вы отпросились въ Смоленскъ, чтобъ повидаться съ родственниками?

«Нѣтъ, я не просился — и ѣдучи сюда совсѣмъ не воображалъ найти здѣсь родственниковъ; но случилось иначе: первый человѣкъ, съ которымъ довелось мнѣ говорить въ Смоленскѣ, оказался роднымъ моимъ дядей; а я не только никогда не видалъ его, но и не полагалъ, что онъ есть на свѣтѣ.»

— Кто-жъ это такой?

«Гарнизонный поручикъ Заряновъ, который теперь въ караулѣ у этихъ воротъ.»

— Какъ! Лукьянъ Захарьичь родной вамъ дядя! Стало быть и вы также Заряновъ?

«Нѣтъ; фамилія моя Кайсановъ. Поручикъ родной братъ покойной моей матери.»

— Матушки вашей я не знала; но дядюшку и его сожительницу Матрену Сидоровну я очень коротко знаю: мы жили долгое время дворъ-обо-дворъ съ ними. Онъ очень хорошій и смирный старичокъ... Жаль только, что судьба его несчастна...

«Несчастна! А почему?»

— Извините.... видя васъ въ-первые, я не могу откровенно говорить о семейныхъ обстоятельствахъ вашего дядюшки.... Поживъ здѣсь подолѣе, узнаете сами, какова его участь.

«Однако жъ... мнѣ хотѣлось бы узнать объ этомъ прежде; можетъ быть, найду я средство помочь ему.»

— Нѣтъ; ему никакъ помочь нельзя.

«Вы еще болѣе возбуждаете мое любопытство... Скажите — прошу васъ — чѣмъ именно онъ несчастливъ?»

— Конечно... все равно, отъ меня ли вы это узнаете... отъ другаго кого-нибудь — или сами... Но, ради Бога, не подумайте, чтобъ я изъ ненависти, или по другой какой-нибудь причинѣ...

«О, нѣтъ! этаго я не подумаю; только скажите пожалуста.»

Купчиха оглянулась на всѣ четыре стороны, чтобъ замѣтить, не можетъ ли кто услышать ее, и потомъ шепнула Кайсанову:

— Сожительница Лукьяна Захарьича — не въ осужденіе сказать — очень сварливая и злонравная женщина и притомъ сильно придерживается чарочки... а это чрезвычайно огорчаетъ почтеннаго вашего дядюшку, и онъ ни днемъ, ни ночью не имѣетъ отъ нея покою... къ тому жъ и небогатое его состояніе...

Хотя это извѣстіе не показалось Кайсанову диковинкой, потому-что уже и въ прошедшемъ столѣтіи, также, какъ и въ нынѣшнемъ, многіе добрые мужья страдали отъ злонравныхъ своихъ женъ, и многія добрыя жены отъ злыхъ своихъ мужей; при всемъ томъ, ему непріятно было, что этотъ жребій палъ и на его дядю.

«Это мнѣ очень прискорбно,» сказалъ онъ купчихѣ; дядюшка мой показался очень добрымъ и почтеннымъ старикомъ.

— Онъ дѣйствительно таковъ, и достоинъ истиннаго сожалѣнія — отвѣчала купчиха; къ счастію что у него нѣтъ дѣтей, а то бы судьба его была еще горестнѣе.

Въ это время народу довольно уже поубавилось изъ церкви и можно было безъ труда вытти изъ нея. Продолжая этотъ разговоръ, купчиха, дочь ея и Кайсановъ мало по малу приблизились къ дверямъ и наконецъ вышли всѣ вмѣстѣ. Деньщикъ Кайсанова, по данному ему приказанію, возвратился уже и стоялъ на церковной паперти.

Купчиха, узнавъ отъ Кайсанова, что онъ будетъ жить въ домѣ дяди, и полагая, что, можетъ быть, сегодня увидитъ свою тетку, внутренно досадовала на язычокъ свой, который такъ поспѣшно и совсѣмъ не кстати выдалъ поручицѣ Заряновой непріятный аттестатъ. Опасаясь, чтобъ не попасться въ просакъ, когда Кайсановъ разскажетъ теткѣ своей, что отъ нея слышалъ, она стала выдумывать, какъ-бы выпутаться ей изъ бѣды. Было одно только средство, которое, по ея мнѣнію, могло совершенно устранить ея опасеніе. Это средство состояло въ томъ, чтобъ стараться, какъ можно, привлечь къ себѣ молодаго офицера и чѣмъ-нибудь угодить ему. Она начала говорить съ нимъ еще ласковѣе, просила познакомиться съ ея мужемъ и приглашала въ домъ свой. Наконецъ, сходя съ лѣстницы, прибавила:

— Не уже ли пойдете вы домой пѣшкомъ? Теперь довольно уже поздно; наши улицы вовсе вамъ незнакомы, а къ тому жъ у насъ много глухихъ закоулковъ, крутыхъ горъ и глубокихъ овраговъ: безпрестанно надобно то подниматься, то опускаться. Не угодно ли, я прикажу кучеру моему отвезти васъ въ саняхъ?

«Покорно благодарю! но въ чемъ же вы сами поѣдете?»

— Намъ не далеко: нашъ домъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда.... а впрочемъ можно бы такъ распорядиться, что и вы и мы воспользуемся санями, если не сочтете за трудъ проводить насъ прежде. Это будетъ и кстати, потому-что будете знать, гдѣ мы живемъ. Сани наши большія; троимъ очень удобно можно въ нихъ помѣститься.

«Ежели вамъ не непріятно, я съ удовольствіемъ провожу васъ.»

Купчиха, остановясь у церковной паперти, закричала кучеру: «Сенька! подъѣзжай сюда!» Но Сенька, соскучась дожидаться выхода своей хозяйки, залѣзъ въ сани, растянулся въ нихъ и преспокойно заснулъ. Кайсановъ послалъ деньщика разбудить его. Проворный Дуловъ тотчасъ подбѣжалъ къ санямъ, и

давъ кучеру порядочный, солдатскій толчокъ, сказалъ: «экъ ты какъ заспался! живѣе подавай сани!»

«Прошу покорно, сказала купчиха Кайсанову, указывая на сани; но онъ, взявъ ее подъ руку, помогъ ей войти въ сани, потомъ съ такою же вѣжливостью посадилъ и дочь ея, а наконецъ помѣстился и самъ возлѣ послѣдней. Деньщикъ сталъ на запятки. Сенька шевельнулъ возжами — и лошади пустились легкою рысью по Днѣпровской улицѣ, идущей паралельно съ городской стѣной отъ воротъ направо. Не нужно разсказывать, что чувствовали молодой офицеръ и прелестная купеческая дочь, сидя такъ близко одинъ возлѣ другаго, и какъ пріятно было имъ взаимное прикосновеніе. Кайсановъ скоро нашелъ матерію къ разговору. Изъ немногихъ словъ миленькой сосѣдки онъ замѣтилъ, что она выражалась гораздо правильнѣе своей матушки, и что образованіе ея вовсе не похоже на купеческое. Онъ очень жалѣлъ, что не могъ долѣе насладиться пріятнымъ ея разговоромъ, потому-что чрезъ двѣ минуты сани остановились уже у воротъ довольно порядочнаго домика, который принадлежалъ сожителю купчихи.

«Вотъ и жилище наше! сказала купчиха, стараясь выкарабкаться изъ саней, въ чемъ однако жъ по дородности своей не могла успѣть. Кайсановъ, замѣтивъ ея усиліе, выскочилъ съ другой стороны, и обошедши кругомъ, подалъ ей руку и помогъ вытти.

Между-тѣмъ дочь ея также проворно выпрыгнула изъ саней и подошла къ матери. Учтивость и ловкость молодаго офицера очень понравились Смоленской купчихѣ, а еще болѣе ея дочери.

«Покорно благодаримъ васъ, батюшка!» сказала купчиха, что потрудились проводить насъ. Я остаюсь въ пріятномъ ожиданіи, что завтрашній день вы пожалуете къ намъ откушать. Мужъ мой сочтетъ также за особенную честь познакомиться съ вами. Мы живемъ не открыто, однако жъ рады всегда принимать почтенныхъ и добрыхъ гостей.

Кайсановъ благодарилъ за ея приглашеніе и обѣщалъ притти къ ней завтра къ обѣду.

«Не прикажете ли прислать за вами саней? продолжала купчиха.

— Нѣтъ не трудитесь; это не нужно. Завтра надобно мнѣ рано выттн со двора, и сверхъ того я далъ слово дядѣ навѣстить его; а отъ караульни очень не далеко дойти пѣшкомъ до вашего дома.

«Ну, какъ вамъ угодно: только пожалуста сдержите ваше слово. Тутъ обратилась она къ кучеру и сказала: Сенька! отвези господина офицера на Козловскую гору, въ домъ поручика Зарянова, знаешь? возлѣ котораго мы жили прежде; да смотри, ѣдучи на-

задъ не останавливайся у кабаковъ: у тебя есть эта мерзкая привычка. А васъ, батюшка, продолжала она, относясь опять къ Кайсанову, покорнѣйше прошу не давать ему на-водку: онъ очень не воздержанъ. Прощайте! Желаю вамъ покойной ночи!

Тутъ она взялась за кольцо, прибитое къ калиткѣ и начала уже бренчать, но вдругъ обратилась опять къ Кайсанову.

«Ахъ я безтолковая! Совсѣмъ изъ ума вонъ! Не спросила о самомъ главнѣйшемъ! Чинъ вашъ, имя и отчество?

— Я капитанъ, а зовутъ меня Александромъ Степановымъ.

«Наденька! сказала купчиха дочери, слышишь? не забудь записать: ты знаешь, на мою память нельзя надѣяться.

— Позвольте и мнѣ также узнать вашу фамилію, спросилъ Кайсановъ, и какъ зовутъ васъ, вашего сожителя и дочь вашу?

«Мужъ мой второй гильдіи купецъ Алексѣй Харитоновичь Кубышкинъ; меня зовутъ Аграфеной Кузьминишной, а дочь нашу Надеждой Алексѣевной.

Сказавъ это, она повторила свое приглашеніе и прибавила, что будетъ ожидать Кайсанова часу въ первомъ не позже. Только сдѣлайте милость, шепнула она ему на ухо, не сказывайте тетушкѣ вашей, что я говорила вамъ про нее. Послѣ этаго пожелала ему опять покойной ночи и вошла въ калитку.

— Я также желаю вамъ пріятнаго сна, примолвила Наденька, оставаясь еще позади матушки; надѣюсь, что завтра вы пожалуете къ намъ откушать.

«Непремѣнно, отвѣчалъ Кайсановъ, и остерегаясь, чтобъ Аграфена Кузьминишна не замѣтила, поцаловалъ Наденькину ручку. За такую учтивость, по заведенному обычаю, и она поцаловала его въ щеку.

Послѣ тайнаго и сладкаго прощанія, Наденька проворно скользнула въ калитку и побѣжала за матерью. Калитка затворилась. Кайсановъ сѣлъ въ сани и велѣлъ кучеру ѣхать, а Дулову стать на запятки.

Сенька повернулъ лошадей назадъ и поѣхалъ тѣмъ же путемъ до городскихъ воротъ. Оттуда поворотилъ онъ вправо на *Большую улицу*, вымощенную камнемъ и только-что покрывшуюся снѣгомъ, и медленно сталъ взбираться на Соборную гору. Приблизясь къ церкви *Благовѣщенія*, находящейся на лѣвой сторонѣ, и поднимаясь все выше и выше, Кайсановъ удивился необыкновенной крутизнѣ, по которой

должно было ѣхать. Онъ сказалъ Духову, что никогда еще не случалось видѣть ему такой высокой горы.

— Да, судырь, вашее благородзіе *, перервалъ Сенька, энта гара у насъ давольна высаконька. Хто не знамши станетсь спускатьца зъ нея, таму не миновать бяды: маленька аплашай, анъ таво и глядзи што каляска и лошадзи на баку! Вчастую трафлялось што праѣзжающіе переламывали, сердешные, сваи косточки, а въ иншую пору и да смертси зашибались!!

— Это не такъ-то хорошо! примолвилъ Дуловъ. Что если бъ противъ непріятеля лѣзть на такую вышину?

«Стыдись, сказалъ Кайсановъ. Русскій солдатъ не долженъ бояться ни высокихъ горъ, ни глубокихъ овраговъ.

— Правда, ваше благородіе, отвѣчалъ Дуловъ. Русскому солдату все трынъ-трава.

Между-тѣмъ кучеръ все еще поднимался на гору. По лѣвую сторону, на значительномъ возвышеніи представился взору Кайсанова во всемъ своемъ величіи, огромный *Успенскій соборъ*, освѣщенный въ ту минуту сіяніемъ мѣсяца. Миновавъ этотъ великолѣп-

* Такимъ нарѣчіемъ говорятъ въ Смоленскѣ всѣ простолюдины. Выговоръ крестьянъ, живущихъ въ ближайшихъ къ Смоленску деревняхъ и уѣздахъ, еще страннѣе. Примѣръ ихъ произношенія покажемъ мы въ послѣдствіи нашего разсказа.

ный храмъ и примыкающій къ нему *архіерейскій дворъ*, сани поравнялись съ *Троицкимъ монастыремъ*, также стоящимъ на лѣвой сторонѣ Большой улицы. Здѣсь переѣхали они каменный мостъ, устроенный чрезъ ровъ и называемый по монастырю тоже Троицкимъ. На правой его сторонѣ, къ оврагу, сдѣланы были деревянныя перила. Проѣхавъ этотъ мостъ, Кайсановъ замѣтилъ, что здѣсь дорога пошла ровнѣе, а у верхняго рынка гора совсѣмъ исчезла изъ виду. За рынкомъ кучеръ поворотилъ налѣво въ улицу, идущую на Козловскую гору. Въ недальнемъ разстояніи отъ этаго поворота, на правой сторонѣ, стояла еще каменная церковь съ зеленымъ куполомъ. Кайсановъ спросилъ у Сеньки, какъ она называется? *Егитріей**, отвѣчалъ онъ. Миновавъ эту церковь, кучеръ опять сталъ подниматься на гору, называемую *Козловскою*, которая однако жъ была не такъ высока и крута, какъ Соборная. Въѣхавъ на нее, Сенька повернулъ опять налѣво, въ узенькій переулокъ, и остановился у воротъ стараго, небольшаго домика, у котораго было три окна на улицу.

«Вотъ и фатера паша! сказалъ Духовъ. Кайсановъ вышелъ изъ саней и, забывъ предостереженіе Аграфены Кузминишны, далъ Сенькѣ на-водку и приказалъ благодарить ее за оказанное ему одолженіе. Тутъ онъ вспомнилъ, какъ она рекомендовала свое-

* Также Смоленская Богоматерь; но для отличія отъ той, которая на Днѣпровскихъ воротахъ, всѣ называютъ ее *Одигитріею*.

го кучера, но Сенька получилъ уже деньги, и поправить ошибку было невозможно. Кайсановъ повторилъ кучеру приказаніе хозяйки его и сказалъ, чтобъ онъ явился домой въ трезвомъ видѣ и не навлекъ бы на него негодованія. Сенька кивнулъ въ знакъ благодарности нѣсколько разъ головой, побожился, что возвратится во всей исправности и, поворотивъ лошадей, поѣхалъ домой, запѣвая во все горло простонародную пѣсню.

Между-тѣмъ Дуловъ стучался въ ворота. Послѣ многихъ его повтореній, подошелъ со двора къ калиткѣ какой-то хилый, хромой старикъ и отворилъ ее. Кайсановъ и деньщикъ вошли на дворъ, а потомъ и въ сѣни. Тутъ встрѣтила ихъ со свѣчей служанка въ изодранной нагольной шубейкѣ и сказала, что барыня ея легла уже почивать, приказавъ извиниться предъ капитаномъ, что не можетъ сама принять его, потому-что не очень здорова. Сказавъ это, она проводила гостя въ назначенную для него комнату, въ которой лежали ужъ дорожныя его вещи, поставила свѣчу на столъ, поклонилась и вышла.

Кайсановъ сталъ разсматривать новое свое жилище. Оно было очень скромно: кромѣ простой, деревянной кровати, обтянутой веревками, плохаго стола, двухъ такихъ же ветхихъ стульевъ съ дирявыми кожаными подушками и разбитаго на стѣнѣ зеркальца, ничего въ немъ не было болѣе. Остатки бумажныхъ

шпалеръ, бывшихъ нѣкогда украшеніемъ комнаты, висѣли теперь, какъ полковыя знамена, отслужившія сроки.

Дуловъ покачалъ головой и хватился за печь.

Э! и печка-то не топлена! А я, какъ выкладывался изъ кибитки, нарочно просилъ хозяюшку, чтобъ она приказала истопить ее. Да и объ ужинѣ вѣрно никто не позаботился.

«Не осталось ли у насъ чего-нибудь отъ дорожной провизіи?» спросилъ капитанъ.

— Есть, ваше благородіе, небольшой кусокъ окорока.

«Ну, такъ поставь его на столъ.

Дуловъ развязалъ узелъ, вынулъ кушанье, досталъ изъ погребца карафинчикъ съ водкой, небольшую рюмочку и столовой приборъ; накрылъ столъ салфеткой и поставилъ все въ должномъ порядкѣ. Кайсановъ сѣлъ, перекусилъ немного и, вставъ изъ-за стола, позволилъ и деньщику своему сѣсть и поужинать. Дуловъ скоро кончилъ свою трапезу, и, положивъ на кровать тюфякъ, двѣ подушки и одѣяло, приготовилъ для капитана постель.

«Не холодно ли будетъ тебѣ лежать на голом полу? спросилъ Кайсановъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе; я накроюс плащемъ. Мнѣ не привыкать-стать валяться на дос кахъ. Въ иную пору въ походѣ спишь, бывало, под открытымъ небомъ, на матушкѣ сырой землѣ: а здѣс все-таки получше. По крайней мѣрѣ сухо, ни отку да не дуетъ и сверху не каплетъ.

Хотя не очень еще было поздно, однако жъ Кай сановъ торопился лечь въ постель, потому-что в комнатѣ было довольно свѣжо. Дуловъ, раздѣвъ сво его капитана, снялъ со стульевъ подушки, положил ихъ на полъ, скинулъ съ себя сапоги, и накрывшис плащемъ, улегся на полу и загасилъ свѣчу.

— Дай-то Богъ, бормоталъ онъ лежа, чтоб поскорѣй пришла наша команда: тогда будетъ у нас не эдака фатера.

«Послѣ завтра должна она притти непремѣнно сказалъ Кайсановъ, между-тѣмъ мы успѣемъ здѣс осмотрѣться и познакомиться съ городомъ. Вотъ уж и сегодня встрѣтились со мной разные нечаянные слу чаи. Во-первыхъ, я нашелъ здѣсь моего дядю....

— Знаю, ваше благородіе: я все слышалъ изъ за нерегородки, что вы изволили говорить съ карт ульнымъ офицеромъ.

«Во-вторыхъ, продолжалъ Кайсановъ, при выходѣ изъ церкви удалось мнѣ познакомиться съ одною здѣшнею купчихой и съ миленькой ея дочкой.

— Какъ вамъ такъ посчастливилось, ваше благородіе? Я замѣтилъ, что дочка-то безпрестанно пялила на васъ черненькіе свои глазенки; да и ваше благородіе что-то шибко на нее засматривались. Я видѣлъ также, какъ при прощаніи ваше благородіе поцаловали ея ручку, а она васъ въ щечку. Тутъ я смѣкнулъ, что пойдетъ дѣло на ладъ.... только нечего грѣха таить: я и самъ не наглядѣлся бы на такую бѣлую лебедушку. Какая взрачная! чистая! румяная! словно маковъ цвѣтъ!

«Завтра я пойду къ нимъ обѣдать и опять увижу ее.

— Доброе дѣло, ваше благородіе. А послѣ можно какъ-нибудь и ближе къ ней присусѣдиться.

«Какъ присусѣдиться?»

— Вѣстимо какъ: завести любовишку, чтобъ не скучно было на незнакомой сторонѣ.

«Ты знаешь, Дуловъ, что я не волокита и не вѣтреникъ; а сверхъ того эта дѣвушка такая милая, такая скромная... и, кажется, очень хорошо воспита-

па. Она совсѣмъ не похожа на болтливую свою матушку.

«Правда, ваше благородіе. Матушка далеко отстала отъ своей дочки и.... какъ бы сказать, не слишкомъ *великатнаго обхожденья*: тарантитъ и щебечетъ, какъ сорока. Каковъ-то батюшка?»

«Завтра увижу я его и посмотрю, стоятъ ли они всѣ, чтобъ продолжать съ ними знакомство. А теперь успемъ спокойно.»

Тутъ оба замолчали. Чрезъ нѣсколько минутъ и капитанъ и деньщикъ наслаждались уже пріятнымъ сномъ.

ГЛАВА II.

СЕМЕЙСТВО КУБЫШКИНЫХЪ.

Чего, скажи, она не знаетъ?
Варить ли, стряпать, прясть, иль шить?
И по-Французски не болтаетъ
И не умѣетъ гладить, мыть?
За что ни примется — клѣится.
Куда ни кинь — на все годится
Красотка милая сія.

Котельницкій.

Наденька, прелестная дочь купца Кубышкина, была уже въ такомъ возрастѣ, въ которомъ красавицы начинаютъ кружить головы мужчинамъ и сами подвергаются отъ нихъ тому же. До этаго времени многіе Смоленскіе франтики сходили отъ нея съума, но она хладнокровно смотрѣла на нихъ. Теперь наступилъ и для нея роковой часъ. Сердце ея затрепетало, мысли встревожились: всю ночь провела она безъ сна. Безпрестанно мечтался ей красивый, ловкій, молодой офицеръ, который такъ пристально смотрѣлъ на нее; такъ нѣжно придерживалъ ее, сажая въ сани; такъ пламенно поцаловалъ ея руку! Она надѣялась, что завтра опять его увидитъ, будетъ говорить съ нимъ, сидѣть вмѣстѣ за столомъ.... Эти мысли мѣшали ей уснуть: поминутно ворочалась она

съ боку на бокъ, и только предъ разсвѣтомъ сомкнулись прелестные ея глазки.

На соборной колокольнѣ пробило семь часовъ. Начинало уже брезжить. Небо было ясно. Морозъ, мало по малу увеличивался, и сжимая отсырѣвшія въ продолженіе длинной осени деревянныя зданія, трещалъ на улицахъ и еще болѣе разщелялъ маленькіе ветхіе домики. Выпавшій наканунѣ новый снѣжокъ хрустѣлъ подъ ногами прохожихъ, возвращавшихся отъ заутрени. Многіе изъ Смоленскихъ обывателей низшаго класса давно уже проснулись и наслаждались свѣжимъ утромъ, которое въ эту зиму было пріятною для нихъ новинкой.

Но Кайсановъ, утомленный отъ дороги, спалъ еще глубокимъ сномъ въ отведенной ему комнатѣ, и при всемъ томъ, что въ ней было очень холодно, видѣлъ пріятныя мечты, въ которыхъ миленькая купеческая дочка играла главнѣйшія роли. Заботящаяся о себѣ самой хозяйка-тетушка его, по сдѣланному ею обыкновенію, успѣла уже сходить къ заутренѣ, и возвратясь домой, принялась за хозяйственныя распоряженія. Въ то время въ Смоленскѣ почти всѣ женщины средняго класса не имѣли еще привычки пить поутру кофе: иныя замѣняли его чаемъ, другія молокомъ, а нѣкоторыя тѣмъ, что веселитъ сердце человѣка. Поручицу Зарянову можно было причислить къ послѣдней категоріи. Лишь только пришла она

изъ церкви, тотчасъ велѣла служанкѣ подать утрен-
нюю свою порцію. Но служанка, не получивъ на это
денегъ, ничего не приготовила. Поручица разсерди-
лась, закричала и начала бранить прислужницу, зачѣмъ
она не взяла въ долгъ. Служанка представляла довольно
рѣзкія, но впрочемъ справедливыя возраженія, кото-
рыя, сливаясь съ звучнымъ голосомъ госпожи, очень
звонко отражались въ той комнатѣ, гдѣ спалъ Кай-
сановъ и деньщикъ его. Дуловъ пробудился отъ така-
го пріятнаго дуэта, вскочилъ, протеръ глаза и сталъ
прислушиваться.

— Господи, твоя воля! сказалъ онъ перекрестясь,
что это такое? ужъ не Турецкіе ли янычары напали
на насъ въ-расплохъ и орутъ во все горло? недаромъ
они пригрѣзились мнѣ. Ваше благородіе!.. ваше бла-
городіе! пора вставать: послушайте, какая въ кухнѣ
идетъ баталія.

Шумъ за стѣной продолжался и кончился поще-
чиною, которою поручица наградила свою служанку.

Кайсановъ всталъ, надѣлъ мундирный сюртукъ
и вышелъ въ сѣни. Въ самое это время кухонная
дверь отворилась: запачканная служанка опромѣтью
бросилась изъ кухни на дворъ и чуть-было не сшиб-
ла съ ногъ Кайсанова. Увѣсистая его тетушка, въ
домашнемъ неглиже, съ повязаннымъ на головѣ плат-
комъ, который едва держался на одномъ ухѣ, высko-

чила въ-слѣдъ за служанкой и хотѣла довершить надъ ней геройскую свою храбрость, но служанка стояла уже на дворѣ и концемъ передника утирала плачущіе свои глаза. Поручица, зацѣпившись за что-то въ сѣняхъ, упала и растянувшись на полу, кричала охриплымъ голосомъ: «Добро, ты шельма погоди, погоди! пусть только смѣнится съ караула Лукьянъ Захарьичь! я не отстану отъ него, пока не прикажетъ прошколить тебя порядкомъ! тогда узнаешь, каково огрызаться съ барыней!» Она хотѣла было продолжать правоученіе, но, увидѣвъ Кайсанова, смѣшалась и вскарабкалась на ноги, забывъ въ торопяхъ поднять головной свой платокъ, который лежалъ уже на полу. Длинные, растрепанные волосы, какъ два бунчука Турецкаго паши, развѣвались по обоимъ ея плечамъ.

— Ахъ, батюшка!.... племянникъ!... не знаю, какъ звать васъ по имени и отчеству.. . извините;... можетъ быть, вамъ странно покажется.... но вы видите, какая у насъ бестія служанка....

«Я очень жалѣю, что долженъ рекомендоваться вамъ при такомъ непріятномъ случаѣ,» сказалъ Кайсановъ, «вчера ввечеру хотѣлъ я засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, но вы уже почивали.»

— Не взыщите, любезный племянничекъ, что я не могла дождаться васъ; у меня такъ болѣла го-

лова отъ угару, что я принуждена была лечь въ постель. Да и безъ того, проводя цѣлый день въ домашнихъ хлопотахъ, поневолѣ захочешь уснуть пораньше... Прошу покорно пожаловать въ горницу, а я между-тѣмъ оправлюсь немножко.

Кайсановъ, желая поскорѣй вывесть тетку свою изъ замѣшательства, тотчасъ вошелъ въ ея комнату, а поручица скрылась въ чуланъ. Чрезъ нѣсколько минутъ явилась она къ племяннику съ повязанным на головѣ платкомъ и съ накинутымъ на кофту салопомъ, который, во время оно, былъ чернаго, а теперь сдѣлался бураго цвѣту.

— Вотъ я и готова! сказала поручица, вошедши въ комнату. «Что жъ вы стоите, племянничекъ? садитесь, прошу покорно.»

«Я вошелъ только на минуту, чтобъ отрекомендоваться вамъ. Мнѣ надобно тотчасъ явиться къ здѣшнему коменданту и попросить его, чтобъ приказалъ отвесть мнѣ и командѣ моей квартиры.»

— Какъ! развѣ вы не у насъ будете жить? — спросила поручица съ улыбкой, которая показывается иногда противъ воли у многихъ при неожиданной, пріятной для нихъ вѣсти.

«Нѣтъ; мнѣ должно имѣть квартиру по близости моей команды.»

— Ахъ, какъ жаль, что вы насъ оставите! А я хотѣла-было приказать истопить печь въ вашей комнатѣ.

«Это было бы не худо; потому-что я пробуду у васъ еще дня два. Морозъ сегодня довольно великъ, а комната, въ которой я спалъ, кажется, давно уже не топлена; для меня это ничего, потому-что я пойду со двора, но деньщику моему нужно погрѣться съ дороги.»

— Онъ крѣпостной вашъ?

«Нѣтъ; онъ данъ мнѣ изъ полку.»

— О! такъ онъ привыкъ ко всему. Я слыхала, что солдаты въ походѣ часто терпятъ и холодъ и голодъ.

«Правда, это случается, однако жъ очень рѣдко, да и то въ непріятельской землѣ: но у насъ въ Россіи солдаты довольствуются на квартирахъ и теплотой и хорошею пищей.»

— Ахъ, племянничекъ! мы люди бѣдные; на-силу сами маячимся кое-какъ...»

«Я не къ тому сказалъ, чтобъ вы пожертвовали чѣмъ-нибудь для деньщика моего. Благодаря Бога, я

въ состояніи содержать его. Просьба моя состоитъ только въ томъ, чтобъ вы приказали истопить печь, а на дрова я дамъ деньги. Пошлите кого-нибудь купить ихъ; деньщикъ мой не знакомъ еще съ здѣшнимъ городомъ и не скоро найдетъ, гдѣ продаютъ ихъ. Къ тому жъ онъ усталъ и прозябъ, сидя на облучкѣ.»

Услышавъ про деньги, поручица тотчасъ перемѣнила тонъ.

— Ахъ, батюшка, сказала она съ ласковой укоризной, не ужъли вы думаете, что у насъ не сыщется столько дровъ, чтобъ раза два или три истопить печь? я сказала только потому... потому-что...»

Кайсановъ не далъ ей докончить; онъ пошелъ въ свою комнату и тотчасъ возвратился, держа въ рукахъ двадцатипяти-рублевую ассигнацію.

«Вотъ,» сказалъ онъ, отдавая ее теткѣ; извольте приказать купить дровъ, натопить потеплѣе печь и сварить для деньщика моего хорошихъ щей.

— А для васъ что прикажете изготовить!

«Я не буду обѣдать дома.»

— Гдѣ жъ вы будете кушать?

«У купца Кубышкина.»

— Какъ! развѣ вы его знаете?

«Нѣтъ, я никогда еще не видалъ его; но вчера послѣ всенощной нечаянно познакомился я съ его женой и дочерью. Аграфена Кузминишна, выходя изъ церкви, приказала отвезть меня сюда въ своихъ саняхъ, просила познакомиться съ ея мужемъ и пригласила на сегоднешній день къ себѣ обѣдать.»

— Вы очень скоро познакомились съ этою купчихой, но я понимаю!.... Какъ понравилась вамъ ея дочка?

«Сколько я могъ замѣтить, она прекрасная и образованная дѣвица.»

— Теперь я не удивляюсь, что вы хотите итти къ нимъ. О! я знаю молодыхъ офицеровъ: они страхъ какъ любятъ поволочиться за пригоженькими дѣвушками.... однако... я не совѣтовала бы вамъ знакомиться съ этимъ семействомъ: старикъ спѣсивъ и угрюмъ, старуха записная сплетница, а дочь жеманная щеголиха.

«Я далъ уже слово притти къ нимъ сегодня. Впрочемъ постараюсь узнать ихъ покороче. Прощайте, тетушка! мнѣ пора уже къ коменданту...»

— Позвольте еще предостеречь васъ: у насъ въ Смоленскѣ не простой *каминдантъ*, а оберъ-*каминдантъ*; онъ вѣдь *генералъ*.... Старикъ очень добрый. Всѣ любятъ его и уважаютъ.... Жаль только, что за нимъ есть небольшой порокъ.

«Какой?»

— Онъ Нѣмецъ.

«Развѣ это порокъ?»

—Конечно, оно ничего, но все-таки лучше, если бъ онъ былъ Русскій. Впрочемъ все-таки онъ добрый *командеръ*. А вотъ жена его, госпожа оберъ-*каминданша*... и Боже сохрани, какая прегордая и прекапризная!.... Только и знается съ дворянками и съ Нѣмками; а на нашихъ сестеръ гарнизонныхъ офицершъ, не умѣющихъ по-Нѣмецки, или по-Французски, и глядеть не хочетъ, хотя сама очень хорошо говоритъ по-Русски.... По большей части она сидитъ все дома и любуется цвѣтами. Лѣтомъ отъ утра до вечера прохаживается по цвѣтнику; то разсаживаетъ, то поливаетъ деревца и кусточки — и все это дѣлаетъ сама. Иногда по локоть замараетъ *привасходительныя* свои ручки. Вотъ тутъ такъ и гордости нѣтъ! не лучше ли бъ приказать кому-нибудь другому копаться въ землѣ, чѣмъ

самой заниматься этимъ? У насъ въ гарнизонѣ и садовниковъ, и всякихъ мастеровыхъ тма!.... А какъ балуетъ она маленькаго своего сынка! какія позволяетъ ему шалости! Это удивительно! Однажды, вы не повѣрите, послала она за мной, чтобъ я пришла къ ней взять шить для нея бѣлье. Нечего дѣлать: надобно было уважить просьбу *командерши*: я пошла; только-что отворила дверь въ залу, и вижу на полу по всей комнатѣ мокрыя кучи глины и песку; а маленькой барченокъ, съ дядьками своими, дѣлаетъ изъ этой смѣси башни! Я поклонилась ему и спросила: «для чего вы, батюшка, пачкаете свои ручки такою дрянью?» — А вамъ что за дѣло? отвѣчалъ онъ — я строю крѣпость и буду атаковать ее. — Кончивъ свою работу, началъ онъ швырять въ башни мячиками, а матушка сидитъ на канапе да любуется проказами избалованнаго своего сыночка. Ну, прилично ли *генеральскому* сыну заниматься такими потѣхами? Вчужѣ жаль, что матушка совсѣмъ его испортила: а мальчикъ могъ бы быть хорошъ; онъ такой бойкій и понятливый: въ три дня, играючи, выучился Русской грамотѣ, и говорятъ, читаетъ теперь не хуже другаго большаго. Но пусть бы онъ шалилъ дома, сколько ему угодно, а то вотъ еще какъ его балуютъ: въ хорошую погоду, если соскучится ему заниматься домашними забавами, матушка отпускаетъ его съ толпою ординарцевъ и прислужниковъ прогуляться по городу, или къ разводу, или къ ве-

черней зарѣ послушать играющихъ музыкантовъ; а когда повезутъ его въ каретѣ мимо гарнизонной школы, въ которой обучаются солдатскія дѣти, то стоящіе тамъ въ караулѣ школьники выбѣгаютъ для него къ ружьямъ, дѣлаютъ накараулъ, бьютъ въ барабанъ и отдаютъ ему такую же честь, какъ и батюшкѣ его. Каково это вамъ покажется? не мудрено, если этотъ мальчикъ со временемъ сдѣлается гордецомъ. И теперь уже, даромъ, что ему только восьмой годъ, онъ высоко поднимаетъ свой носишка: если кто заговоритъ съ нимъ не въ-попадъ, тотчасъ окрысится и закричитъ: «какъ ты смѣешь такъ говорить со мной? Знаешь ли, что я *енаральскій* сынъ?»

Тутъ поручица остановилась, чтобъ отдохнуть отъ длиннаго своего разсказа. Кайсановъ терпѣливо выслушалъ почтенную тетушку-говорунью, и когда готовилась она продолжать, сказалъ:

«Мнѣ совсѣмъ нѣтъ нужды знать, какова ваша комендантша и маленькій сынъ ея. Я имѣю надобность только до самаго коменданта, потому-что, пока пробуду въ Смоленскѣ, долженъ находиться въ его командѣ. И такъ.....»

— Я ужъ сказала вамъ, что онъ очень добрый начальникъ, даромъ, что Нѣмецъ; онъ не гордъ, не взыскателенъ.... однако жъ однажды съ куманькомъ моимъ, прапорщикомъ Красаулинымъ, обошелся онъ

не очень вѣжливо. Куманекъ явился къ нему немножко хмѣльненекъ, несовсѣмъ что-бы сказать пьянъ — а такъ, немного навеселѣ. *Комендантъ* почувствовалъ винный запахъ, закричалъ на него сердито: «ты пьянъ! пошелъ вонъ! я пьяницъ терпѣть не могу! если въ другой разъ осмѣлишься притти ко мнѣ въ такомъ видѣ, то я велю тебя арестовать!» Какъ бы вы думали? За такую бездѣлицу выгнать вонъ гарнизоннаго офицера и угрожать арестомъ! Великая бѣда, что куманекъ мой выпилъ рюмочки три! лишь бы стоялъ на ногахъ да помнилъ службу... Нѣтъ, въ этотъ разъ его *привасходительство* слишкомъ уже былъ горячь. Прежній нашъ *комендантъ* только однимъ чиномъ ниже былъ этаго, а никогда не журилъ гарнизонныхъ офицеровъ, что пахло отъ нихъ виномъ, да иногда, бывало, и самъ клюкнетъ....»

Кайсановъ, замѣтивъ, что тетушка его опять вызываетъ на работу свой язычокъ, перервалъ ея ораторство и сказалъ:

«Я никакъ не могу остаться у васъ долѣе: скажите пожалуста, какъ найти мнѣ домъ, въ которомъ живетъ оберъ-комендантъ?»

— А вотъ какъ батюшка: спуститесь съ Козловской горы, по которой вы вчера сюда ѣхали, и идите все прямо до самаго *Облонья;* тамъ спросите, кого угодно, всякій укажетъ вамъ его квартиру.

«И такъ прощайте! я очень долго у васъ замѣшкался: боюсь, чтобъ не опоздать.»

Кайсановъ оставилъ свою тетку и очень радъ былъ, что отвязался отъ такой словоохотной раскащицы. Возвратясь въ свою комнату, онъ переодѣлся въ мундиръ и отправился къ оберъ-коменданту.

По описанію поручицы онъ тотчасъ нашелъ его квартиру. Вошедши въ комнату, въ которой генералъ принималъ по-утрамъ посѣтителей, онъ засталъ его сидящаго на креслахъ, за маленькимъ столикомъ возлѣ окна. Въ это время былъ у него плацъ-маіоръ, который ежедневно подавалъ оберъ-коменданту два рапорта: одинъ о состояніи гарнизона, а другой отъ полиціи. *

Оберъ-комендантъ принялъ Кайсанова очень благосклонно. Выслушавъ его просьбу, онъ тотчасъ приказалъ плацъ-маіору назначить для команды его хорошія, теплыя квартиры и распорядиться, чтобъ завтра онѣ были отведены. Плацъ-маіоръ, получивъ это приказаніе, обратился къ Кайсанову и предложилъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ полицію для соображенія,

* Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Смоленскій оберъ-комендантъ управлялъ и полиціей. Плацъ-маіоръ былъ вмѣстѣ и полицейскимъ маіоромъ и послѣ оберъ-коменданта считался главнымъ лицомъ по полиціи.

сколько должно назначить квартиръ для офицеровъ для нижнихъ чиновъ.

Кайсановъ откланялся генералу и вышелъ с плацъ-маіоромъ. Кончивъ въ полиціи распоряженія о квартирахъ, онъ пошелъ къ Днѣпровскимъ воротамъ навѣстить своего дядю. Заряновъ ожидалъ ужъ его Кайсановъ расказалъ ему все, что случилось съ нимъ послѣ того, какъ онъ оставилъ его вчера; какъ познакомился онъ съ Кубышкиной и ея дочерью и о послѣдствіяхъ этаго знакомства, но не упомянулъ ни слова объ одержанной теткою его побѣдѣ надъ служанкою и о ея расказахъ. Заряновъ сообщилъ ему подробнѣйшія свѣдѣнія о семействѣ Кубышкина и прибавилъ, что этотъ купецъ слыветъ въ Смоленскѣ довольно зажиточнымъ торговцемъ и очень честнымъ добрымъ человѣкомъ; что и жена его также порядочная женщина, только любитъ иногда, какъ и всѣ вообще ей подобныя, покритиковать своихъ знакомыхъ. «А дочь ихъ» продолжалъ поручикъ, «считается у насъ одною изъ достойнѣйшихъ дѣвицъ по всему городу. Она прекрасна не только лицомъ, но и душой и вовсе не походитъ на другихъ здѣшнихъ купеческихъ дочерей, потому-что воспитывалась въ богатомъ дворянскомъ домѣ. Многія, такъ называемыя, *благородныя* дѣвицы не могутъ сравниться съ нею въ хорошемъ образованіи.»

Кайсанову очень пріятно было слышать такой панегирикъ дѣвицѣ, которая съ перваго взгляду чрезвычайно ему понравилась.

Былъ уже первый часъ пополудни. Кайсановъ сказалъ дядѣ, что къ этому времени приглашала его Аграфена Кузминишна. И такъ онъ простился съ нимъ и поспѣшилъ къ Кубышкину.

Деревянный, одноэтажный, обитый новымъ тесомъ, домикъ этаго купца былъ довольно красивой наружности. Крышка, ставни и рѣшетка у палисадника выкрашены были зеленой краской. На обѣихъ половинахъ воротъ намалевано было большими карикатурными буквами: «*съ топоромъ.*» *

Хотя, кромѣ этой, не было другой надписи, по которой бы можно было узнать, кому принадлежитъ домъ; однако жъ Кайсановъ вчера еще ввечеру, при всѣмъ томъ, что было довольно темно, замѣтилъ его очень хорошо. Да и какъ не замѣтить того дома, въ которомъ живетъ прелестная, милая дѣвушка?

* За пятдесятъ пять лѣтъ въ Смоленскѣ не было достаточнаго числа полицейскихъ служителей и почти никакихъ пожарныхъ инструментовъ, а потому обыватели изъ купеческаго, мѣщанскаго и посадскаго сословій обязаны были при пожарныхъ случаяхъ посылать изъ своихъ домовъ по одному служителю, а у кого ихъ не было, тотъ долженъ былъ итти самъ, съ ведромъ, багромъ, топоромъ, или другимъ, необходимымъ для гашенія, снарядомъ. На воротахъ домовъ означалось красными буквами, кто съ чѣмъ долженъ былъ явиться на пожаръ.

Подошедши къ запертой калиткѣ, онъ побренчалъ кольцомъ. Привязанная на дворѣ цѣпная собака начала лаять. Знакомый уже намъ Сенька, бормоча себѣ подъ носъ, подошелъ къ воротамъ и суровымъ голосомъ спросилъ: «*Хто здьсятка стукаетца?*» Кайсановъ отозвался на вопросъ. Сенька отворилъ калитку, и узнавъ офицера, котораго отвозилъ онъ вчера, проворно схватилъ съ головы шапку и, поклонившись въ поясъ, сказалъ:

«Милости просимъ, ваше благородзіе! Хозяева мае давно ужо ждутъ васъ и хотсѣли-была послатсь меня за вами.»

— Здоровы ли они?» спросилъ Кайсановъ.

«Слава Богу, судырь. Тольки паутру Надзежда Алексѣевна изволила жаловатьца, што галава болитсь, атъ таво дискатсь, што ночь худо спала. Аднака апосля парасхадзилась и одзѣлась, а таперетка изволитсь читатсь книшку.»

Кайсановъ взошелъ на крыльцо, которое было о двухъ или трехъ ступенькахъ и покрыто навѣсомъ. Проходя мимо оконъ, онъ замѣтилъ передъ однимъ Аграфену Кузминишну, которая стояла, какъ онъ полагалъ, съ своимъ сожителемъ, а изъ другаго смотрѣла дочь ея. Хозяинъ, узнавъ отъ жены своей, что

пришедшій офицеръ тотъ самый, котораго они ожидали, вышелъ и встрѣтилъ гостя.

«Добро пожаловать!» сказалъ онъ Кайсанову съ добросердечнымъ привѣтствіемъ; «благодарю за честь, что удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ! рекомендую себя въ вашу благосклонность: прошу любить и жаловать.

— Извините, отвѣчалъ Кайсановъ, «что я, совсѣмъ не зная васъ, рѣшился притти къ вамъ. Вчера имѣлъ я удовольствіе познакомиться съ вашимъ семействомъ и при этомъ случаѣ супруга ваша пригласила меня на сегоднешній день....»

«Я очень радъ видѣть у себя такаго дорогаго гостя» перервалъ Кубышкинъ. «Просимъ покорно пожаловать въ горницу.»

При входѣ въ гостиную встрѣтили Кайсанова Аграфена Кузминишна и Надежда Алексѣевна. Первая благодарила его за исполненіе даннаго слова и просила сѣсть на канапе, предъ которымъ на столикѣ, покрытомъ камчатною салфеткой, стояла уже приготовленная закуска.

Гостинная убрана была въ купеческомъ вкусѣ. Изъ всѣхъ украшающихъ ее мебелей отличался болѣе прочихъ въ переднемъ углу большой краснаго дерева

кивотъ, съ стеклянными дверцами, наполненный образами разной величины, изъ которыхъ самой большой, стоящій въ срединѣ, и два нѣсколько поменьше по обѣимъ сторонамъ его, блестѣли серебряными и ярко вызолоченными ризами. Предъ кивотомъ на серебреной цѣпочкѣ висѣла тепляшаяся лампада. Два ломберные стола и нѣсколько стульевъ, съ черными кожаными подушками, обложенные по краямъ ремешками, прибитыми мѣдными гвоздиками, разставлены были у стѣнъ въ симметрическомъ порядкѣ. На стѣнахъ красовались портреты хозяина и хозяйки, написанные въ соотвѣтственныхъ сословію ихъ костюмахъ, и около дюжины гравированныхъ картинъ за стеклами въ вызолоченныхъ рамкахъ. При входа изъ передней, направо къ окну, висѣли стѣнные часы съ кукушкой, а налѣво была печь, сдѣланная изъ зеленыхъ муравленыхъ изразцовъ, на выпуклости которыхъ изображались разныя фигуры. Эта печь поддерживалась снизу нѣсколькими деревянными столбиками. На полу, передъ канапе, обитомъ также, какъ и стулья, кожею, постланъ былъ узорчатый коверъ, на которомъ стояли четыреугольный небольшій столикъ и съ двухъ его сторонъ по креслу.

Купецъ Кубышкинъ, мущина лѣтъ около пятидесяти, былъ средняго роста, съ черными волосами, съ небольшою просѣдью на головѣ и на бородѣ, которую онъ не брилъ. Почтенный и выразительный видъ его, осанка и поступь, соотвѣтствующія физіо-

номіи, съ перваго взгляда вселяли къ нему уваженіе. Онъ давно уже жилъ къ Смоленскѣ, но родомъ былъ изъ Калуги, откуда, по торговымъ обстоятельствамъ, переселился сюда вмѣстѣ съ своею сожительницею.

Аграфена Кузминишна также была средняго роста, довольно дородна, но не толста, и тремя или четырьмя годами моложе своего мужа. По чертамъ лица ея можно было замѣтить, что въ молодости своей была она очень недурна. Разговорами и непритворнымъ радушіемъ умѣла она привлечь къ себѣ всѣхъ, кто ей нравился; напротивъ того съ тѣми, къ которымъ она не благоволила, обращалась сухо и съ нѣкоторою напыщенностію.

А Наденька? Она была такъ умна, такъ мила и прекрасна, какъ всѣ героини прежнихъ, нынѣшнихъ и будущихъ романовъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, хозяинъ и хозяйка просили гостя закусить, и, какъ у многихъ теперь водится, стали разговаривать о погодѣ.

— Сегодня довольно холодненько, Степанъ Александровичь.... охъ! ошиблась.... Александръ Степановичь, хотѣла я сказать, такъ начала Аграфена Кузминишна.

— Слава Богу, что наконецъ дождались мы зимы! прервалъ ее Кубышкинъ. Въ нынѣшнемъ году

она поздненько къ намъ пожаловала: а для насъ, про мышлениковъ, не выгодна продолжительная осень.

«Вы торгуете чѣмъ-нибудь?» спросилъ Кайсановъ.

— Охъ, батюшка! лучше не спрашивайте. Прежд де торговалъ я дровами, а въ нынѣшнемъ году под рядился поставить въ Кіевъ провіантъ на армію, да что-то плохо идетъ: мука вздорожала, а я снялъ по ставку по прежней цѣнѣ, и теперь, навѣрное, оста нусь въ-накладѣ.

— Никто, какъ Богъ! Алексѣй Харитоновичь, пе рервала его Аграфена Кузминишна. Авось будетъ хоть небольшой барышокъ.

Послышался звукъ кольца у калитки. Хозяйка закричала: Сенька! выйди и посмотри, кто бренчитъ у воротъ; если незваный, скажи, что никого нѣтъ дома.

— Это вѣрно Максимъ Петровичь съ сожитель ницей, сказалъ Кубышкинъ; вышедши вмѣстѣ отъ обѣдни, я просилъ ихъ къ себѣ откушать.... такъ и есть: они! продолжалъ онъ, взглянувъ въ окно на улицу, прикатили на саняхъ.... ухъ! какая же лихая пара!... знать недавно купилъ.

— Да и салопъ на Лукерьѣ Тихоновнѣ новенькой! подхватила Аграфена Кузминишна, глядя въ другое окно, смотри, какъ живутъ! не по-нашему.

— Ну чтожь? пусть себѣ-наживаются, отвѣчалъ Кубышкинъ и пошелъ встрѣчать новоприбывшихъ.

Максимъ Петровичь былъ такой же переселившійся въ Смоленскъ купецъ и такую же носилъ бородку, какъ и Кубышкинъ; а высокая, сухопарая его сожительница, Лукерья Тихоновна, ходила въ такомъ же костюмѣ, какъ и Аграфена Кузминишна и такъ же украшала свою голову шелковымъ платочкомъ.

Новые гости вошли въ комнату, стали у дверей и, смотря на образа, принялись креститься. Потомъ поклонились хозяину, хозяйкѣ, ихъ дочери, а наконецъ и Кайсанову. Аграфена Кузминишна поцаловалась съ Лукерьей Тихоновной и просила ее занять мѣсто на канапе, а Максимъ Петровичь усѣлся возлѣ дверей на стулѣ.

— Ахъ, матушка! начала Лукерья Тихоновна обыкновеннымъ предисловіемъ, какая сегодня стужа! я такъ озябла, что мочи нѣтъ!

«Да! потвердилъ протяжно Максимъ Петровичь замѣчаніе своей сожительницы; морозикъ, хоть куда!

Изъ этаго вступленія завязался между стариками разговоръ.

Между-тѣмъ Надежда Алексѣевна стояла у окна, возлѣ котораго на столѣ лежали четыре книги, одна изъ нихъ была раскрыта. Кайсановъ подошелъ къ столу и, взглянувъ на раскрытую книгу, спросилъ у Наденьки.

« Это вы изволили читать? я слышалъ, что вы охотницы до чтенія.

— Отъ кого вы это слышали, сказала Наденька; впрочемъ это правда, я люблю заниматься чтеніемъ.

Раскрытая книга была первая часть *Собесѣдника любителей Россійскаго слова*, а другія три, комедіи: *Недоросль*, *Перстень* и *Нашла коса на камень*.

Кайсановъ, пересмотрѣвъ всѣ заглавія, сказалъ: «Эти книги недавно еще вышли и считаются лучшими изъ новыхъ книгъ, а особливо Собесѣдникъ, въ которомъ помѣщаются стихотворенія новаго нашего поэта.

« Я страстная любительница стиховъ, сказала Наденька, и очень много ихъ читаю, но такихъ прекрасныхъ, какъ напримѣръ: *Ода на смерть князя Мещерскаго*, *На рожденіе порфироднаго отрока* и прочихъ,

помѣщенныхъ въ этой книгѣ, мнѣ никогда еще не случалось читать на Русскомъ языкѣ.

« Ваша правда, сударыня, отвѣчалъ Кайсановъ, ни сколько не затрудняясь придать ей этотъ титулъ, котораго она, по образованію своему, болѣе и болѣе имъ замѣчаемому, была достойна. Такихъ стиховъ никто еще не писалъ прежде *Державина*. Намъ пріятно надѣяться, что этотъ стихотворецъ много для насъ сдѣлаетъ.

Тутъ перевернулъ онъ заглавный листъ Собесѣдника и продолжалъ: вотъ и эта ода его же. Въ бытность мою нынѣшнимъ лѣтомъ въ Петербургѣ, я слышалъ, что за это стихотвореніе Императрица прислала автору драгоцѣнный подарокъ.

И я это слышала. До нынѣшняго времени считался у насъ лучшимъ стихотворцемъ *Ломоносовъ*, но теперь едва ли не должно отдать первенство Державину.

«Я вижу, перервалъ Кайсановъ, что вы не только охотницы читать стихи, но умѣете и цѣнить ихъ. Признаюсь, я самъ любитель чтенія. Жаль, что у насъ въ Россіи мало еще хорошихъ сочинителей.

— А о переводчикахъ и говорить нечего, возразила Наденька; ни одна переведенная книга не вѣр-

на съ подлинникомъ. Недавно читала я первую часть *Новой Элоизы* на Русскомъ языкѣ и замѣтила, что мысли сочинителя выражены совсѣмъ не такъ, какъ въ оригиналѣ. Послѣ этаго пропала у меня охота читать переводные романы и теперь стараюсь я, если можно, достать ихъ въ подлинникѣ.

«Позвольте мнѣ откровенно говорить съ вами, сказалъ Кайсановъ, восхищенный ея сужденіями; я слышалъ, что вы воспитывались не въ домѣ вашихъ родителей?»

— Это ужъ вамъ извѣстно? сказала Наденька съ маленькой улыбкой; точно такъ, я жила восемь лѣтъ у крестной моей матушки, полковницы *Друкортъ*, которая любила меня столько же, какъ и родную дочь свою, и обѣимъ намъ доставила одинакое образованіе.

Тутъ Аграфена Кузминишна подошла къ своей дочери и сказала: Наденька, голубушка! прикажи накрывать на столъ; да скажи Агаѳьѣ, прибавила она ей на-ухо, чтобъ положила новую скатерть, знаешь? ту, что нынѣшнюю осень купили.

Наденька пошла, а Аграфена Кузминишна обратилась къ Кайсанову и начала выхвалять дочь свою. Наденька наша, продолжала она, такое для насъ сокровище, какое Богъ рѣдко кому посылаетъ! Чего она не знаетъ? и по-Французски-то, и по-Нѣмецки, тан-

цуетъ, и играетъ на клавикордахъ. И при всемъ томъ какъ любитъ заниматься хозяйствомъ, рукодѣльемъ и вышиваньемъ въ тамбуръ! А нравъ у нея такой тихой, такой милый!... только за то не могу похвалить, что слишкомъ уже пристрастилась къ чтенію. Если бъ не это, то можно бы сказать, что у нея *формально* никакаго нѣтъ недостатка.

«А мнѣ кажется,» перервалъ Кайсановъ, что охота къ чтенію такое достоинство въ дѣвицѣ, какое нынѣче рѣдко найти можно. Всѣ наши барышни любятъ только наряжаться, прогуливаться и танцовать, а болѣе ничѣмъ не занимаются и ни къ чему другому не имѣютъ охоты.

— У насъ, батюшка, въ купеческомъ кругу, мало танцуютъ, возразила Аграфена Кузминишна, развѣ только о Святкахъ у кого-нибудь изъ родныхъ, или на именинныхъ и свадебныхъ пирахъ; да и то пляшутъ по-Русски, а не танцуютъ по-*Нѣмецкому*. Вотъ у покойницы кумушки моей, а Наденькиной крестной матушки, Катерины Александровны, очень часто бывали Нѣмецкіе танцы: тамъ я довольно насмотрѣлась на нихъ; однако жъ не знаю, какъ вамъ сказать, хороши ли они, или нѣтъ, Богъ вѣсть! Вертятся, крутятся и фигурятъ ногами такъ, что намъ бы вѣкъ этаго не перенять.

Тутъ вбѣжалъ въ комнату Сенька, весь запыхавшись (онъ отправлялъ у Кубышкина не только ку-

черскую и дворническую должность, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ камердинеромъ и дворецкимъ), и доложилъ хозяевамъ своимъ, что, стоя за воротами, увидѣлъ онъ вдали, бывающаго часто у Алексѣя Харитоновича, повытчика намѣстническаго правленія *Цапкина*, который, какъ онъ полагаетъ, и теперь идетъ къ нему, а потому прибѣжалъ спросить, прикажутъ ли его впустить?

— Пусти! сказалъ Кубышкинъ; онъ обѣщалъ мнѣ принесть копію, которую я просилъ его списать.

Сенька вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ явился въ гостиную небольшаго росту человѣчекъ, сутуловатый, неуклюжій, съ густо-напудренными и приглаженными назадъ волосами; на затылкѣ торчала у него коротенькая, тоненькая коса. Мѣшковатый и довольно поношенный кафтанъ голубаго цвѣта, передѣланный изъ стараго намѣстническаго мундира*, черный тафтяный камзолъ съ длинными висячими карманами и нижнее платье изъ черной гарусной матеріи, составляли его нарядъ; все это надѣто было на немъ, какъ на чучелѣ, которую ставятъ на гороховыя гряды для пуганья воробьевъ. Только-что онъ вошелъ, Кубышкинъ встрѣтилъ его и, взявъ за руку, сказалъ:

* Въ-старину Смоленскіе намѣстническіе мундиры были голубаго цвѣта, но не задолго до того времени, съ котораго начинается нашъ разсказъ, велѣно носить красные, съ лацканами и воротниками песочнаго цвѣта.

— А! почтеннѣйшій Финогенъ Карповичь! милости просимъ! Я очень радъ, что вы пожаловали: прошу покорно садиться и согрѣться водочкой.

«Поравнявшись съ вашимъ домомъ, такъ началъ Цапкинъ, я никакъ не хотѣлъ *преминуть*, *дабы* не засвидѣтельствовать милостивцу моему Алексѣю Харитоновичу и почтеннѣйшей супругѣ его Агриппинѣ Косминичнѣ, *а такожде* и *благолѣпной* ихъ *дщери* Надеждѣ Алексіевнѣ, *всенижайшаго* моего *высоко*-почитанія. Честь имѣю *проздравить* васъ съ храмовымъ праздникомъ! Шаркнувъ три раза ногами и отвѣсивъ три поклона, онъ продолжалъ:

«А! да здѣсь и Максимъ Петровичь, общій нашъ благопріятель, и сожительница его Гликерія Тихоновна!.... какъ *обрѣтаетесь* вы въ вашемъ здоровьѣ?

Сказавъ это, протянулъ онъ руку Максиму Петровичу, а тотъ, не отвѣчая ни слова, сжалъ ее такъ крѣпко, что Цапкинъ не могъ вытерпѣть такаго дружескаго привѣтствія и вскрикнулъ, отдергивая поскорѣй свою руку:

«Нѣтъ, почтеннѣйшій! это ужъ слишкомъ дружно! инда косточки мои хруснули.

Такіе комплименты продолжались нѣсколько минутъ. По окончаніи ихъ хозяинъ взялъ Цапкина подъ

руку, подвелъ къ столику, на которомъ стояла закуска, и спросилъ: чего угодно вамъ, Финогенъ Карповичь, настойки, водочки, или *Ренскаго*?

«А вотъ, посмотримъ,» отвѣчалъ Цапкинъ. Сперва познакомимся съ настоечкой, а тамъ доберемся и до *высшей инстанціи*. Нашимъ братьямъ приказнымъ *подобаетъ* разсматривать всѣ *документы* и изготовлять дѣла къ *слушанію* по-очереди; а настойка, водочка и Ренское, по моему мнѣнію, принадлежатъ къ важнѣйшимъ документамъ въ горемычномъ нашемъ свѣтѣ.

Тутъ окинулъ онъ глазами рюмки, стоявшія на столикѣ, выбралъ изъ нихъ самую большую, взялъ карафинъ съ настойкой, влилъ ее въ рюмку по самые края и, держа отрадный напитокъ въ рукѣ, обратился ко всѣмъ, провозгласилъ краснорѣчивое поздравленіе и желаніе каждому *многольтнаго здравія* и *душевнаго спасенія*, и проглотилъ настойку залпомъ, не проливъ ни одной капли. Потомъ схватилъ вилкой кусокъ балыка, закусилъ, опять наполнилъ рюмку настойкой и съ такою же поспѣшностію отправилъ *куда слѣдуетъ дубликатъ* и въ другой разъ закусилъ икрой. Послѣ такаго быстраго и исправнаго *дѣлопроизводства*, онъ хотѣлъ-было выпить виноградная вина, но хозяинъ просилъ выкушать еще третью рюмочку *православнаго* напитка, а потомъ уже приняться за чужеземный. Цапкинъ повиновался безъ прекословія. По отправленіи *трипликата*, принялся

нъ и за вино: налилъ уже не въ рюмку, а въ одинъ
зъ тѣхъ стакановъ, которые поставлены были на
акрытомъ для обѣда столѣ; *пріобщивъ* и эту *статью*
прочимъ таковымъ же, онъ обтеръ губы и съ пре-
мѣшными ужимками поклонился хозяину и хозяйкѣ.

Подали кушанье. Алексѣй Харитоновичь и Аграфена Кузминишна стали просить гостей сѣсть за столъ. Кайсанову предложили занять почетнѣйшее мѣсто съ правой стороны, возлѣ хозяйки. Лукерья Тихоновна сѣла по лѣвую; Максимъ Петровичь возлѣ Кайсанова, Цапкинъ, напротивъ хозяйки, рядомъ съ хозяиномъ, Наденька помѣстилась возлѣ Лукерьи Тихоновны.

Аграфена Кузминишна разрѣзала кулебяку, и положивъ кусокъ на тарелку, подала прежде всѣхъ Кайсанову, примолвивъ: извините, Степ.... опять-было ошиблась; эка безпамятная!... Александръ Степановичь! Можетъ быть, вамъ не понравится постное купеческое кушанье, но мы не умѣемъ готовить на Французскій манеръ: поваровъ не держимъ, а стряпаемъ сами. Вотъ и эту кулебяку я сама пекла.

«Я привыкъ ко всякому кушанью, отвѣчалъ Кайсановъ, лишь бы оно опрятно было изготовлено; а если вы сами стряпали, то я увѣренъ, что ваше кушанье вкусно.»

Этимъ комплиментомъ Аграфена Кузминишна осталась очень довольна и всячески старалась угодить

молодому офицеру. Отъ каждаго блюда подавала он ему сама, выбирая лучшее.

Послѣ кулебяки хозяинъ и хозяйка стали под чивать гостей виномъ. Замѣтно было, что Кайсанов угощали преимущественнѣе отъ прочихъ и говорил съ нимъ болѣе, нежели съ другими. Особенно жа Аграфена Кузминишна пустилась распрашивать ег обо всемъ *подноготномъ*, на прим: кто были его ро дители? есть ли у него, кромѣ Зарянова, еще гдѣ-ни будь родственники? который ему годъ? и напослѣ докъ спросила съ улыбкой: не женатъ ли онъ?

Нѣтъ, отвѣчалъ Кайсановъ, также улыбнувшись немного.

Этотъ отрицательный отвѣтъ очень пріятенъ былъ Аграфенѣ Кузминишнѣ, и еще болѣе Наденькѣ, хотя ни та, ни другая не показывали этаго на сво ихъ лицахъ.

Цапкинъ въ свою очередь также обратился къ Кайсанову, величая его почти при каждомъ словѣ *вашимъ благородіемъ*. Узнавъ, что молодой капитанъ въ первый еще разъ въ Смоленскѣ, онъ сказалъ: «Я увѣренъ, что нашъ Смоленскъ очень понравится ва шему благородію. Здѣшніе дворяне любятъ жить ве село и рады угощать пріѣзжихъ. А притомъ и вс съѣстные припасы у насъ очень дешевы.

Истинная правда! подтвердилъ Максимъ Петровичь, который впродолженіе обѣда ничего еще не говорилъ и вмѣшался теперь въ разговоръ для того только, чтобы сказать что-нибудь. «Здѣсь все очень дешево: фунтъ хлѣба продается у насъ по копѣйкѣ, а говядины, самой лучшей, три копѣйки.

— У насъ очень часто бываютъ и публичныя собранія, примолвилъ Кубышкинъ; всякую зиму безпрестанно маскарады и балы; сверхъ того два раза въ недѣлю дворянскій клубъ. Всѣ значительнѣйшія здѣшнія особы съѣзжаются туда танцовать и играть въ карты.

— А въ прошломъ году, перервала его сожительница, когда стояли у насъ полевые полки, былъ здѣсь и *тіятръ*. За городомъ, на Покровской горѣ, Смоленскаго полка полковникъ князь Долгоруковъ приказалъ сдѣлать изъ хвороста шалашъ, въ которомъ представляли разныя камедіи. Всѣ чиновники и дворяне съ фамиліями ѣздили туда смотрѣть безденежно эти представленія*. Однажды и мы грѣшные, съ Наденькиной крестною сестрицей были тамъ. Какую-бишь тогда представляли камедію, Наденька?

— *Такъ и должно*, а послѣ этаго еще другую: *Нарциссъ*, отвѣчала Надежда Алексѣевна.

* Здѣсь небольшой анахронизмъ. Это было въ сентябрѣ 1785 года.

— Я никогда такъ не хохотала, какъ въ тотъ вечеръ, смотря на эту кропотливую Афросинью Сысоевну*, продолжала Кубышкина; сперва я думала, что это въ самомъ дѣлѣ барыня, анъ вышло, что это былъ переодѣтый мужчина: но онъ представлялъ такъ натурально, что никто не сказалъ бы, что это не женщина. Вотъ точнехонько, ни дать ни взять, сердитая и капризная деревенская помѣщица!

— И прочія женскія лица представляли все мужчины, прибавилъ Кубышкинъ.

«Откуда жъ набрали актёровъ, спросилъ Кайсановъ.

— Все представляли полковые офицеры и унтеръ-офицеры, отвѣчалъ Кубышкинъ; помнится мнѣ, одинъ изъ нихъ, который игралъ въ первой комедіи офицера, а въ послѣдней влюбленнаго въ себя самаго, назывался *Клушинъ*, а другой, который почти всегда представлялъ служанокъ: *Цетреусъ*, сынъ здѣшняго гарнизоннаго капитана. Только одинъ былъ изъ придворныхъ актеровъ, и вотъ этотъ-то игралъ Афросинью Сысоевну и вообще во всѣхъ комедіяхъ старухъ; по фамиліи звали его *Семичевъ*.

* Дѣйствующее лицо въ комедіи: Такъ и должно, которая въ свое время была одна изъ любимыхъ нашихъ оригинальныхъ пьесъ.

— Однако жъ онъ игралъ и другія роли, примолвила Наденька. Въ тотъ же вечеръ, въ комедіи *Нарциссъ* представлялъ онъ *Оронта*. А также и Цетреусъ въ Недорослѣ игралъ Вральмана.

— Я никакъ не узнала бы Семичева, сказала Аграфена Кузминишна, если бъ не сказали мнѣ, что это тотъ самый, который представлялъ барыню. Такой проказникъ! Совсѣмъ сталъ не похожъ на себя! Видите ли, батюшка, Александръ Степановичь, какія бываютъ у насъ потѣхи.

«Ну, что за потѣха *тіятръ?* сказалъ Цапкинъ; я не нашелъ въ немъ никакаго толку: передражниваютъ добрыхъ людей, мелютъ такую чепуху, что иногда ничего изъ нея не поймешь. Такія ли забавы бывали у насъ при корпусномъ командирѣ генералѣ Игельштромѣ? Вотъ ужъ можно было повеселиться настоящимъ *манеромъ*. Бывало, объ масленицѣ, велитъ онъ прицѣпить рядомъ саней паръ пятьдесятъ, или болѣе; пригласитъ высшихъ чиновниковъ и дворянъ съ женами и дочерьми, и всѣ разсядутся по санямъ и поѣдутъ кататься по городу. Впереди бѣгутъ скороходы, за ними ѣдутъ музыканты и пѣсельники, а потомъ ужъ чинъ за чиномъ: сперва намѣстникъ нашъ, высокосіятельнѣйшій князь Николай Васильевичь Рѣпнинъ, за нимъ самъ генералъ Игельштромъ, а тамъ губернаторъ, оберъ-комендантъ и другіе генералы, военные и штатскіе чиновники, и каждый съ дамой.

Весь этотъ поѣздъ растянется версты на полторы! Вотъ это можно назвать потѣхой: любо-дорого смотрѣть; по неволѣ бывало-захочется прокатиться: наймешь извощика за гривенку, да вслѣдъ за всѣми и пустишься.

— Какихъ не бываетъ у насъ веселостей! прибавила Лукерья Тихоновна, сидѣвшая пока молча, и прилежно кушавшая кулебяку и другія блюда. О Святкахъ по вечерамъ ходятъ семинаристы и школьники гарнизонные съ вертепами. А я, признаться, люблю смотрѣть на куклы, которыя такъ смѣшно пляшутъ и коверкаются. Отъ однѣхъ приговорокъ нахохочешься досыта.

— Сюда пріѣзжаютъ иногда иностранные фигляры и плясуны на канатахъ, перервалъ Кубышкинъ; прошлаго году былъ здѣсь удивительный фокусникъ. Какъ-бишь онъ назывался?...

— Мегеліусъ, отвѣчала Наденька.

— Вотъ ужъ, можно сказать, совершенный былъ колдунъ! продолжалъ Кубышкинъ. Въ тотъ вечеръ, какъ мы смотрѣли его штуки, предложилъ онъ одному изъ зрителей простаго званія зарѣзать пѣтуха: тотъ и чиркнулъ его ножемъ по горлу. Пѣтухъ затрепеталъ и протянулся. Штукарь взялъ какой-то пузырекъ съ водицей, полилъ изъ него нѣсколько ка-

пель на рану, пробормоталъ что-то по-иностранному и вдругъ, пѣтухъ встрепенулся и запѣлъ: *кикиреку*, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Потомъ изъ свѣжаго яйца вылупилъ живаго цыпленка, а дочка его ходила босыми ногами по раскаленной желѣзной полосѣ... и много еще другихъ показывалъ удивительныхъ штукъ.

— А голова, которая стояла на оловянномъ блюдѣ и которую то и дѣло заводилъ онъ ключикомъ, какъ часы? подхватила Аграфена Кузминишна.

— Да, прибавилъ Кубышкинъ, голова эта была пречудесная! Фокусникъ называлъ ее какимъ-то именемъ....

— *Голоперомъ*, или какъ-то на это похоже, отвѣчала Аграфена Кузминишна.

— Олоферномъ — поправила матушку свою Наденька.

«Да, да; Ал...Алферомъ. Тьфу пропасть! никакъ не могу выговорить Французскихъ словъ; очень трудно тому ломать языкъ, кто привыкъ чисто говорить по-Русски. Эта волшебная башка дышала, говорила изъ колоды: а что всего удивительнѣе, она узнавала, сколько кому отроду лѣтъ! Штукарь попросилъ одного господина — который сидѣлъ возлѣ меня—за

мѣтить мѣлкомъ въ тульѣ своей шляпы, сколько ему лѣтъ и велѣлъ головѣ отвѣчать. Какъ бы вы думали? она отгадала! шляпа была всѣмъ показана и всѣ видѣли, что въ ней точно столько было написано. Правду сказать, я не могла понять ея отвѣта, потому-что она говорила по-Нѣмецки, но Наденька переводила мнѣ ея слова.»

— Съ нами крестная сила! сказала перекрестясь Лукерья Тихоновна. «Это ужъ настоящее колдовство! я ни зачто не поѣхала бы смотрѣть такую бѣсовщину. Удивляюсь, какъ пришла вамъ охота!

— И мы не поѣхали бъ, отвѣчалъ Кубышкинъ, да вотъ Наденькина крестная сестрица насъ взбаламутила.

Наденька усмѣхнулась и сказала: тутъ не было ни какаго колдовства: все это дѣлалось посредствомъ физики и механики.

«Какъ бы не такъ!» перервалъ Цапкинъ, «нѣтъ, извините! меня никто не увѣритъ, чтобъ тутъ не было грѣха. Что за *хвизика* и *муханика*? Это все пустяки: кто вамъ такъ сказалъ, тотъ, видно, бусурманъ. Тутъ ни что иное, какъ, прости Господи! обморочиваніе. Я слыхалъ отъ стариковъ, что если представляютъ такія штуки, то надобно замѣтить гдѣ-нибудь сучокъ — напримѣръ на стѣнѣ, въ столѣ, или въ другомъ какомъ мѣстѣ, и закрыть его указатель-

нымъ пальцемъ правой руки: тогда все обморочиваніе исчезнетъ и всѣ эти штуки и обманы покажутся въ настоящемъ видѣ.»

— И я это слыхалъ, сказалъ Максимъ Петровичь.

Тутъ Надежда Алексѣевна и Кайсановъ взглянули другъ на друга и оба улыбнулись. Послѣдній обратился къ Кубышкину и завелъ новый разговоръ.

— Алексѣй Харитоновичь! сказала немного спустя хозяйка своему сожителю; наши разговоры надоѣли Александру Степановичу: я замѣчаю, что онъ начинаетъ уже скучать. Поди-ка, принеси бутылочки двѣ *Шин*панскаго, да поподчуй дорогихъ нашихъ гостей.

«Мнѣ совсѣмъ не скучно,»отвѣчалъ Кайсановъ; напротивъ того, я съ удовольствіемъ слушаю.»

Кубышкинъ всталъ и пошелъ за Шампанскимъ. Между-тѣмъ хозяйка подвинула къ Кайсанову блюдо съ сладкими пирожками и предложила ему. «Эти пирожки,» сказала она, «дѣлала Наденька.»

Кайсановъ взялъ парочку, но Аграфена Кузминишна просила неотступно взять побольше, говоря, что пирожки не велики. Кайсановъ не могъ отгово-

риться и взялъ еще третій. Потомъ Кубышкину сдѣлали такое же предложеніе и другимъ гостямъ. Когда дошла очередь до Цапкина, то онъ, сдѣлавъ кисло-сладкую подъяческую гримасу, сказалъ:

«Хотя я и не охотникъ до лакомыхъ *яствъ*, но *поелику сіи* пирожки сочинены *благолѣпными* руками, *того ради* не откажусь взять парочку.»

Кубышкинъ возвратился, неся двѣ закупоренныя бутылки Шампанскаго. Въ слѣдъ за нимъ явился Сенька съ подносомъ, на которомъ стояли покалы. Хозяинъ откупорилъ одну бутылку и, разливъ вино въ покалы, приказалъ Сенькѣ подносить гостямъ. Кайсанову поднесли прежде всѣхъ: онъ всталъ и провозгласилъ здоровье хозяина, хозяйки и ихъ дочери.

— Нѣтъ, нѣтъ, батюшка! перервала его Аграфена Кузминишна; если ужъ вамъ угодно пить за здоровье всего нашего семейства, то прошу покорно выкушать за каждаго изъ насъ особый бакальчикъ.

Кайсановъ сталъ-было отговариваться, но Кубышкинъ, его сожительница, и всѣ гости утверждали, что въ Смоленскѣ никогда не пьютъ по одному покалу и что это будетъ непростительнымъ нарушеніемъ общаго порядка и старинныхъ обычаевъ. Кайсановъ долженъ былъ согласиться.

Въ то время всякія вина были гораздо лучше и дешевле нынѣшнихъ. Шампанское, котораго бутылка стоила тогда въ столицѣ два рубля, было въ десять разъ превосходнѣе того, которое стоитъ теперь въ Петербургѣ десять рублей.

Окончивъ тосты, всѣ встали изъ-за стола.

Кайсановъ подошелъ опять къ тому столу, на которомъ лежали книги. Онъ взялъ одну изъ театральныхъ пьесъ. Это была комедія *Недоросль*, недавно еще напечатанная и недѣли за двѣ присланная изъ Петербурга къ дѣвицѣ *Друкортъ*, крестной сестрѣ Наденькиной, отъ которой за нѣсколько дней предъ тѣмъ она получила ее. Аграфеня Кузминишна спросила Кайсанова, читалъ ли онъ эту камедію?

«Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ, «но я довольно наслышался объ ней отъ моего полковника, который большой любитель театра и знатокъ въ книгахъ. Онъ сказывалъ, что видѣлъ ее въ представленіи, когда въ первый разъ давали ее на Петербургскомъ театрѣ, и что такой прекрасной пьесы у насъ еще не бывало.»

— Откровенно признаюсь вамъ, Александръ Степановичь,» сказала Аграфена Кузминишна, «я неохотница до *свѣтскихъ* книгъ и мало знаю въ нихъ толку, да и не умѣю разбирать гражданской печати, а читаю только по церковной: однако жъ эта камедія

очень мнѣ понравилась. Вчера Наденька читала ее вслухъ: мы съ Алексѣемъ Харитоновичемъ довольно посмѣялись; къ тому жъ надобно отдать справедливость Наденькѣ: она читаетъ такъ мастерски и такъ искусно перемѣняетъ голосъ, что думаешь, будто говорятъ разные люди.... Нут-ка Наденька, прочитай намъ что-нибудь изъ этой камедіи.

«Нѣтъ, маменька,» отвѣчала Надежда Алексѣевна, покраснѣвъ немножко; «вы уже слишкомъ меня расхвалили, я нехорошо читаю.»

Кайсановъ сталъ убѣдительно просить, чтобъ она прочитала хоть одну страницу: къ этой просьбѣ присоединили свои Кубышкинъ и Цапкинъ, и Наденькѣ никакъ нельзя было отказаться. Она начала читать. Всѣ слушали ее съ великимъ удовольствіемъ и удивлялись ея умѣнью измѣнять голосъ соотвѣтственно характеру каждаго дѣйствующаго лица. Она читала безъ застѣнчивости и безъ смѣшной увѣренности въ своемъ искуствѣ. Прочитавъ нѣсколько явленій, она положила книгу, посмотрѣла на Кайсанова и извинилась, что, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ рѣчахъ невѣрно выразила мысли сочинителя.

«Безъ всякой лести скажу,» возразилъ Кайсановъ, «что я въ первый разъ слышу дѣвицу, которая умѣла бы читать вслухъ съ такимъ искуствомъ и съ такою пріятностью.»

Наденька съ приличною скромностью поблагодарила его за похвалу, и опять закраснѣлась.

— За это искуство и за всѣ познанія, которыя получила Наденька, сказала Аграфена Кузминишна, должны мы благодарить покойную крестную ея матушку: она всячески старалась дать ей хорошее образованіе. Дай Богъ ей царство небесное!.... Хотя сначала мы не охотно соглашались отдать ей на воспитаніе единственное, милое наше дитя, однако жъ теперь я очень рада, что Наденька воспитывалась у нея. Могла ли бы она научиться тому у насъ, чему выучилась, живучи у покойной Катерины Александровны?

Тутъ Цапкинъ взялъ подъ руку Кубышкина, отвелъ къ сторонѣ и, вынувъ изъ кармана сложенный вчетверо листъ писаной бумаги, сказалъ шопотомъ: «вотъ *копійца*, которую вы у меня просили; я нарочно для этаго и пришелъ, чтобъ вамъ ее доставить.»

— Премного вамъ обязанъ, Финогенъ Карповичь! сказалъ Кубышкинъ, и взявъ копію повелъ Цапкина въ спальню. Тамъ далъ онъ ему пять цѣлковыхъ (въ то время не было еще ни синенькихъ, ни красненькихъ ассигнацій, а пять цѣлковыхъ, по тогдашнему курсу, составляли ровно пять рублей мѣди). Цапкинъ взялъ ихъ и старался положить въ карманъ такъ, чтобъ никто не услышалъ монетнаго зву-

ка: но стараніе его было тщетно. Звонкость новенькихъ рублей слышна была даже въ той комнатѣ, гдѣ сидѣли другіе.

Чрезъ часъ явилось еще нѣсколько гостей. Это были все купцы съ женами и дочерьми. Аграфена Кузминишна принимала ихъ съ радушіемъ. Наденька также: но сколько ни старалась она обращаться съ своими подругами ласково, тотчасъ можно было замѣтить, что образованіе прибывшихъ вовсе не равнялось съ ея образованіемъ, и отъ того разговоры дѣвицъ были изысканны и принужденны. Мужчины занялись разсужденіями о торговлѣ и купеческихъ оборотахъ. Кайсановъ подходилъ то къ купцамъ, то къ купчихамъ и вмѣшивался также въ ихъ бесѣды, но никто изъ этихъ новыхъ гостей не могъ привлечь его вниманія. Разговорами они всѣ почти похожи были на Максима Петровича и Лукерью Тихоновну.

Кайсанову очень хотѣлось поговорить еще съ Надеждой Алексѣевной, но чтобъ не подвергнуть ее и себя злословію сидящихъ тутъ купчихъ, онъ удерживался отъ этаго. Цапкинъ, получивъ *благостыню*, тотчасъ простился и ушелъ. Часу въ девятомъ начали расходиться и прочіе гости. Кайсановъ также взялъ шляпу и сталъ прощаться съ хозяевами. Они упрашивали его посидѣть еще, но онъ извинился и сказалъ, что ему надобно заняться дома распоряженіемъ, какъ разставить по квартирамъ свою команду, кото-

рая завтра должна притти очень рано. Онъ хотѣлъ было ужъ итти, но Аграфена Кузминишна просила его подождать минуты двѣ.

— Нѣтъ, батюшка, Александръ Степановичъ — прибавила она, мы не отпустимъ васъ пѣшкомъ. Квартира ваша довольно далеко отсюда и вы не успѣли еще обзнакомиться съ Смоленскими улицами: немудрено сбиться съ дороги. Наденька! скажи Сенькѣ, чтобъ заложилъ въ сани пару лошадей и отвезъ Александра Степановича.

Наденька пошла исполнить приказаніе своей матушки и тотчасъ возвратилась.

«Это правда,» сказалъ Кайсановъ, «Смоленскъ еще мало мнѣ знакомъ; при всемъ томъ, я замѣтилъ ужъ, что мѣстоположеніе его прелестное, и эти горы и рвы, которыхъ въ немъ такъ много, еще болѣе придаютъ ему красотъ.»

— Конечно, отвѣчалъ Кубышкинъ, для пріѣзжающихъ нашп горы и рвы кажутся красивыми; но намъ, здѣшнимъ жителямъ, они ужъ приглядѣлись и очень затрудняютъ насъ въ ходьбѣ и ѣздѣ.

«Всего страннѣе было для глазъ моихъ,» продолжалъ Кайсановъ, «что здѣсь и въ оврагахъ есть жилища и сады. Я намѣренъ на этихъ же дняхъ,

когда придетъ съ командой мой товарищъ и другъ, осмотрѣть съ нимъ вмѣстѣ весь Смоленскъ и познакомиться со всѣми здѣшними достопамятностями.»

Сенька, преобразившись въ кучера, вошелъ въ переднюю и отворивъ изъ нея дверь доложилъ, что сани ужъ готовы.

Кайсановъ поблагодарилъ хозяевъ за угощеніе и простился съ ними. Алексѣй Харитоновичь, Аграфена Кузминишна и Надежда Алексѣевна проводили его до выхода изъ передней и просили убѣдительно продолжать съ ними знакомство. Онъ съ удовольствіемъ благодарилъ за это искреннее приглашеніе и обѣщалъ посѣщать ихъ. Откланявшись еще разъ, онъ вышелъ, сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ свою квартиру.

Смоленскій Старожилъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Отрывокъ Письма

Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ

МАРІИ НИКОЛАЕВНѢ.

.....

Я былъ въ Бо́родинѣ въ самый день великолѣпнаго праздника, которымъ Государь угостилъ свою армію. Палатою для пирующихъ было Бородинское поле, а украшеніемъ палаты монументъ Бородинскаго боя съ Багратіоновымъ гробомъ у подошвы его, и Бородинскіе холмы, на которыхъ подъ жатвою, ихъ покрывающею, спитъ почти цѣлое войско, здѣсь погребенное со славою. Такихъ палатъ на свѣтѣ не много. Опишу Вамъ просто все, какъ было. Но прежде оглянемся назадъ. За 27 лѣтъ двѣ арміи стали на этихъ поляхъ одна передъ другою; въ одной Напо-

леонъ и всѣ народы Европы, въ другой одна Россія.
Наканунѣ сраженія (25 августа) все было спокойно;
раздавались одни ружейные выстрѣлы, которыхъ без-
престанный звукъ можно было сравнить со звукомъ
топоровъ, рубящихъ въ лѣсу деревья. Солнце сѣло
прекрасно; вечеръ наступилъ безоблачный и холодный;
ночь овладѣла небомъ, которое было темно и ясно,
и звѣзды ярко горѣли; зажглись костры; наконецъ
армія заснула вся съ мыслію, что на другой день
быть великому бою. И тишина, которая тогда воца-
рилась повсюду, неизобразима; въ этомъ всеобщемъ
молчаніи и въ этомъ глубокомъ темномъ небѣ, пол-
номъ звѣздъ и мирно распростертомъ надъ двумя
арміями, гдѣ столь многіе обречены были на другой
день погибнуть, было что-то роковое и несказанное.
И съ первымъ просвѣтомъ дня грянула Русская пуш-
ка, которая вдругъ пробудила повсемѣстное сраженіе.
Описывать это сраженіе здѣсь не у мѣста, да я и не
умѣлъ бы этаго сдѣлать, ибо не видалъ подробностей
кровавой свалки. Мы стояли въ кустахъ на лѣвомъ
флангѣ, на который напиралъ непріятель; ядра, неви-
димо откуда, къ намъ прилетали; все вокругъ насъ
страшно гремѣло; огромные клубы дыма подымались
на всемъ полукружіи горизонта, какъ будто отъ по-
всемѣстнаго пожара, и наконецъ ужасною бѣлою ту-
чей обхватили половину неба, которое тихо и безо-
блачно сіяло надъ бьющимися арміями. Во все про-
долженіе боя насъ мало по малу отодвигали назадъ.
Наконецъ, съ наступленіемъ темноты, сраженіе, до тѣхъ

поръ непрерывавшееся ни на минуту, умолкло. Тутъ намъ велѣно было двинуться впередъ, и мы очутились на возвышеніи посреди арміи; въ дали царствовалъ мракъ; все покрыто было густымъ туманомъ освѣщавшагося дыма, и костры непріятельскихъ бивуковъ горѣли въ этомъ туманѣ тусклымъ огнемъ, какъ огромныя раскаленныя ядра. Но мы недолго остались на мѣстѣ; армія тронулась и въ глубокомъ молчаніи пошла къ Москвѣ, покрытая темною ночью. Вотъ то, что мои глаза видѣли здѣсь за 27 лѣтъ. Теперь на Бородинскомъ полѣ была картина иная. Батареи на высотахъ исчезли; по нимъ переливается жатва, и одинъ монументъ Бородинскій ими владычествуетъ. Только тамъ, гдѣ такъ храбро дрался Воронцовъ, потерявшій здѣсь почти всѣхъ людей своихъ, гдѣ погибъ Тучковъ, неотысканный между мертвыми, остались признаки укрѣпленій; но они служатъ подножіемъ церкви, построенной вдовою Тучкова на мѣстѣ погибели ея мужа, а вмѣсто пушекъ, тогда здѣсь гремѣвшихъ, являются тихія кельи монахинь. Здѣсь, наканунѣ праздника, встрѣтилъ я нѣкоторыхъ изъ нашихъ храбрыхъ генераловъ. Одинъ изъ нихъ показывалъ товарищамъ своимъ то мѣсто, гдѣ за четверть вѣка бился; онъ самъ уже не узнавалъ его, и монахини служили ему провожатыми къ немногимъ остаткамъ тѣхъ окоповъ, на коихъ тогда пали его сослуживцы. Въ глазахъ заслуженнаго воина сверкали слезы: то были слезы глубокаго, возвышеннаго чувства; какъ могло не разогрѣться сердце при вступленіи, послѣ столь-

кихъ лѣтъ, послѣ столькихъ измѣненій и въ своей судьбѣ и въ судьбѣ народовъ, на то мѣсто, гдѣ совершилось одно изъ главныхъ событій жизни, гдѣ вдругъ безъ прощанья надлежало разстаться съ такимъ множествомъ храбрыхъ ближнихъ, гдѣ всѣ они лежатъ, смѣшавшись съ прахомъ земли, и гдѣ, вѣроятно, всѣ они ожили въ позднемъ воспоминаніи? На этомъ же мѣстѣ явился и другой храбрый воинъ Бородинскаго дня; онъ вошелъ въ церковь, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ Царскими дверями, поклонился гробу Тучкова и положилъ на налой образъ, вѣроятно съ нимъ бывшій въ этомъ сраженіи, благодарною данію Спасителю-Богу.

Утро Бородинскаго праздника было такъ же ясно, какъ утро Бородинскаго боя. Тогда была чувствительна осенняя свѣжесть; теперь теплота наполняла воздухъ, и отъ долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малѣйшемъ вѣткѣ подымалась столбами. Войска (около ста пятидесяти тысячь) были рано поутру сведены на мѣста, имъ назначенныя; они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая съ трехъ сторонъ то возвышеніе, на коемъ *теперь* стоитъ памятникъ Бородинскій и у подошвы его лежитъ Багратіонъ, на коемъ *тогда* произошла самая жаркая битва, гдѣ дрались Раевскій, Барклай, Паскевичь, гдѣ раненъ Ермоловъ, гдѣ погибъ Кутайсовъ, на которое гремѣло болѣе двухъ сотъ Наполеоновыхъ пушекъ, гдѣ наконецъ всѣ перемѣша-

лись въ рукопашной убійственной свалкѣ. Войска, видимыя съ вершины этаго холма, представляли зрѣлище единственное; однимъ взглядомъ можно было окинуть сто-пятидесяти-тысячную армію, сжатую въ густыя колонны, которыя амфитеатромъ одна надъ другой подымались. Пѣхота была неподвижна; по ружьямъ сверкало солнце, и штыки ихъ казались блестящею, поднявшеюся щетиною огромнаго боеваго чудовища. Гдѣ стояла конница, тамъ дымилось; конскія копыта подымали пыль; она колебалась надъ колоннами какъ черная гробовая туча. Позади арміи разставлена была артиллерія. Въ срединѣ этаго чуднаго амфитеатра возвышался памятникъ, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны всѣ отставные, нѣкогда участвовавшіе въ славной битвѣ и изъ разныхъ мѣстъ собравшіеся на ея праздникъ. Между ними особенно замѣчательны были инвалиды, кто съ подвязанною рукою, кто съ повязкою на головѣ, кто безъ обѣихъ ногъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ ожиданіи торжества, сидѣли на ступеняхъ монумента; другіе, положивъ на землю клюки, отдыхали у Багратіонова гроба, и этотъ гробъ, одинъ на землѣ Бородинской, величественно-тихій, въ виду арміи новаго поколѣнія, казался представителемъ поколѣнія прежняго, котораго воины положили здѣсь свои головы, котораго прахъ вѣчно-живая природа съ такою любовію одѣла здѣсь своею свѣжею зеленью, своею благовонною жатвою. Другіе Бородинскіе воины, еще находящіеся въ службѣ, сидѣли на коняхъ и выстроены были фрун-

томъ внѣ ограды. Явился Государь, проскакалъ мимо колоннъ; грянуло повсемѣстное *ура*, и вдругъ все утихло: отъ Бородина съ хоругвями и крестами потянулся ходъ; священники всѣхъ полковъ, священники столицы, и позади всѣхъ Преосвященный Митрополитъ Московскій, длиннымъ строемъ, съ торжественнымъ пѣніемъ, шли мимо арміи къ монументу, предъ которымъ былъ воздвигнутъ алтарь. Когда священники стали по мѣстамъ своимъ и Митрополитъ приблизился къ алтарю, тишина невыразимая воцарилась повсюду; ни движенія, ни шороха; какъ будто живые слились въ одно безмолвное братство съ безчисленными мертвыми, здѣсь подъ землею сокрытыми, какъ будто бы мертвые вышли изъ праха и, ставши въ строй съ живыми, вселили въ нихъ свое неземное спокойствіе; однимъ словомъ, этой минуты описать невозможно. И вдругъ изъ глубины этаго чуднаго молчанія тихо поднялся гармоническій голосъ, раздалось повсюду: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!* Эта минутная гармонія, какъ тихій Ангелъ, пролетѣла между небомъ и землею; она не нарушила молчанія, она не умолкла; она была чѣмъ-то таинственнымъ, чѣмъ-то всевыражающимъ, вдругъ совершившимся вѣдомо и невѣдомо. Началось молебствіе; молитвы и пѣніе отъ подошвы памятника доходили до войска. Какая умилительная противоположность съ тѣмъ громомъ битвы, отъ котораго здѣсь, за четверть вѣка, земля трепетала. Вдругъ раздался звучный голосъ Государя; услышали команду Его: *смирно!* Съ

глубокою, повсемѣстною тишиною соединилось повсеѣстное ожиданіе, и въ это мгновеніе Первосвятитель возгласилъ: *Великому Императору Александру Первому вѣчная память!* Тутъ всѣ пушки грянули однимъ залѣомъ, вся армія грянула единогласно *ура!* Изъ-за всѣхъ колоннъ, по всѣмъ высотамъ поднялись тучи дыма, и долго въ этомъ дыму, незаглушаемый громомъ артиллеріи, но отъ него отличный, непрерывнымъ гуломъ звучалъ торжественный голосъ войска, составляя вмѣстѣ съ выстрѣлами какую-то несказанную, потрясающую сердце гармонію. И это *ура*, сперва всеобщее по всѣмъ колоннамъ, умолкая на одномъ концѣ ихъ, начиналось на другомъ, опять сливалось въ одинъ повсемѣстный крикъ, снова прерывалось и снова гремѣло, и наконецъ, только по данному Императоромъ знаку, мало по малу замолкло. И только эта одна минута повторила то, что здѣсь случилось въ день Бородинскаго боя: въ залпѣ пушекъ и въ крикѣ арміи мы услышали послѣдній отголосокъ тогдашней битвы, но этотъ отголосокъ былъ *слава!* Опять все умолкло; начался благодарственный молебенъ; армія пала на колѣна; запѣли *Тебе Бога хвалимъ!* Первосвятитель окропилъ памятникъ святою водою; потомъ священники съ хоругвями и крестами прошли обратно мимо арміи и скоро ихъ свѣтлый строй и кресты и хоругви исчезли въ отдаленіи. Колонны пошколебались; Государь впереди ихъ проѣхалъ мимо памятника и, отдавъ ему честь, остановился передъ нимъ, и вся армія прошла мимо его въ удивительномъ

порядкѣ; но страшная туча пыли отъ нея подымалась,
какъ будто напоминая о дымѣ Бородинскаго боя. На-
конецъ все опустѣло, все утихло; чудесное видѣніе
кончилось; остался одинъ Бородинскій памятникъ съ
Багратіоновымъ гробомъ, озаряемые яснымъ небомъ,
и кругомъ ихъ спокойные холмы, одѣтые жатвою.

Здѣсь, кажется мнѣ, у мѣста повторить то, что
было мною сказано при открытіи Александрова мо-
нумента; событія одни и тѣже; и мысли, ими про-
буждаемыя, одни и тѣже..... «И *крестъ, вѣнчающій*
«*этотъ памятникъ битвы* (на колоннѣ Александровой
«стоитъ крестоносный Ангелъ), не то ли онъ знаме-
«нуетъ, что дни *боеваго созданія* для насъ миновались,
«что все для могущества сдѣлано, что завоеватель-
«ный мечь въ ножнахъ и не иначе выйдетъ изъ нихъ,
«какъ только для сохраненія; что наступило время
«*созданія мирнаго;* что Россія, все свое взявшая, извнѣ
«безопасная, врагу недоступная или погибельная, не
«страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы,
«вступила нынѣ въ новый, великій періодъ бытія сво-
«его, въ періодъ развитія внутренняго, твердой за-
«конности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокро-
«вищъ общежитія; что, опираясь всѣмъ западомъ на
«просвѣщенную Европу, всѣмъ югомъ на богатую
«Азію, всѣмъ сѣверомъ и востокомъ на два океана,
«богатая и бодрымъ народомъ, и землею для трой-
«наго народонаселенія, и всѣми дарами природы для
«животворной промышленности, она, какъ удобрен-

«ное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію, «и готова произрастить богатую жатву гражданскаго «благоденствія, ввѣренная Самодержавію, коимъ нѣ- «когда создана и упрочена ея сила, и коего символъ «нынѣ воздвигнутъ передъ нею Царемъ ея въ семъ «*крестоносномъ памятникѣ* на полѣ битвы, а имя его: «*Божія Правда!*»

Вечеръ этаго дня провелъ я въ лагерѣ. Тамъ сказали мнѣ, что наканунѣ въ арміи многіе повторяли моего *Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ*, пѣсню, современную Бородинской битвѣ: признаюсь, это меня тронуло до глубины сердца; но въ этомъ чувствѣ не было авторскаго самолюбія. Жить въ памяти людей по смерти не есть мечта: это высокая надежда здѣшней жизни. Но меня вспомнили *за-живо;* новое поколѣніе повторило давнишнюю пѣсню мою на гробѣ минувшаго. Это еще болѣе разогрѣло мое устарѣвшее воображеніе, въ которомъ шевелился уже прежній огонёкъ, пробужденный всѣмъ видѣннымъ мною въ этотъ день. А живой разговоръ съ К. Г., съ которымъ я встрѣтился въ лагерѣ, и который своимъ поэтическимъ языкомъ доказывалъ мнѣ, что пѣвцу Русскихъ воиновъ, въ теперешнемъ случаѣ, *должно* помянуть времена прошлыя, далъ сильный толчекъ моимъ мыслямъ. Возвратясь изъ лагеря, я въ тотъ же вечеръ написалъ половину моей новой Бородинской пѣсни, на другой день на переѣздѣ изъ Бородина въ Москву кончилъ ее; она была немедленно напечата-

на; экземпляры отосланы въ лагерь, и эта пѣсня прочитана была въ арміи на праздникѣ Бородинскаго Помѣщика. И такъ привелъ Богъ, по прошествіи четверти вѣка, на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ молодости душа испытала высокое чувство, повторить тоже, что было въ ней тогда, но уже не въ тѣхъ обстоятельствахъ. Чего, чего не случилось въ этотъ промежутокъ времени между кровавымъ сраженіемъ Бородинскимъ и мирнымъ величественнымъ его праздникомъ! Съ особеннымъ чувствомъ смотрѣлъ я въ этотъ день на нашего молодаго, цвѣтущаго Бородинскаго Помѣщика, который, на праздникѣ Русскаго войска, былъ главнымъ представителемъ поколѣнія новаго. Мнѣ довелось одному изъ первыхъ встрѣтить Его въ этомъ свѣтѣ, и потомъ въ Кремлѣ, у колыбели Его, тамъ, гдѣ была колыбель Петра, пророчить Его будущее. Тогда говорилъ я Его благословенной Матери:

Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ Твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ Онъ;
Какъ тишина Его прекрасенъ сонъ
И жизни вѣсть къ Нему не достигала....
Но ужъ судьба свой судъ о Немъ сказала,
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тмѣ земной для насъ не разрѣшитъ....
Но Онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,

На высотѣ воскресшаго Кремля.
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый;
Кругомъ Его и небо и земля,
Питавшія Россію въ колыбели;
Здѣсь жизнь отцевъ могучая была;
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла—
Обманетъ ли сіе знаменованье?
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ Твоемъ младенцѣ отдаетъ.
Тебѣ Его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай Тебѣ во слѣдъ Онъ перейдетъ
Съ душей, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ Своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, Подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы....

Эта часть пророчества во многомъ исполнилася. Да исполнится и остальная!

Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ;
Для блага *всѣхъ*—*Свое* позабывать;

Лишь въ голосѣ Отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла Свои читать—
Вотъ правила Царей великихъ Внуку.

Но за исполненіе этой послѣдней части пророчества порукою Тотъ, Который теперь воспитываетъ примѣромъ Своимъ Наслѣдника Россіи и Царскаго надъ нею могущества. Мнѣ однако уже не видать совершенія всѣхъ надеждъ, стихами моими изображенныхъ. Дай Богъ закрыть глаза съ отрадною мыслію, что мое Отечество продолжаетъ благоденствовать подъ Державою своего нынѣшняго славнаго Императора, и съ сладкою надеждою, что еще долго Онъ останется съ Вами, не утративъ ни однаго изъ сокровищъ сердца, услаждающихъ для Него бремя власти.

. . . . . .

Москва.
1839, Сентября 5.

Русскій Царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена;
Кровь на ней была святая.
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И престолъ и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождёмъ
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ инокинь обитель;*
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ
Всѣхъ рѣшитель браней крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другаго поколѣнья,
Новымъ, славнымъ ужъ Царёмъ
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна;
Такъ же мужество въ ней сильно,
Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена
И полковъ тѣ жъ имена,
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей Царёмъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

* Спасо-Бородинскій монастырь, основанный близъ села Семеновскаго вдовою генерала А. А. Тучкова на той батареѣ, гдѣ онъ убитъ, сражаясь храбро. Тѣло его не было отыскано. Всѣ кости, найденныя на семъ мѣстѣ, были зарыты въ одну могилу, надъ которою теперь возвышается церковь, и въ этой церкви гробница Тучкова.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
Гдѣ Герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай!
Гдѣ, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій,
И подъ старость сохранившій
Все, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-атаманъ?

Гдѣ наѣзникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичь? Гдѣ славный
Доктуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сен-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И Боецъ, сынъ Аполлоновъ....
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино....
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

И Тебя мы пережили,
И Тебя мы схоронили,
Ты, Который тронъ и насъ
Твердымъ Царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, Царей Диктаторъ,
Нашъ великій Императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда!
И Твоя пришла чреда!

О година Русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ Державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ;
Какъ спасительно Онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно Онъ десницу
Протянулъ врагамъ Своимъ!
Какъ гордился Русскій Имъ!

Вдругъ.... отъ всѣхъ честей далёко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ Владыка, нашъ Герой,
Гаснетъ Царь благословенной;
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся Имперія идётъ.

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!...
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ....
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы Царемъ;
До Стамбула Русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы Султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Араксъ;
Арзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій;
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ,
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И, нежданая ограда,
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ Турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
«Здѣсь былъ Русскій станъ разбитъ!»....

Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ!
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ,
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
Память вѣчная Царю!
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Съ нимъ вся армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный Герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь *за общую намъ мать.*

В. Жуковскій.

Бородино.
26 Августа, 1839.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГЕРЦОГУ МАКСИМИЛИАНУ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОМУ

ПРИНЦУ ЭЙХШТЕДТСКОМУ.

Какъ весело, въ лучахъ Монаршаго вѣнца,
Она у насъ росла и — розой разцвѣтала!
Какъ съ Нею свыклися всѣ Русскія сердца!
Лишь мысль одна блаженство помрачала,
Что съ милой родиной разстанется Она,
Что дальней сторонѣ, подъ небеса чужія,
Свой лучшій перлъ отдать должна Россія,
Что лишь въ-гостяхъ у насъ Великая Княжна.
Но Ты, Сынъ Витязя *безъ страха и упрека*,

Достойный Сынъ Баярда нашихъ дней,
Ты отклонилъ ударъ завистливаго рока:
Привѣтствуемъ Тебя съ Супругою Твоей!
На Русь Тебя звала десница Провидѣнья,
Готовила Тебѣ счастливѣйшій удѣлъ:
Ты совершилъ ея опредѣленье —
И Ангелъ нашъ отъ насъ не улетѣлъ.
Онъ съ нами! Воздухомъ мы съ Нимъ отчизны дышимъ;
Слѣдимъ Его и взоромъ и душой,
И въ голосѣ Его Царицы кротость слышимъ,
И образъ видимъ въ Немъ Родителя живой.
Не провожаемъ мы въ чужбину Царской Дщери,
Не шлемъ слезы прощальной въ-слѣдъ Ея;
Нѣтъ пустоты у насъ, не чувствуемъ потери,
И не разрознилась прекрасная Семья!
По-прежнему цвѣтетъ, какъ радуга завѣта,
Во всей красѣ, горя превыше тучь,
Возносится на небѣ полусвѣта,
Отъ солнца чуждаго занявъ привѣтный лучь.

П. Ободовскій.

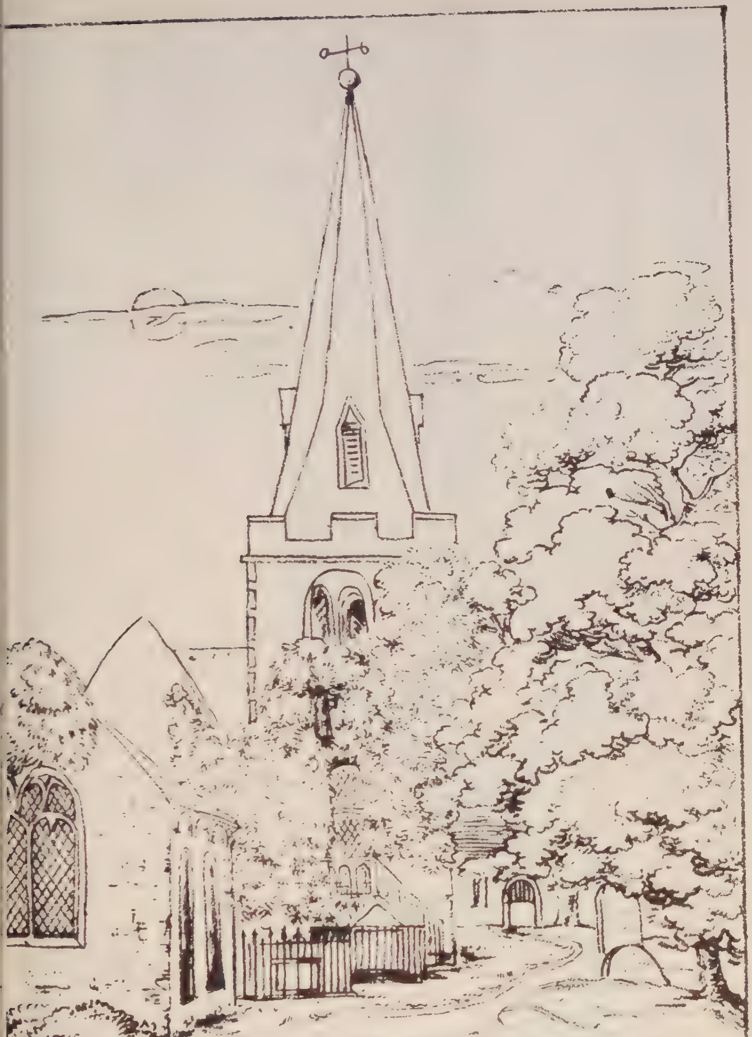
СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ГРЕЕВА ЭЛЕГІЯ.

Греева элегія переведена мною въ 1802 году и напечатана въ Вѣстникѣ Европы, который въ 1802 и 1803 г. былъ издаваемъ Н. М. Карамзинымъ. Это мое *первое напечатанное* стихотвореніе. Оно было посвящено тогда Андрею Ивановичу Тургеневу *. Находясь, въ Маіѣ мѣсяцѣ нынѣшняго (1839) года, въ Виндзорѣ, я посѣтилъ кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегію (оно находится въ деревнѣ Stock Poges, неподалеку отъ Виндзора); тамъ я перечиталъ прекрасную Грееву поэму и вздумалъ снова перевести ее, какъ можно ближе къ подлиннику. Этотъ второй переводъ, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу въ знакъ нашей съ тѣхъ поръ продолжающейся дружбы и въ воспоминаніе о его братѣ.

* Онъ умеръ въ 1803 году.

I. *Сельск. Кладб.*



II. *Сельск. Кладб.*

III

Сельск. Клюб

Колоколъ поздній кончину отшедшаго дня возвѣщаетъ;
Съ тихимъ блеяньемъ бредетъ черезъ поле усталое стадо;
Медленнымъ шагомъ домой возвращается пахарь, уснувшій
Міръ уступая молчанью и мнѣ. Ужъ блѣднѣетъ окрестность,
Мало по малу теряясь во мракѣ, и воздухъ наполненъ
Весь тишиною торжественной; изрѣдка только промчится
Жукъ съ усыпительно-тяжкимъ жужжаньемъ, да рогъ отдаленный,
Сонъ наводя на стада, порою невнятно раздастся;

Только съ вершины той пышно плющемъ украшенной башни

Жалобнымъ крикомъ сова предъ тихой луной обвиняетъ
Тѣхъ, кто, случайно зашедши къ ея гробовому жилищу,
Миръ нарушают ея безмолвнаго, древняго царства.
Здѣсь подъ навѣсомъ нагнувшихся вязовъ, подъ свѣжею тѣнью
Ивъ, гдѣ зеленымъ дерномъ могильные холмы покрыты,
Каждый навѣкъ затворяся въ свою одинокую келью,

Спятъ непробудно смиренные предки села. Ни веселый
Голосъ прохладно-душистаго утра, ни ласточки ранней
Съ кровли соломенной трель, ни труба пѣтуха, ни отзывный
Рогъ, ничто не подыметъ ихъ болѣ съ ихъ бѣдной постели.
Яркій огонь очага ужъ для нихъ не зажжется; не будетъ
Ихъ вечеровъ услаждать хлопотливость хозяйки; не будутъ
Дѣти тайкомъ къ дверямъ подбѣгать, чтобъ подслушать, нейдутъ ли
Съ поля отцы, и къ нимъ на колѣна тянуться, чтобъ первый

Прежде другихъ схватить поцалуй. Какъ часто серпамъ ихъ
Нива богатство свое отдавала; какъ часто ихъ острый
Плугъ побѣждалъ упорную глыбу; какъ весело въ поле
Къ трудной работѣ они выходили; какъ звучно топоръ ихъ
Въ лѣсѣ густомъ раздавался, рубя вѣковыя деревья!

Пусть издѣвается гордость надъ ихъ полезною жизнью,
Низкій удѣлъ и семейственный миръ поселянъ презирая;
Пусть величіе съ хладной насмѣшкой читаетъ простую
Лѣтопись бѣднаго; — знатность породы, могущества пышность,
Все, чѣмъ блеститъ красота, чѣмъ богатство плѣняетъ, все будетъ
Жертвой послѣдняго часа: путь славы ведетъ лишь ко гробу.
Кто обвинитъ ихъ за то, что надъ прахомъ смиреннымъ ихъ память
Пышныхъ гробницъ не воздвигла; что въ храмахъ, по сводамъ высокимъ,
Въ блескѣ торжественномъ свѣчь, въ благовонномъ дыму ѳиміама,

Имъ похвала не гремитъ, повторенная звучнымъ органомъ?
Надпись на урнѣ, иль дышущій въ мраморѣ ликъ не воротятъ
Въ прежнюю область ея отлетѣвшую жизнь, и хвалебный
Голосъ не тронетъ безмолвнаго праха, и въ хладнонѣмое
Ухо смерти не вкрадется сладкій ласкательства лепетъ.
Можетъ быть, здѣсь въ могилѣ, ничѣмъ не замѣтной, истлѣло
Сердце, огнемъ небеснымъ нѣкогда полное; стала

Прахомъ рука, рожденная скипетръ носить, иль восторга
Пламень въ живыя струны вливать; но наука предъ ними
Свитковъ своихъ, богатыхъ добычей вѣковъ, не раскрыла,
Холодъ нужды умертвилъ благородный ихъ пламень, и сила
Геніемъ полной души ихъ безплодно погибла навѣки.
О! какъ много чистыхъ, прекрасныхъ жемчужинъ сокрыто
Въ темныхъ, невѣдомыхъ намъ глубинахъ океана! Какъ часто

Цвѣтъ родится на то, чтобъ цвѣсти невидимо и сладкій
Запахъ терять въ безпредѣльной пустынѣ! Быть можетъ,
Здѣсь погребенъ какой-нибудь Гампденъ незнаемый, грозный
Мелкимъ тиранамъ села, иль Мильтонъ нѣмый и не славный,
Или Кромвель неповинный въ крови согражданъ. Всемогущимъ
Словомъ сенатъ покорять, бороться съ судьбою, обилье
Щедрою сыпать рукой на цвѣтущую область, и въ громкихъ
Плескахъ отечества жизнь свою слышать — то рокъ запретилъ имъ;
Но, ограничивъ въ добрѣ ихъ, равно и во злѣ ограничилъ:
Не далъ имъ воли— стремиться къ престолу стезею убійства,
Иль затворять милосердія двери предъ страждущимъ братомъ,
Или, коварствуя, правду таить, иль стыда на ланитахъ
Чистую краску терять, иль срамить вдохновенье святое,
Гласомъ поэзіи славя могучій развратъ и фортуну.

Чуждые смутъ и волненій безумной толпы, изъ-за тѣсной
Грани желаній своихъ не пуская, вдоль свѣжей,

Сладко-безшумной долины жизни, они тихомолкомъ
Шли по тропинкѣ своей, и здѣсь ихъ пріютъ безмятеженъ.
Кажется, слышишь, какъ дышетъ кругомъ ихъ спокойствіе неба,
Всѣ тревоги земныя смиряя, и мнится, какой-то

Сердце объемлющій голосъ, изъ тихихъ могилъ подымаясь,
Здѣсь разливаетъ предчувствіе вѣчнаго мира. Чтобъ праха
Мертвыхъ никто не обидѣлъ, надгробные камни съ простою
Надписью, съ грубой рѣзьбою прохожаго молятъ почтить ихъ
Вздохомъ минутнымъ; на камняхъ рука неграмотной музы
Ихъ имена и лѣта написала, кругомъ начертавши,

Вмѣсто надгробій, слова изъ Святаго Писанья, чтобъ скромный
Сельскій мудрецъ по нимъ умирать научался. И кто же,

Кто въ добычу нѣмому забвенью эту земную,

Милую, смутную жизнь предавалъ и съ цвѣтущимъ предѣломъ
Радостно-свѣтлаго дня разставался, назадъ не бросая

Долгаго, томнаго, грустнаго взгляда? Душа, удаляясь,

Хочетъ на нѣжной груди отдохнуть, и очи, темнѣя,

Ищутъ прощальной слезы. Изъ могилы намъ слышенъ знакомый
Голосъ, и въ нашемъ прахѣ живетъ бывалое пламя.

Ты жъ, погребенныхъ безъ славы заботливый другъ, безъискусно
Повѣсть объ нихъ расказавшій, быть можетъ, кто-нибудь, сердцемъ
Близкій тебѣ, одинокой мечтою сюда приведенный,

Знать пожелаетъ о томъ, что случилось съ тобой, и быть можетъ,
Вотъ что раскажетъ ему о тебѣ старожилъ посѣдѣлый:
«Часто видали его мы, какъ онъ на разсвѣтѣ поспѣшнымъ
«Шагомъ, росу отряхая съ травы, всходилъ на пригорокъ

«Встрѣтить солнце; тамъ, на мшистомъ, изгибистомъ корнѣ
«Стараго вяза, къ землѣ приклонившаго вѣтви, лежалъ онъ
«Въ полдень, и слушалъ, какъ ближній ручей журчитъ извиваясь;
«Вечеромъ часто, окончивъ дневную работу, случалось
«Намъ видать, какъ у входа въ долину стоялъ онъ, за солнцемъ
«Слѣдуя взоромъ и слушая зяблицы позднюю пѣсню;

«Такъ же неразъ мы видали, какъ шелъ онъ вдоль лѣса, съ какой-то
«Грустной улыбкой, и что-то шепталъ про себя, наклонивши
«Голову, блѣдный лицемъ, какъ будто оставленный цѣлымъ
«Свѣтомъ и мучимый тяжкою думой или безнадежнымъ
«Горемъ любви. Но однажды поутру его я не встрѣтилъ,
«Какъ то бывало, на холмѣ, и въ полдень его не нашелъ я
«Подлѣ ручья, ни послѣ въ долинѣ; прошло и другое

«Утро и третье; но онъ не встрѣчался нигдѣ, ни на холмѣ

«Рано, ни въ полдень подлѣ ручья, ни въ долинѣ

«Вечеромъ. Вотъ мы однажды поутру печальное пѣнье

«Слышимъ: его на кладбище несли. Подойди: здѣсь на камнѣ,

«Если умѣешь, прочтешь, что о немъ тогда написали:

«Юноша здѣсь погребенъ, невѣдомый счастью и славѣ;

«Но при рожденьи онъ былъ небесною музой присвоенъ,

«И меланхолія знаки свои на него наложила.

»Былъ онъ душой откровененъ и добръ, его наградило

«Небо: несчастнымъ давалъ, что имѣлъ онъ — слезу; и въ награду

«Онъ получилъ отъ неба самое лучшее: друга.

«Путникъ! Не трогай покоя могилы: здѣсь все, что въ немъ было

«Нѣкогда добраго, всѣ его слабости робкой надеждой

«Преданы въ лоно благаго Отца, правосуднаго Бога.

Здѣсь прилагаю три рисунка, снятые мною съ натуры. На первомъ изображено кладбище,

«Гдѣ подъ навѣсомъ нагнувшихся вязовъ....
«Спятъ непробудно смиренные предки села»...

на второмъ изображена описанная Греемъ башня,

«Пышно плющемъ украшенная»;

третій рисунокъ представляетъ памятникъ, воздвигнутый Грею, неподалеку отъ воспѣтаго имъ кладбища, котораго церковь, башня и густыя деревья видны въ отдаленіи.

В. Жуковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ XVI ТОМА.

Стран.

(Первой нумераціи.)

I. Современныя записки.

Хроника Русскаго въ Парижѣ. *Э. А.* 5

II. Разборъ новыхъ книгъ.

Новыя сочиненія. 31

Новые переводы. 49

Новыя изданія. 54

(Второй нумерац.)

III. Исторія среднихъ вѣковъ.

Отрывки изъ исторіи Партизановъ Пиренейскаго полуострова. *Н. В. Невѣдомскаго.* 1

IV. Объявленіе.

О продолженіи Современника. 47

(Третьей нумерац.)

V. Повѣсти.

Вотъ любовь! *Г. Ѳ. Основьяненка.* 1

Башня Веселуха. *Смоленскаго старожила.* 116

VI. Стихотворенія.

Бородинская Годовщина (Стихотворенію предшествуетъ отрывокъ письма Е. И. В. Вели-

Стран
кой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ о Бородинскомъ праздникѣ). *В. А. Жуковскаго.* 19
Е. И. В. Герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому. *П. Г. Ободовскаго.* 21
Сельское кладбище, Греева элегія. *Новый переводъ В. А. Жуковскаго.* 21

Конецъ шестнадцатаго тома.